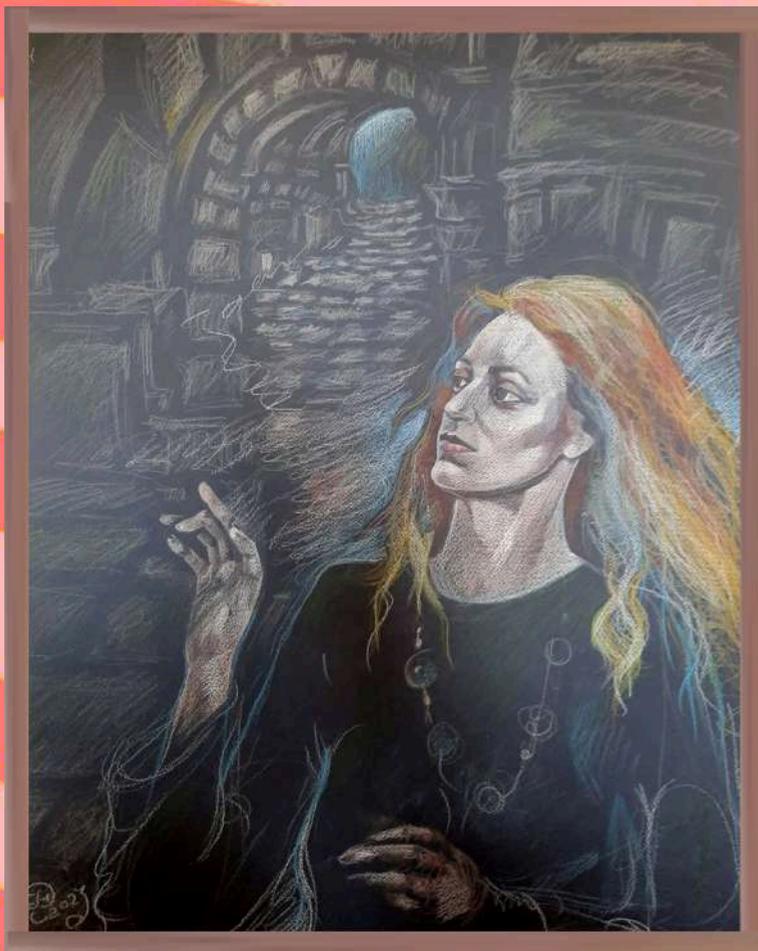

(((СОНАР)))

№ 14, 2024 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР))

Марина
Симкина

Ольга
Логош

Эйтан
Адам

Анжела
Беленко

Анатолий
Анимица

Это место
вакантно.

Обращайтесь

[rougelangue](mailto:rougelangue@gmail.com)

[@gmail.com.](mailto:rougelangue@gmail.com)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net>.

▶ Номера журнала Сонар аудио приложения (ссылка на все аудио).

В оформлении обложки использованы картины Дмитрия Северюхина
Выпускающие редакторы: Анатолий Анимица, Марина Симкина.

Оглавление

Ян Бруштейн. Между городом и садом	3
Диана Беребицкая. Тревожное	10
Катя Спектор. Группа риска	15
Арина Браги. Ресторан Домо	20
Михаил Язмир. Рудик	31
София Шегель. Рядовое происшествие	41
Леонид Дынкин. Заозерная, 16	51
Марина Симкина. Потоп сознания	109
Елена Румановская. Кто аплодировал Зощенко, или как возникает легенда	113
Анжела Беленко. 1932 год. Германия – СССР,	124
Леонид Диневи́ч. Управление погодой. Возможности и перспективы	135
Александр Вильшанский. Одни ли мы на этой планете?	142
Авторы, художники и редакторы	163
Галерея. Работы Дмитрия Северюхина	169

Ян Бруштейн. Между городом и садом

* * *

Когда меня накрыло не по-детски,
И было не укрыться, и не деться
От этой убивающей тоски,
Всё развивалось, как в театре действо,
Как боль недавно сломанной руки.

Моя страна смеялась и стонала,
И мыла руки, и своих пинала –
Потом, когда сдала их и спасла,
Сушила вёсла, и рожала мало,
И жгла траву у нашего села.

Мы жили между городом и садом,
Леса и реки обнимая взглядом,
А я лечился деревом и строкой.
Всё думал: может быть, добром и ладом
У нас всё выйдёт, милая, с тобой.

Гроза играет страшной погремушкой,
Наш дом качает, словно кто-то ушлый
Трясёт его завистливой рукой.
Когда у края снова раню душу,
Меня спасёшь ты, и никто другой.

Миф о красных деревьях

Окно выходит в белые деревья.

Евгений Евтушенко

К реке шагали красные деревья,
К воде спешили красные деревья,
По шагу в год – но все же шли деревья,
Надеясь, что когда-то добредут.

А впереди лубочная деревня,
Красивая и прочная деревня,
Волшебная и хлебная деревня
Ждала, когда поближе подойдет.

Точила топоры она и пилы,
Железами по воздуху лупила,
И удалую пробовала силу,
Которая всегда одержит верх.
Деревья же не ведали испуга,
И, землю бороздя подобно плугу,
Поддерживая бережно друг друга,
Брели они к воде за веком век.

К реке спустились красные деревья,
К воде припали красные деревья...
Навстречу вышла целая деревня
И предъявила древние права:
На то они на свете – дровосеки,
Зимой хотят тепла и скот, и семьи,
И вот срубили красные деревья
На красные прекрасные дрова.

Кораблики из них строгали дети,
И, у огня играя, грелись дети,
И в том, что нет чудес на белом свете,
Не видели особенной беды.
А корабли куда-то плыли сами,
Бумажными мотая парусами,
И вздрагивали красными бортами,
Достигнувшие все-таки воды.

Сестрорецкое

В забубенном Сестрорецке, возле озера Разлив,
Я свое пробегал детство, солнцем шкурку прокалив.
Там, где Ржавая Канава, там, где Лягушачий Вал,
Я уже почти что плавал, далеко не заплывал.
Эта финская водица да балтийский ветерок...
Угораздило родиться, где промок я и продрог,
Где коленки драл до мяса – эту боль запомнить мне б –
Где ядреным хлебным квасом запивал соленый хлеб,
Где меня жидом пархатым обзывала шелупня,
Где лупил я их, ребята, а потом они – меня.
Только мама знала это и ждала, пока засну...
Я на улицу с рассветом шел, как будто на войну.
Чайки громкие летали, я бежал, что было сил,
Со стены товарищ Сталин подозрительно косил...

Сам себя бедой пугая, сбросил маечку в траву,
Приняла вода тугая, и я понял, что плыву!
Непомерная удача, я плыву, а значит – жив...
Называлось это – дача, детство, озеро Разлив.

* * *

Деревья вырвут корни из остылой,
Не дышащей земли. И первый шаг,
Из города, забывшего, как было,
И шаг второй, тяжёлый, не спеша,
От нашего жилья, и от железа,
От визга пил, от веток на земле,
Уйдут они по улице облезлой
И растворятся в предрассветной мгле.
На город поглядят вполоборота,
И развернувшись, будто на оси,

Увидят вместо леса пни, болота,
И борщевик, и злую дрожь осин.
Оставят позади дорогу, поле,
И, вырастая до живых небес,
Деревья выйдут в это место боли
И скажут: «Мы пришли. Здесь будет лес!»

* * *

Наверно, там, где все мы будем вечно,
Мои собаки и мои коты
Замолвят за меня своё словечко
Без пафоса и брэнной суеты.

Поскольку будет времени навалом,
Покуда перечтут мои грехи,
Мы пролистаем нашу жизнь с начала,
Освободив от всякой шелухи.

Пусть ангелы считают каждый атом –
Мы в небе растворимся без следа,
И побежим по облакам пернатым,
Не подождав решения суда.

* * *

Поэты умирают раньше смерти.
Вы им не верьте, если их завертит
Холодный ветер времени и сна,
И по себе не мерьте эти сроки,
Где между строк даёт свои уроки
Погасшая, сторевшая весна.

И не спасают ни любовь, ни водка,
И глотка высыхает, как у волка,
Которому не снится плоти вкус.
Он порченный, его судьба – неволя,
Там только проза, нет стихов и боли,
И ночь трудна, и день всё чаще пуст.

Поэты погибают раньше века.
Но всё же ловят сладкий дым побега
Туда, где время новое течёт,
Где божий мир давно идёт по краю,
Где, догорая, мы не умираем,
Поскольку не насытились ещё.

Грузинские имена

В подвале, там, на Руставели,
Где меньше пили, больше пели,
Где я простужено сипел,
Иракий к дамам крался барсом,
И Заза неподкупным басом
Как сами горы, мрачно пел.

Вода со вкусом земляники,
На стенах сомкнутые лики
Людей, зверей и вечных лун.
Я пел тихонько, лишь для вида,
И слушал баритон Давида...
Дато был сед, а Важа – юн.

И шашлык нам нес Левани,
Мераб с Нодаром наливали
И выпедали каждый тост!
Алаверды от Амирани –

Мы пели, словно умирали.
Шота был строен, Цотне – толст...

Но видел я в дверную щёлку:
Варилось время, как сгущёнка,
И там, на дальнем рубеже,
Железный век спешил к закату,
И эти чудные ребята
Вошли в историю уже.

Но если ночь моя бессонна,
То вспомню я Виссариона,
Тенгиза, Джабу и Беко....
И отпадёт с души короста,
И уходить мне будет просто,
И жить по-прежнему легко.

* * *

В еврейском скудном городке,
Где проходила налегке
Белогвардейская пехота,
Где отдыхали от похода
Красноармейские полки,
Где вдаль смотрел из-под руки
Махно с подгнившего балкона,
И где сгущалось время оно,
А слово тихое «погром»
С утра сочилось над двором...

В блокадном сером Ленинграде
Просили Бога – Бога ради
Спасти и как-то прокормить,
А дед не уставал корпеть
Над обезумевшей буржуйкой.

Там варево дышало жутко:
Вздыхал и прел сапожный клей,
Похлёбка, лучшая на свете,
И для семьи, и для друзей,
И, понемногу, – для соседей...
В седых Синявинских болотах
Почти пропавшая пехота
Шла на прорыв, как на парад –
Остатки неподсудной роты.
И кто-то вышел, говорят.
Отец со снайперской винтовкой...
Как выжил он, не знаю толком.
Хрипел потом, во сне крича –
Еврей, похожий на грача.
А Ладога жила упрямо.
Мою едва живую маму
Полуторка везла с трудом,
Уже по кузов подо льдом...

А я иду в привычном ритме,
Собака обновляет след.
Кого теперь благодарить мне
За то, что вижу этот свет!..

Диана Беребицкая. Тревожное

Тревожное

Укутать мир
воздушным одеялом,
и добротой
насытить непременно,
и музыкой,
что лишь внутри звучала,
наполнить
завороженность вселенной.

И убаюкать,
и забыть о страхе,
жестокости,
презренье и страданье,
когда дрожит,
как будто бы на плахе,
готовое разбиться
мирозданье.

Красное и чёрное

*...У меня сегодня окончательно
иссякли краски...*

Из письма Винсента Ван-Гога

Поле кричало маками,
Жар за края стекал.
Кто-то перо обмакивал –
И, нестерпимо-ал,

Шрам рокового росчерка
В чьей-то пылал судьбе,
Нрав присмирив заносчивый
Грузом калёных бед.

Чиркали ветры серные –
Спичками о стекло
Неба, и вот усердие,
Что умножает зло:

Резаной, рваной, колотой
Раной разверзся свет,
И раскололся колокол
Сердца на «до» – и «вслед»,

Каркало горе – вороном,
Ветер потерь пьянил...

...Просто иссяк не вовремя
Выбор цветных чернил.

Под ярким светом

У вас нежности нет: одна правда...

Ф. М. Достоевский

Утро красит¹ – но нет нежности,
Только правды наждак крупинчатый.
Свету – едкому пересмешнику –
Заглянуть мне в окно приспичило.

Свет бесстыжий, нагой, уличный
Застигает: стою на стульчике,
Колченогонькой табуреточке
Со следами уставшей ретуши.

То ли это моя кафедра,
То ли время помыть шкафчики.

¹ «Утро красит нежным светом...» В. Лебедев-Кумач. Москва майская (текст песни братьев Покрасс).

Извернулось пространство каверзно:
Налицо превращенья Кафковы²
(Недоступные миру вещному),
Где подспудное – стало внешнее.
Не страшись небольшой погрешности:
Прочитай стишок или вешайся.

Похмелье

Окончательный омут провала.
Вкус полынный, в сознание пробел.
А не с Пирром ли мы пировали,
Что таких наглotalись побед?

Неудача с утратой граничит,
Вера ввергнута в ересь и грязь.
Только юности контуры птичьи
Над судьбой промелькнули, смеясь.

* * *

Размазываю улицы, спешу,
Давясь дорогой, долгой, как дознание.
Бьет по ушам – наотмашь – жизни шум,
Слепит глаза прожектор. С тем и нанят

² **Ф. Кафка. Превращение (повесть).

Непостижимый следователь, чтоб
Добыть мое раскаянье под пыткой.
Уже коснулись потаенных троп
Души нетерпеливые копыта.

Что ж, всяк почетен труд, и всяк удел
Печален: как гонитель, так и жертва,
Мечтает, чтобы кто-то пожалел
О нем, не исходя попутно желчью,

Чтоб проросли на вымытых ветвях,
Набухли слез брильянтовые почки,
Когда судеб прощупается связь
И высших сил неумолимый почерк.

Спешу коротким прочерком – во мглу
С покорностью исписанной страницы,
И мне навстречу капли по стеклу
Распластывают смазанные лица.

Врачевать и уговаривать,
Благодушия и нег
Опоить целебным варевом,
Штопать раны – не по мне.

Что распластываться стонами
В пустоту наземных сот?
Рана выглядит достойнее,
Чем заштопанный носок.

Боль

Я – в стон разомкнутого «О» –
Сквозь
Гортань кипящую скользну
Внутрь.
И обжигает желобок.
Боль –
Ярчайшим льдом, калёным льдом...
До –
Как тень тепла, как тень легка,
Как
Забывтый призрак милой лжи –
Жизнь...
А здесь серебряно-чиста –
Та:
В зрачке игла, в ладони гвоздь –
Ось.
Ось мирозданья. Жизнь уйдёт
В тот
Короткий стон сквозного «О» –
Боль.

Катя Спектор. Группа риска

Группа риска

Рискнуть задуть на торте свечи
И лет прожитых не считать,
С прямой спиной, расправив плечи,
Позиций возрасту не сдать.

Рискнуть – и одолеть болезни,
Признав: лекарства нет сильней,
Нет эффективней и полезней
Застолья в обществе друзей.

Рискнуть остаться в прежнем весе
Стереотипам вопреки.
Писать стихи, забыть о стрессе...
Возможно, риски велики –

Рискнуть и заново влюбиться,
В кого и так влюблен давно,
Затем, чтоб точно убедиться:
Любви стареть не суждено.

Работать. В кайф, не ради долга,
Не ради денег и похвал.
Рискнуть. И тех послать надолго,
Кто нас куда-то там вписал.

Непросто

Идешь. А люди смотрят мимо.
Совсем не так, как раньше – вслед...
И все как будто объяснимо,
На все дан правильный ответ.
Всему свои пора и сроки,
Капризен, призрачен успех..
С привычкой быть заметней многих
Непросто стать одной из всех...

Защитник

Защитник, защити меня!
В момент опасный или в споре.
И там, где есть и буду я,
Будь рядом – в радости и горе.
Не дай войти обидам в дом,
Воюй с недобрым до победы,
Непробиваемым щитом
Стань там, где атакуют беды.
Храни любовь, как оберег,
И как присяге данной верен,
Будь так же верен мне тот век,
Что в Книге Жизни нам отмерен.
И ты, кому вполне по силам,
В ком хватит воли и огня
Спасти и сделать мир счастливым, –
Спасая мир, начни с меня.

И снова недоступен абонент...

И снова недоступен абонент...
Прерывисты гудки. Сердцебиенье...
Связь прервана, и кажется, что нет
Надежды на ее возобновление.
Новейший телефонный аппарат,
Вершина технологий современных,
А я хочу туда, где говорят
Записками на школьных переменах,
Снежком в заиндевевшее окно
С подтекстом романтического толка,
Где солнечного зайчика пятно
От битого зеркального осколка,
Где мелом нарисованный квадрат,
Не смайлик в установленной программе.
Я с теми, кто сокровищем хранят
Тетрадь с несовершенными стихами.
Ах, кто бы и когда нам объяснил,
Без спрятанной усмешки и подвоха,

Как связан аромат простых чернил
С печалью ностальгического вздоха.
Новейшего приветствуется суть,
И пусть прогресс сегодняшний привычен,
Тот миг простого хочется вернуть,
Который сложным ником обезличен.
Иллюзии обманчивый момент,
И грусть – невольной слабости минута.
Короткие гудки.. Мой абонент
Далек и недоступен почему-то.

Все сделано по жизненному плану.
Построен дом. (Ремонту нет конца).
И дерево посажено, но вянут
И сыплются листочки с деревца.
Все так, как замышлялось, но теперь я
Грущу, увы, о самом дорогом...
Сын вырос и ушел сажать деревья,
Растить детей и строить новый дом.

Девочка Яэль

Бывает так. Депрессия, простуда,
Дежурная хандра и просто лень.
Но есть на свете маленькое чудо,
Февральский ангел, девочка Яэль.
Дыханьем лёгким тучи разгоняя,
Окрашивает счастьем каждый миг.
Смотрю, от умиления растаяв,
Я – человек, что таять не привык.
И кажется, все сделать я готова,
Чтоб жизнь её всегда такой была –
Без грустного, ненужного, плохого,
Без горестей, потерь, обиды, зла.
Чтоб не было войны, тоски, простуды...
Так верю в это я. Ты тоже верь,
Последняя любовь моя и чудо,
Февральский ангел. Девочка Яэль.

Не верьте слову «никогда»

Вас не касается война –
Одна из тех, которых много?
Но, где бы ни была она,
Война у вашего порога.
Когда б вы только знали, сколь
Близки далёкие снаряды,
Как быстро может чья-то боль
Прийти и оказаться рядом,
И пуля завершит полет –
Не здесь, а далеко. И где-то
Каких-то мальчиков убьёт,
Пройдясь по вашим – рикошетом.
Мир слишком хрупок, очень мал,
Злом атакован в лоб и с флангов,
Тот, кто войну чужой назвал,
Забыл о свойствах бумеранга.
И чья-то личная беда
В одно мгновенье общей станет.
Не верьте слову «никогда» –
Оно когда-нибудь обманет.
2008

Всем тем...

Всем тем, кто нас не поддержал
И вольно или нет, но предал,
Кто наших горестей не знал,
Затем что в горе с нами не был.
И тем, кто нами пренебрёг
Вне ожидания и правил,
От синяков не уберёг
И от царапин не избавил.
Кто не спасал и не учил,
Как зерна отделять от плевел,
Кто не прощаясь уходил
И правде наших слез не верил.

За чьей спиной не довелось
Пережить грозу навета,
Не подсказавшим на вопрос
Искомо верного ответа,
Всем тем, кто сгоряча и зря
Записан в памяти врагами –
Спасибо! Им благодаря,
Мы все преодолели сами.

Арина Браги. Ресторан Домо

В ресторане. Фото автора

Гнилое тепло января за час обернулось холодом, дождь – снегом, и теперь Алиса – огромный мухомор над головой – шлепала по снежному смузи – на навигаторе пёхом минут десять – от парковки у кампуса ее университета, через монорельс пустого трамвая, по переулку низких домов на окраине индустриального района к точке ДОМО. Ресторан японской кухни. Не ресторан, а трактир сытных крестьянских похлебок. Его хозяин и шеф повар – известный в городе сенсей айкидо Гаку Хомма. книгу он написал о сложном вкусе бульона даси, заклиная посетителей не добавлять в него соевый соус. Проверим.

Гаку Хомма не думал о ресторане, когда в конце семидесятых прибыл в Денвер и открыл студию айкидо, первую в Америке. Ученики кинулись к нему отовсюду – без денег, конечно, – и сенсею пришло в голову идея ресторанчика: и учеников подкормить, да и подзаработать. Гаку Хомма готовит сам. Всегда. Даже сейчас, в свои шестьдесят. Готовит строго по рецептам – нет! – ритуалам родной деревеньки Иванума в префектуре Ибараки.

Хлопья липкие, зонт скис поганкой, ботсы хлопали все смачнее – наливались тяжестью.

Алиса обогнула припаркованные за углом ресторанчика машины, ступила под арку распахнутых ворот – на темной доске вырезано «ДОМО» – и оказалась во дворе деревенского домишки, как в кадре черно-белого фильма о старой Японии. За частоколом изгороди – сад: воздух замутнен снегом, но видно, как дрожит мост над льдистым прудом, а низкие сосны касаются шишечки резного фонаря. Фасад дома-хатки укрыт бамбуковыми циновками, циновки покрывают и крышу, окон во двор нет.

Кривая дорожка подвела под соломенный навес входа.

Алиса сделала несколько быстрых выдохов, сложила зонт и потянула за ручку – ладную, по руке, корягу – дверца легко отошла. В тамбуре – светильник с экраном из рисовой бумаги, на внутренней двери – чучело карпа и записка: «Открывай осторожно, вдруг кто проходит внутри». Алиса тронула рыбу и мягко отвела дверь, словно ее ждут и она

не хочет напугать своим резким появлением.

Она оказалась первой сегодня. Ее увидели: «Одна? Прошу», – и ввели в зал. Нет не в зал, в музей! Да нет, не в музей – в трактир семи самураев. Таким в японских деревнях лет по триста. И не меняются.

– Кякю! – Посетитель! – зычно крикнул официант.

– Какю кангей сюрю! – Посетителю – ура! – раздалось дружное нескольких голосов из кухни, открытой в зал окошками в перегородке.

И стучали ножи.

И скворчали сковороды.

И шипел гриль на дровах.

И пахло русскими щами с говядиной.

И тихая флейта – сякухати – то колокольчики, то шелк.

Столешница – красный песчаник сквозь блеск черного лака – опирается на толстенный пень сосны. Алиса сняла мокрый пуховик – что с ним делать? – и сложила на пол у стены. Откуда-то вынырнула японка, положила на пол плоскую плетеную корзину: «Сюда можно». Алиса плюхнулась, не рассчитав, на низкий табурет – пенек поменьше, обтянут грубой кожей.

Потом, когда ужасное уже произойдет, Алисе расскажут, как Гаку с учениками спасал плиты старых тротуаров, когда в семидесятые город менял красный камень тротуаров на бетон. Из них смастерили столешницы, а из пней с пожарищ в окрестных горах – табуреты.

Алиса поерзала, устраиваясь на твердом табурете. Огляделась. Ее густо окружали буквы. Она оказалась внутри текста.

Кто я здесь? Случайный персонаж? Главная героиня?

Над головой светильник – гнездо из коряг, стянутых грубой веревкой, абажур – папье-маше из пожелтевших японских газет, свет прорывается сквозь столбцы иероглифов и окрашивается оранжевым. Словно на угольях догорает рукопись.

Моя?

Еще не написанная?

Огромная лампа в центре зала – оттягивает руку колодцу-журавлю, изрыгает рыжий свет; иероглифы его газет кричат о мальчиках-камикадзе второй мировой, о традиции последней пиалы сакэ перед вылетом на задание. Коллекция этих маленьких пиал – с облетевшим лепестком сакуры на донышке – вон там, на узкой полке под потолком. Светильники поменьше шепчут о голоде и лишениях и непролазной грязи послевоенной побежденной нации. И наготове толстенная бамбуковая кисть в углу – ведьмина метла из японской манги.

Макнуть бы ее в тушь, провернуть плавно, как меч в айкидо, – и круг иероглифа энсо накроет мою столешницу.

Звонят флейты-иероглифы с керамических ваз, бутылок из-под сакэ и пиал на столах. Гудят буквы-иероглифы со стенок котлов, чугунков и сковородок кухни. И ритмично дышат крошечные иероглифы с развернутого свитка в руках статуэтки школяра на подоконнике.

Звуки текста сливаются, и кажется, еще вот-вот – и поймешь что-то важное о себе.

Но!

Официант принес суп-даси в чугунке с бамбуковой ручкой. Не суп – архитектурный конструкт – на ножках вкусовых и обонятельных рецепторов. Алиса и не подозревала, как их много у нее на языке, в глотке и в носу. Из густоты бульона приподнимали головы и прижимались к стенкам плоские рисовые лепешки, прожаренные до хруста на дровяном гриле. Разноцветные кружочки, овалы и змейки корнеплодов, прозрачные полоски мяса, кубики костного мозга, проростки сои и зелень эстрагона рождали пар ароматов.

Жизнь!

Здесь и сейчас!

Все тексты, все тексты, все тексты – позабылись и перестали звучать.

Алиса уже не видела – из-за череды сложносочиненных вкусовых безумств – ни оконца, затянутого треснувшей рисовой бумагой, ни фигурок кукольного театра над дверью в сад, ни фаянсового блюда с синим рыбаком, ни рыбы на его крючке. Она позабыла, что рядом с ней на кованом гвозде висит раздувшаяся книга-блокнот, похожая на огромный отрывной календарь. И то, как полчаса назад не удержалась и стала переворачивать папиросные листки с иероглифами, почерк везде разный, догадалась, что с такими блокнотами паломники бредут по монастырям-бонсё, а монахи заполняют их странички за небольшую плату. И то, как из кухни выглянул сенсей Гаку Хомма и цепко взглянул на Алису. Взглядом своего на свою.

Признал сестру-книжницу.

Алиса заставила себя зацепить фарфоровую ложечку за край чугунок с супом и достала телефон. Ну как такому чуду пропадать! Отсняла короткое видео и запостила в TikTok. После еды прошла в сад, потом и в музей. Волшебное чувство, «я здесь своя», охватило Алису, когда Гаку Хомма подошел к ней. Разговорились, и сенсей рассказал, как в конце семидесятых ехал с коммуной хиппи в славный город Сан-Франциско, как их фургон сломался как раз посередине пути в Денвере. Так и осел здесь. Открыл школу айкидо, он ведь в Японии работал на американской базе, тренировал военных. Они и пригласили его в Америку.

На следующее утро, в субботу, Гаку Хомма вышел из кухни, где он отскребал клубни – помощники придут и тонко нарежут овощи, прошел по круглым камням сада и отвел раздвижную дверь музея. Поморщился на вывеску «Музей». Дом это! Музеем назвал, чтобы понятней было. Дом, родной дом, дом вдали от родины. Вот сандалия у порога – сам ее смастерил. Потерял прежнюю в раскисшем поле. Петля оборвалась, глупо, палец на ноге поранил, вот шрам виден. Гаку наклонился и потрогал почерневшую подошву сандалии, пальцы уловили

слабое тепло: может, помнит меня молодым?

Старые вещи – они впитывают и твой пот, и чешуйки твоей кожи, и твои мечты.

Я деревянная сандалия, лежу у входа в музей. К моей подошве прибиты две перекладыны, сверху петля – кусок веревки из рисовой соломы. Я здесь давно и потеряла счет времени. Я напрягаюсь и погружаюсь в сон, в великолепное солнце: меня выстругивает молодой Гаку, сидя на островке у сосны – посреди осенней топи рисовых полей. Выстругал и вдел в петлю большой палец левой ноги. На правой – оставалась прежняя сандалия.

Я поздоровалась: ведь нам теперь вместе служить, но она не ответила – ее залепила засохшая глина. Гаку поднялся, подхватил на спину рогожку с рисовой мукой и шагнул в яркую жирную грязь. Несколько вязких шагов, и на меня, такую юную, налип ком грязи, весом с мешок риса на спине хозяина – месячный паёк для всего дацана. Закатное солнце сменилось тучей. Дождь набирал, набирал, набирал силу, удесятерив вес грязи на мне. Дождь шел всю первую осень моей трудной жизни.

Как хорошо, как давно это было.

Полчаса до открытия. Гаку позабыл и сандалию, и молодые мечты, плавно ступил на платформу для чайной церемонии и сел на пятки: вдох на семь, задержка на семь, выдох на семь. Волны дыхания поднимались, исходили и вновь накатывали.

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Мммхххх-----Фуууууу

Сенсей не слышал, что у дверей уже бесновалась толпа жаждущих приобщиться к ресторану, не знал, что вирусное видео из

TikTok набрало миллион просмотров; что кто-то постил возмущенные комментарии, а кто-то вызывал конную полицию.

Гаку обычно просыпался в три ночи – время мудрецов и поваров. Ставил на дровяной огонь мясной бульон, потом отцеживал имбирный чай, что настаивался восемь часов. Имбирь зимой целебен, но отдает силу медленно, спешить нельзя. Оставлял загуститься соус из кунжутного масла с красным перцем и переходил в холод студии айкидо. Снимал обувь, голые ступни привычно пружинили на мягкой обивке пола. Несколько упругих шагов, как по воде, и садился на пятки перед портретом Морихея Уесибы – основателя айкидо в родном додзё Иванума.

Гаку застал Морихея в живых. Два последних года готовил ему похлебки, кипятил воду и купал вечерами в кедровой бочке-бане под сливой. Когда Учитель перепутал день с ночью, то до утра сидел у его изголовья и читал ему тексты из Оомото-Кё. Терпел-терпел-терпел раздражение умирающего. И радовался. Свет шел от легкого тела Учителя. А рядом прислуживала тихая Кикунэ, один взгляд на ее лицо – круглое, как иероглиф энсо – и Учитель переставал раздражаться, а Гаку омывался от усталости бессонных ночей. Учитель умер, и Гаку сбежал в Америку, основал школу айкидо. Ресторан – память о родной деревне, давно проглоченной разросшимся городом.

«Помощник шеф-повара – это для налоговой. А я – ученик, учи-деши, великого Гаку Хомма», – Джей думал так и сегодня, входя ранним утром в кухню ресторана. Пусто, гулко. Дух вареной говядины, специй и забродившего имбиря еще не разбавлен другими людьми. – Хорошо!

Джей вытолкнул диафрагмой пять длинных выдохов. Пленка водяная на лице. Джей почувствовал, как осушается лицо в сытном тепле кухни. Брел он сегодня долго, нарочно оставил машину в другом районе. Замечательно пусты улицы. Час с четвертью – и голова легкая, как гелий, и глаза теряют фокусировку: за полупрозрачной пленкой не дома – силуэты, и не машины – облачные густки.

Джей взял пенал и вынул острый именной нож: «Им меня посвятил в помощники повара сенсей Гаку. А вот и первая посетительница! Тоже шла под снегом. Надо ей подать горячего имбирного настоя».

Алиса ушла из ресторана счастливая. «Устрою себе каникулы – без соцсетей и гаджетов», – и стерла назойливые приложения с телефона. Через две недели, гордясь, что выдержала компьютерную ломку, решила сходить в ДОМО. Пусто на парковке. Пусто во дворе. На закрытой двери вежливая записка от руки, что ресторан закрылся, что ресторан не умеет менять традиции, что хозяин ресторана просит прощения у тысяч поклонников.

Какие тысячи?

Алиса дрожащими руками загрузила приложения TikTok. Обомлела: ее сорокасекундное видео стало вирусным, набрало миллионы просмотров. Нашла последнее интервью Гаку местному телевидению – он сам не свой: лицо смазано, губы едва шевелятся. Алиса только теперь увидела сломанную изгородь, разрушенный мостик, изувеченный ствол сливы.

Стыд прожег диафрагму.

Попробовала написать сообщение, но ошалела от боли в висках. Внутри поднималась злобная ярко-зеркальная волна. Хотелось покрыть себя тату, сесть на байк и нестись по трассе среди замерших машин. И чтобы ревело в ушах! У них! Алиса забыла, как можно вдохнуть, зубы сжались, ребра замкнуло и грудную клетку не расширило, ее повалило на скамью у изуродованной ограды. Алиса не видела, как выбежал из сада и склонился над ней Джей. Он все эти дни возвращался в разоренное гнездо.

В тот день, когда дворик перед рестораном заполнила толпа посетителей и люди дрались за место в очереди, Джей показал Учителю вирусное видео, что вынесло их к мишленовским высотам. Они сначала обрадовались, но кухня работала через силу, не все ожидающие попали

внутри. Еды в этот день не хватило. Вечером, когда за последним посетителем закрыли ворота, Гаку и Джей прошли в музей, сняли обувь и поднялись на платформу для чая. Гаку устался на облачение самурая в нише, так, как он мог – полный уход от реальности. Джей неловко звякнул крышкой чайничка, развел кипятком зеленую пыль редчайшего чая, стал взбивать бамбуковым венчиком. Гаку обернулся на звук струйки, ударившей в пиалу с выпуклым орнаментом-иероглифом. Джей протянул ему напиток.

– Ты, знаешь, а ведь отец не верил в меня, называл отщепенцем, вот эти доспехи родовые хотел уничтожить. Взъярился, когда я устроился на американскую базу тренером по айкидо, там платили хорошо и было весело. Я ведь рос проамериканским подростком, а он запихнул меня в дацан. Отец служил в элитных войсках во вторую мировую, после войны освободился из плена в Индокитае, все потерял, пошел разнорабочим. И пить начал – синдром побежденного.

– Но ваш Учитель – Морихей Уесиба? – Джей указал подбородком на портрет.

– Учитель? Иногда думаю, что я его так и не узнал. Как в детстве, разве знаешь, кто на самом деле твои родители. Я пришел в нему в дацан, а он смертельно больной старик. День с ночью путал. Чуть что – в крик. Лишь Кикуно могла его успокоить. Хороша была, как гейша, только в дранье – мать у нее тоже болела, так она лекарства подворовывала. Я молчал. Любил. Старик догадался и выставил меня перед ней дураком, ночной горшок на меня опрокинул. Сейчас думаю – случайно. Но тогда я сбежал. Не знаю, что с ней стало.

На другой день толпа выросла вдвое, потом втрое. Конная полиция стала в оцепление, но толпа ворвалась в сад, смяла тонкие перила мостика, раздавила резные фонарики на дорожке и сорвала с веток бумажных журавликов. Растоптали тридцать трудовых лет сенсея и шеф-повара Гаку Хомма.

Сломан труд.

Сломан ритм.

Разрушена семья учеников и посетителей.

Шестидесятилетний Гаку закрыл ресторан, не сумел поступиться качеством. Уехал в Японию и за два года объездил все школы додзё. Кормился уроками айкидо – здесь помнили, что Гаку – последний ученик, учи-деши, Морихея Уесибы. Наконец осмелился приехать в родной Иванума. Дом Учителя пуст, но додзё жив новыми учениками. Вечером после тренировки Гаку вышел в сад, продрался сквозь заросли бамбука, нашел дряхлые сливовые деревья. Руки помнят, как окапывал молодые деревца. Гаку всунул палец в глубокую борозду ствола, сколупнул чешуйку, понюхал – корица и ваниль.

Так пахнет слива на родине.

В зеленоватом свете луны прошла тень тихони Кикуно. Гаку вздрогнул.

Показалось.

– Не бойся, это я, – приблизилось постаревшее любимое лицо, и знакомый голос прошептал:

– Тридцать лет ушло, меня и не узнать.

Но Гаку узнал.

Тело его узнало ее и омылось свежестью, как тогда.

– Вы поедете со мной в Денвер, вы станете моей женой, вы спасете меня?

Долго длилось молчание.

Долго кричала одинокая цикада.

Долго заходил серебряный диск луны.

На востоке появилось первое красное облако.

Сменилось рыжим, потом грязно-серым.

И тогда старая Кикуно сказала молодым голосом:

– Да.

Алиса очнулась.

– Это я. Я выложила видео. Вирусное.

Джей не удивился, кивнул. Он хотел признаться, как обрадовался тогда – полмиллиона просмотров за день! Не надо ей так убиваться. Он помнит первые часы триумфа – их маленький ресторанчик потеснил мишленовских небожителей, как он ждал, когда же сенсей закончит медитацию. Спешил ему показать и видео, и толпу у входа. И сенсей

взбодрился поначалу: «Все к нам хотят! И с телевидения звонили». Они врубились в готовку, кухонные запасы дня подошли к концу, они открыли заготовки на завтра и перешли на быстрое приготовление.

– Я помню твой красный зонт, ты книгу сняла с гвоздя, листала. Знаешь, не помню, чтобы эти блокноты трогали.

Алиса ждала, чтобы Джей добавил, что с ДОМО все будет хорошо. Но он поднялся, прошел через сад в кухню и вынес ей чашку имбирного настоя.

– Я в саду прибираюсь. Учитель уехал, ничего не сказал. Пока не скажет: «Не приходи, Джей», я и буду приходить.

По краю чаши шла роспись рыбака с иглой, что чинит свои сети. Алиса жадно отхлебнула ароматный напиток.

– Там еще мясной бульон даси и лепешки. Рисовые. Ученики в студию пришли, занимаются. Ланч им сделал. Будешь?

– Ты пока «нет» не сказал. И я тоже... Буду!

Алиса втянула имбирный парок, провела пальцем по теплой глазури на внутреннем ободке пиалы, и буквы-иероглифы тренькнули облегченно. А с подоконника смотрел на них маленький ученик-школяр, все так же держа в руках свой крошечный свиток.

11 июля 2024

Михаил Язмир. Рудик

Первая встреча

Парусные яхты, появившиеся на волжском просторе почти сразу после Победы, представлялись недосыгаемыми.

В середине мая 1945 года, уже после Дня Победы, четырнадцатилетний саратовский мальчишка Саша, как всегда в воскресенье, вышел к Волге. Уже с берегового откоса он увидел возле спортивной базы общества «Буревестник» группу яхт с поднятыми парусами. Мальчик быстро сбегал вниз, увидеть свою мечту поближе.

И прибежал вовремя. Яхты готовили к тренировке, и временно они качались на швартовых³, без экипажей.

Был сильный ветер. Паруса буйствовали. Они рвались, пытаясь отлететь от мачт. Их нижние шкаторины – края, закрепленные на упирающихся в мачты деревянных реях, гиках, бросало то влево, то вправо. Задранные выше мачты верхние шкаторины парусов на гафелях мелко дрожали при порывах ветра, в унисон с трепетанием флажков флюгарок на топах мачт. Ветер свистел в снастях. Множество веревок змеились по палубам, да и суда нетерпеливо толкались друг о друга.

В одну из яхт, «Надежду», запрыгнули спортсмены, и она, наполнив ветром паруса, резко накренившись, побежала против течения.

Во вторую яхту – «Чайку» – спрыгнул худощавый загорелый парень с повязкой, закрывающей правый глаз, и с красным, под пирата, платком на шее. Он глянул вниз и увидел, что яхта набрала довольно много воды, затем наткнулся на несколько пар любопытных мальчишеских глаз на причале.

– Чего глазеее? – крикнул он мальчишкам, – спускайтесь и отливайте воду!

– А прокатите? – несмело и нестройно спросили мальчишки.

³ В конце рассказа дан краткий словарь морских терминов. Прим. ред.

– Прокачу, прокачу, только в штаны не наделяйте! Саша и еще два мальчика попрыгали в кокпит яхты, подняли одну слань, чтобы не мешала, и принялись быстро черпать банками из-под консервов трюмную воду.

Очень скоро воды осталось совсем немного – только у кили возле швертового колодца.

– Пацаны! Закрывайте слань! – крикнул капитан. – Садитесь на слани, внизу в кокпите!

В яхту спрыгнули еще два взрослых парня. Капитан сел на палубу возле кормы, свесив ноги в кокпит, взял в одну руку гикашкот, а другой схватил румпель.

– Отдать носовой!

Один из парней побежал на бак, отвязал швартов от причальной тумбы, оттолкнул яхту от бонов и, удерживая равновесие на накренившемся судне, вернулся в кокпит.

Яхта стала легкой и свободной. Она взлетела над волнами, сильно накренившись – так, что вода чуть не хлынула в кокпит. Но волна только лизнула шканцы палубы и схлынула обратно. Яхта повернула мористее и понеслась по волнам, словно на качелях...

– К повороту оверштаг приготовиться! Поворот!

Гик пронесся над головами, и грот лег на другой галс. Мальчишки инстинктивно пригнулись к сланям. Яхта накренилась на другой борт. На следующем повороте оверштаг ребята снова оказались на подветренном борту, опустившемся в воду почти по палубу. Инстинктивно они опять поползли на наветренный борт через выступ швертового колодца.

– Не двигаться! – прикрикнул капитан. И вновь совершил поворот оверштаг.

В этой лавировке Саша потерял представление о том, где они находятся и куда идут.

Между тем «Чайка» уже возвращалась к причалу. Здесь мальчишек высадили. Полет закончился...

Пацаны ушли, а Саша еще долго стоял на базе, наблюдая за уплывающим все дальше парусом «Чайки»... Все было почти так, как в книгах капитана Марриета...

Назавтра он вновь явился к базе спортклуба «Буревестник». Рудик, так звали одноглазого капитана, позволил Саше приходиться чистить

«Чайку» и драить на ней медяшки. Но в плавание под парусами он мальчика больше не брал...

В один из дней, когда Саша заканчивал полировку медной оковки гика, а Рудик в который раз отказал ему в праве остаться на уходящем под парусами судне, обиженный Саша взбунтовался. Он демонстративно плюнул, бросил в кокпит тряпку и банку с полировочным порошком и навсегда покинул Рудика с его командой.

Рудик работал в школе учителем труда. Но не разбирался в детской психологии.

Два капитана

Двадцатилетний студент Саша, уже опытный яхтенный капитан, пришел на спортивную базу поболеть за свой клуб во время парусной гонки закрытия сезона. Совсем недавно он вернулся домой после учебной геологической практики и соскучился по Волге.

Погода была отменная, постепенно раздувался юго-восточный свежий ветер, солнце слепило глаза, отражаясь в беспокойном уже свинцовом волжском просторе, хлопали флаги и трепетали уже поднятые стаксели на яхтах у пирса.

Саша поднялся наверх, где собрались судьи и болельщики. Старт «Завершения сезона» будет дан уже через 20 минут...

От общества «Спартак» единственным участником парусной гонки была яхта «Спартаковец». Та самая, что получила прозвище «Директор» за свою валкость и округлые обводы днища.

Управлять ею был назначен рулевой 1-го класса Рудик, тот самый одноглазый Рудик, от которого, в знак протеста, ушел подросток Саша...

– Привет! – окликнул его первым Рудик. Он уже было показал Саше спину, когда внезапно вновь повернулся и разрешился целой тирадой:

– Я рад тебя увидеть, Саша, извини, что мне некогда спросить, где ты пропадал почти целый месяц! Я понимаю, тебя обидели, не выставили на соревнования. Но я-то здесь ни при чем. А если ты не поможешь, то все мы, то есть наше общество, пострадает...

– Вообще-то, я пришел только посмотреть на гонку. Но что тебе надо от меня?

– Понимаешь, команда у меня неполная. Положен экипаж четыре человека, а у меня только три! По сути, даже два – я да Митька Милиционер. Третий – просто мальчонка из школы, где я учительствую. Прощу тебя – прокатись со мной на «Директоре»!

– Однако я не в форме, Рудик, и не обут как надо. Ботинки – солдатские, тяжелые. По палубе топать неприлично...

– Помоги, Сашка, обществу! – это уже был голос Иванова, тренера...

И Саша, хотя не был экипирован как положено, сдался. Ему самому захотелось, как прежде, ощутить под собой качающуюся палубу, следить за парусами под небом. Да и за гонкой лучше наблюдать с палубы, чем с дебаркадера...

Рудик успокоился и убежал к судьям, а Саша спустился вниз настил на бонах, к которому был пришвартован «Директор».

Паруса уже были поставлены. На палубе хозяйничал Митька Милиционер, любитель прогулок под парусами, если без постоянных обязанностей. В других случаях весельчак, но крепкий парень.

Саша привычно оглядел рангоут и такелаж, а затем – небо и острова. На небе появились перистые облака, а на острове Пески ветер поднимал пыль. Все это указывало на скорое усиление ветра, а судно-то валкое. Да и экипаж – с бору по сосенке...

Появился Рудик.

– Надо торопиться. Через 15 минут – старт! Выводим яхту на внешний бон! Митька – на швартов! Саша – с отпорником на бак!

– Подожди, Рудик, – обратился Саша к командиру, ветер крепчает, может, убавим площадь парусов, хотя бы грота?

– Еще не хватало! – обиделся Рудик, – мы выступаем на крупнейшей яхте в заезде, и в своем классе мы единственные. Первое место нам обеспечено, а потому – нужно показать лучшее время среди всех! Если сократим парусность, скорости не будет...

– Ну, это – как сказать, – возразил Саша, – впрочем, тебе принимать решение. Не хочешь – дело твое!..

Саша с Милиционером вывели яхту из гавани. И вот судно в свободном плавании.

Старт был дан в лавировку в направлении острова Дальний, где надо было обойти белый бакен. Яхта с креном и на хорошем ходу обогнала два вырвавшихся было вперед швертбота и возглавила гонку. Совершив два длинных галса, «Директор» первым обогнул поворотный знак.

После огибания первого знака нужно было преодолеть около десяти километров по ветру, фордевинд, но теперь против течения, до второго поворотного знака, ещё одного белого бакена. Все расстояние гонки составляло около 27 километров по генеральному курсу и составляло полтора оборота между этими двумя бакенами...

Ветер еще усилился. Появились белые пенистые гребни. Яхту сильно раскачивало. С попутным ветром на фордевинде правого галса она то сбегала с волны, то догоняла и врзалась в следующую.

Саша видел, что Рудик, несмотря на весь свой огромный опыт, не очень-то умело сдерживает бортовую качку яхты. Грот, следуя ритмическим раскачиваниям мачты, вызываемым волнами, опасно играет гиком.

Наблюдая за Рудиком, Саша понял, что капитан слишком сосредоточился на рулежке. Он не предупреждает матросов о своих намерениях, не отдает необходимых команд экипажу. Но ведь это обязанность капитана! Кажется, он не слишком уверен в себе...

Между тем предстояло обогнуть второй бакен левым бортом, с поворотом фордевинд на левый галс, то есть паруса должны перейти слева направо!

Эту, в общем-то простую операцию, не так-то легко выполнить при сильном ветре и волнении. Грот при повороте фордевинд заставляет яхту резко повернуть к ветру, одновременно погружая нос и приподнимая корму. Нужна ювелирная точность маневра, чтобы избежать неприятностей, но хватит ли ее у Рудика? До бакена остается всего несколько десятков метров!

Через какие-то секунды грот перейдет на правый борт и Саша, который управлял стакселем, решил добавить себе часть функций капитана. Он крикнул Милиционеру, чтобы тот удвоил внимательность при повороте и вовремя освободил правый бакштаг, заднюю ванту, иначе после перехода направо парус ляжет на эту снасть и может перевернуть

судно. Сам он взял на себя задачу своевременно набить левый бакштаг при переходе грота направо, когда потребуется удержать мачту от падения вперед...

– К повороту фордевинд приготовиться! – прокричал Рудик, и начал выбирать грот, подбирая его к ДП, диаметральной плоскости судна.

– Поворот! – крикнул Рудик и поставил яхту кормой к ветру. Но он не успел одновременно добрать грот до ДП яхты, и гик грота задрало вверх – грот с грохотом пронесся над головой.

Саша молниеносно закрепил левую ванту – мачта осталась цела, но яхта, не удержанная вовремя Рудиком, приподняла корму, ткнувшись форштевнем в воду, и с резким броском влево погрузилась правым бортом в воду по комингс кокпита. При этом мачта с парусами упала в волны. Узкий кокпит «Директора» не дал воде залить яхту, не хватило каких-то десяти сантиметров.

Саша понимал: пока паруса не намокли и лежат на поверхности воды, сохраняется шанс вернуть швертбот на ровный киль!

Матросы уже оседлали левый наветренный борт – они успели перейти на него, когда упала яхта. Но Рудика выбросило за борт в ледяную октябрьскую воду. Он вынырнул из-под яхты слева, напротив вставшего вертикально днища.

На нем была кожаная куртка, спортивные брюки и кеды. Они стесняли движение, и Рудик не мог взобраться на яхту обратно.

– Помогите, помогите, – стонал он...

Саша вылез на левый борт. Слава богу – тяжелый стальной шверт выступал из днища наружу как огромный черный плавник. Саша встал на него и увидел, как от его и шверта общего веса мачта пытается приподняться из воды.

Однако этого не хватало, чтобы уравновесить вес мачты и парусов на ней. Для этого нужна еще тяжесть!

– Митя! – крикнул он парню, – давай вставай рядом на шверт! А ты, пацан, какого черта застыл, как неживой? Полезай к нам!

«Директор» подрагивал. Еще бы некоторой дополнительной тяжести на шверт, и он поднимет мачту из воды!

К шверту снизу подплыл Рудик.

– Дайте руку, дайте руку! – кричал он. Саша подвинулся к краю шверта, изогнулся, схватил кисть Рудика и стал тянуть его к себе... а яхта только этого и не хватало! Она начала подниматься... сначала медленно, а затем быстрее...

Господи! Саша почувствовал: она прошла «мертвую точку», плавник шверта, наклоняясь и ускоряясь, уходит в воду, теперь яхта встанет на киль и без участия экипажа... И еще Саша сообразил, что не успеет вернуться на палубу, и окажется в воде под днищем яхты вместе с Рудиком, если не отплывет от судна. И тогда он резким толчком, увлекая с собой Рудика, оттолкнулся от уже погружающегося в воду шверта и выплыл в стороне от выпрямившегося ожившего и уходящего «Директора»...

Остальные матросы быстро заскочили в кокпит...

– Митя! – успел он крикнуть Милиционеру, – трави шкоты!

Милиционер отпустил обе веревки, и паруса заполоскали на мачте, притормаживая судно.

Саша изо всех сил поплыл к корме «Директора» и ухватился за край транца. Но взобраться на палубу в намокшем лыжном костюме и американских солдатских ботинках не мог. Помог ему Милиционер.

Теперь нужно было поднять Рудика. Тот, пытаясь выбраться, шлепал по воде руками и постоянно напоминал о себе:

– Спасите! Не дайте пропасть! Помогите!

Он будто забыл о том, что является командиром экипажа и умолял ребят только об одном – не покидать его.

– Рудик, успокойся! – крикнул Саша, – сейчас мы тебя вытащим! – Вместе с Милиционером они, ухватившись за края распахнувшейся кожанки, выволокли Рудика на палубу...

Удивительно, но «Директор» вел себя смирно, постепенно дрейфуя по ветру в сторону большой мели. Все-таки ветер стал слабее.

А Рудик никак не мог успокоиться.

– На хрена нужна такая гонка, – кричал он, – тут запросто можно концы отдать! Добраться бы до базы, и прости-прощай Волга! Хватит! Накатались!.. Жизнь дороже лишнего диплома...

Горе-капитан, как видно, был потрясен пережитым.

– Да ладно тебе, Рудик! – стал уговаривать его Саша, – я же тебе еще перед гонкой советовал сократить парусность. Впрочем, и сейчас это сделать не поздно, ткнись в эту мель – постоим там, убавим...

– А это не наказуемо? Что на этот счет говорят правила? – вдруг спохватился командир.

– Правила предусматривают возможность посадки на мель судна и схождения его с мели.

– Ну, тогда под твою ответственность! – произнес горе-гонщик...

Под днищем зашуршал песок. Яхта заползла на отмель. Но перепуганный Рудик не сообразил, точнее даже не подумал о том, что ветер сейчас развернет судно и во второй раз может опрокинуть его. Следовало кому-нибудь указать удержать яхту с носа. Однако ошарашенный осенним купанием Рудик, не мог сосредоточиться на текущей действительности.

Ох, эти секунды.

Саша, ни слова не говоря, опять спрыгнул в холодную воду. И удерживал нос судна против ветра до тех пор, пока Рудик с Милиционером не закончили убирать стаксель и брать рифы на гроте...

Наконец, яхта пошла. Саша, уже на палубе, снял, отжал мокрую одежду и снова натянул её на себя. Ничего сухого не было. Удивительное дело – Саша на волжском ветру даже не простудился!..

Остальную часть гонки повеселевший Рудик управлял яхтой, голая мачта которой несла лишь небольшой треугольник парусины при ослабевшем ветре.

Увы, горе-капитана уже не интересовало – каким по счету и с какой скоростью он придет к финишу – ведь «Директор» был единственным в своем классе, а, значит, первое место ему обеспечено, независимо от места на финише...

Через несколько дней в Саратовской областной газете «Коммунист» появилась статья о проведенном соревновании и фотографии яхты и ее командира Рудина. Пожелтевшая вырезка из нее напомнила Саше о превратностях парусных соревнований, о стоимости Рудика как капитана и об американских солдатских ботинках – таких надежных, но таких тяжелых в холодной волжской воде...

Краткий словарь парусных терминов

Бак – носовая часть верхней палубы корабля до фок-мачты.

Бакштаги – снасти стоячего такелажа, поддерживающие сзади с боков вертикальные рангоутные деревья.

Ванты – снасти стоячего такелажа, поддерживающие с боков и несколько сзади мачты.

Взять рифы – уменьшить площадь паруса.

Гафель – Рангоутное дерево, к которому пришнуровывается верхняя шкаторина косого паруса.

Гик – горизонтальное рангоутное дерево, прикрепленное к мачте на небольшой высоте над палубой и обращенное свободным концом к корме судна. К гику пришнуровывается нижняя шкаторина косого паруса.

Грот – 1. Общее название средней (самой высокой) мачты у парусных кораблей. 2. Прямой парус, самый нижний на второй мачте от носа (грот-мачте), привязывается к грота-грею. 3. Косой парус, передняя шкаторина которого прикрепляется к мачте.

Кокпит – вырез в палубе для размещения экипажа и снаряжения гоночной яхты и швертбота.

Комингс кокпита – ограждение кокпита, защищающее кокпит от заливания волной при крене.

Мачта – вертикальное рангоутное дерево.

Нок – конец рангоутного дерева, расположенного горизонтально или под некоторым углом к плоскости горизонта (гика, гафеля и т. д.).

Отдать конец – отвернуть конец с кнехта, за который он был завернут, или выпустить его, если он держится в руках: отвязать и отпустить конец с берега или с другого судна.

Понтон (от латинского "ponto" – мост на лодках) плавучее сооружение для поддержания на воде различных устройств за счет собственного запаса плавучести.

Рангоут (от голландского «rondhout» – круглое дерево) – деревянные или металлические детали вооружения судов, предназначенные для несения парусов, которые иначе называются рангоутными деревьями.

Стаксели – косые паруса треугольной формы, несомые на штагах.

Стоячий такелаж – такелаж, который служит для поддержки и укрепления рангоута.

Стравливать – ослаблять, выпускать трос или снасть до отказа.

Такелаж – все снасти на корабле, служащие для крепления рангоута и для управления им и парусами; разделяется на стоячий и бегучий. Первый служит для поддержки и укрепления рангоута, второй – для уборки и постановки парусов, подъема и спуска частей рангоута, грузов и сигналов.

Травить – выпускать, ослаблять трос или снасть.

Тросы – общее наименование канатно-веревочных изделий. В зависимости от материала тросы бывают: стальные, растительные, а также из искусственных волокон.

Швартов – растительный или стальной трос, с помощью которого судно закрепляется у причала (швартовный трос).

Швартовка – подход и закрепление судна с помощью канатов (тросов) к причалу, пирсу, стенке или набережной, или к другому судну.

Шканцы – самый верхний помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры и устанавливались компасы.

Шкаторина – кромка паруса, обшитая ликтросом.

Шкот – снасть, закрепленная за нижний угол прямого или нижний задний угол косоугольного паруса (шкотовый угол) и проведенная в направлении к корме судна. Шкоты удерживают в желаемом положении нижнюю шкаторину паруса.

Штаги – снасти стоячего такелажа, поддерживающие диаметральной плоскости вертикальные рангоутные деревья – мачты, стеньги и пр.

София Шегель. Рядовое происшествие

День начинался так обыденно, буднично, привычно. С утра доктор Фил сел поработать с бумагами до начала приема больных. Долго и довольно бессмысленно старался прочитать новости с экрана планшета. Какая-то мешанина из домыслов журналистов от разных изданий. Неужели врут все? Ну их, и читать не стоит. Как раз на этом месте его и застает телефонный звонок:

– Добрый день, меня зовут Алиса, я представляю мобильный телеканал «Искусство», русскоязычную версию. Мы хотели бы попросить у Вас интервью, как вы на это посмотрите?

Голос в трубке такой доброжелательно-дружелюбный, что впору бежать к холодильнику за горчицей, но что толку ссориться с журналистами, они ведь все равно окажутся правее, даже если по убеждениям отпетые леваки. И Фил делает над собой героическое усилие, отвечает исключительно нормативно, деловым, равнодушным, неэмоциональным тоном:

– Объясните, пожалуйста, уважаемая Алиса, что и откуда вы обо мне знаете, на какую тему я могу быть вам интересен, по какому поводу и, прежде всего, почему именно я? С искусством я если и связан, то исключительно как потребитель, да и то через телевизор. А в телевизоре – какое искусство?

– Видите ли, я звоню именно Вам по случайной выборке, лотерея, если хотите. Но на самом деле это можно считать подарком судьбы, вам предоставляется возможность принять участие в совершенно новом, можно сказать, революционном проекте, такого еще никто никогда не делал. Вот вы в жизни чем занимаетесь? В смысле, назовите свою специальность, профессию.

– Я врач, для полной ясности – проктолог, в поликлинике работаю, приём три смены в неделю. Надо полагать, ваше любопытство удовлетворено, дальнейшего интереса я для вас не представляю, верно?

– Отнюдь, доктор, как раз наоборот. Мы стараемся создавать продукт для самой широкой аудитории. Давно известно, что, когда врач рассказывает о болезнях, пилот о самолетах, повар о соусах, а учитель о воспитании, то люди иных профессий, которые до того были уверены, что досконально знают предмет, тонут в терминологии и уже через минуту перестают понимать, о чем речь. Мы хотим, чтобы всем было не только интересно, но и понятно. Если мы в беседе с Вами сосредоточимся на проблемах современного кинематографа, вряд ли Вы откроете зрителям какую-то потайную дверку, во всяком случае, Ваша специализация таких надежд не рождает, но...

– Должен признать, – прервал сладкоголосую девушку Фил, – практикующий врач-проктолог со своими рассуждениями о проблемах кинематографа – это может показаться занимательным с учетом неожиданного ракурса исследования согласно профессиональной ориентации. Правда, до первой попытки произнести хоть слово.

– Но зато интерес вспыхнет наверняка. На это расчет. Соглашайтесь, не сомневайтесь! Интерес, поверьте мне, в таких случаях зависит больше от уровня вопросов, чем от глубины ответов на них.

«Телевидение – это зло», – световым плакатом вспыхнуло в памяти Фила где-то услышанное недавно изречение. «Как точно и лаконично!» – одобрил он то ли сам себя, то ли автора постулата. И в этот же момент услышал собственный голос: оказывается, он уже отвечает этой склонной к поиску страны чудес Алисе.

– Видите ли, милая барышня, – начинает он с несвойственного ему залихватского обращения, – поскольку вы даже не пытаетесь казаться экспертом в сфере кинематографии, то, на мой взгляд, более целесообразно для начала выбрать не столь популярную тему, потому что про кино все знают всё, так же, как про воспитание детей, изготовление пирожных, футбол либо лечение насморка и нервного переутомления, да еще, пожалуй, про минувшую войну. Все мы в этих делах эксперты и каждый заткнет за пояс остальных. А давайте-ка мы с Вами поговорим лучше... ну-у хотя бы про кухню телевидения – всем интересно, а никто

ничего не знает. Откуда берутся темы, кто решает, в каком аспекте их рассматривать, что такое модная тема, кто зажигает телезвезд и кто их гасит, как исчисляется и из чего складывается гонорарный фонд, – Фил вдруг почувствовал, что закипает, не может остановиться.

Однако собеседница прерывает его:

– Во-первых, я Вам не милая и тем более не барышня, я больше двух десятков лет отдала телевидению и, поверьте, кое-что о нем знаю. А во-вторых, Вы же в нашем деле ничего не смыслите, как с Вами об этом говорить?!

– Так Вы же сами с этого начали – перефразировали до наоборот по смыслу дедушку Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи пирожник, а сапоги тачать сапожник». Или слабó умные вопросы состряпать?

– Ну вот на слабó давить не надо, мы с Вами не тинейджеры. Давайте примем компромисс: встречаемся и лицом к лицу разрабатываем стратегию сотрудничества, начиная с тематики. Идет? Соглашайтесь, у нас, кроме прочего, гонорары хорошие, вы ведь поинтересовались!

– Подумать можно?

– Можно. До после обеда, – в интонациях Алисы неожиданно промелькнуло что-то симпатичное, нестандартное, некое подобие юмора на грани насмешки.

Что-то дрогнуло в черством сердце Фила, то ли зацепило, то ли даже обидело. Совсем для себя неожиданно он вдруг услышал собственный голос, даже уловил в нем тревожную интонацию. С чего бы доктору тревогу испытывать? Он ведь ничего не ищет, ничем не рискует. Но тревога была реальной, даже трубка фонить стала:

– Ладно, иду вам навстречу. Чтоб без трéпа. До после обеда? Годится. Обедаем через два часа, на бульваре Ротшильда, в «Чикен Шницель», разумеется, я приглашаю. И за столом до конца обеда ни слова о Вашем предложении.

Пауза была короче, чем Фил ожидал:

– Идет. Но по гамбургскому счету. А о Вашем предложении говорить будем?

– Нет, конечно. Во-первых, я ничего не предлагаю. А во-вторых, моя профессия не для застольных бесед, я проктолог, если Вы забыли. Объект моего профессионального внимания для застольных бесед совершенно непригоден.

Неясно пока, как там у этой Алисы насчет чудес, но расхохоталась так искренне, что Филу и самому стало смешно.

– Значит, договорились, до встречи через два часа. – Фил сунул в карман телефон и ощутил, как по спине побежал тот самый холодок азарта, что всякий раз заставляет его прибавлять обороты, когда перед ним возникает новая задача.

Осталось изобрести задачу, потому что, ясное дело, весь этот разговор был просто треп и ничего иного. А пока надо как-то максимально подковаться за оставшееся время, чтобы при встрече с теледивой быть на высоте.

«Интересно, как она из себя? Голос ничего, а смех – так просто прелесть... Ладно, что гадать, скоро увидим. А на самом деле – какая мне разница, не жениться же собираюсь! Поговорим – и разбежимся. Я ж еще из ума не выжил, чтоб добровольно идти и говорить перед телекамерой неизвестно о чем, неизвестно с кем», – Фил по давней привычке пускается в долгую беседу с самым надежным своим собеседником – с самим собой. Давным давно, лет сто или все триста назад, когда он был еще студентом, однажды глупо пошутил в разговоре с однокурсником о внешности заведующей кафедрой нервных болезней. И очень скоро, буквально через пару дней, эта вполне миловидная женщина средних лет, проходя мимо него по коридору, вскользь посоветовала почаще смотреть в зеркало. С тех пор Фил взял себе привычку разговаривать сам с собой.

Можно, конечно, порассуждать о том, что это одна из причин, а может, и единственная причина, по которой он так никогда и не женился.

На самом деле Фил даже в страшных снах не готов был согласиться на постоянное присутствие любой женщины, каким бы идеальным характером она ни была наделена. И вообще, он вполне устраивает сам себя для постоянного употребления, весь быт создает и поддерживает своими руками, в меру своего понимания. Романы? Максимум на одну встречу, дальше – неинтересно. Разговоры? Да ни к чему. Чувства? Профессия давно превратила его в циника.

В этот момент доктор со всей ясностью ощутил, что есть ему совсем не хочется, встречаться с этой Алисой никакого настроения нет, даже если предположить, что она принесет с собой в кафе улыбку чеширского кота. Можно, конечно, вернуть ей звонок, как-нибудь послезливее поизвиняться и отбиться, но барышня ведь с телевидения, мало ли, а вдруг она всю их беседу с самого начала записала, да скорей всего, так и есть. И мало ли как все сказанное им можно перемонтировать и интерпретировать, мало ли в чем можно его потом обвинить. Известно же – «телевидение – это зло!» Придется идти, да и пора уже.

И Фил деловым шагом все-таки проголодавшегося мужчины направляется на бульвар Ротшильда. На самом деле он сам себе не хочет признаться, что рад хоть какому-то отступлению от выверенного до минут распорядка жизни. Душ – кофе – просмотр прессы – прием больных – прогулка до ближайшего сквера. Один-два телефонных контакта с приятелем – не каждый день. Хорошо бы хоть собаку завести, чтоб друг был, но это же почти как жениться: собакой надо заниматься каждый день. И в отпуск тогда как уедешь? Нет, пусть лучше всё будет как есть. Вот свалилось приключение – с телебарышней пообщаться как бы по делу, даже любопытно. А потом – опять в свою норку.

Лениво гоняя эти праздные мысли, Фил незаметно для себя ускоряет шаг: время обеда, а он, педант по натуре, привык соблюдать режим неукоснительно: с недавнего времени здоровье сдавать стало, стоит проголодаться – и дурнота накрывает, надо хоть хлеба корочку съесть, «гипогликемия» называется. Да и дама ждет – неудобно, мало ли, как пойдет беседа и чем закончится, стоит ли на эту особу время и себя

тратить, сам перед собой приоткрыл свою тайную мужскую мысль доктор.

Эту крохотную кафешку он обнаружил несколько месяцев назад, просто шел мимо и завернул на запах. Помещение на три столика, да еще два таких же столика снаружи, под полотняной маркизой. Все меню – «американский шницель», а попросту говоря, отбивная из куриной грудинки и серия салатов к ней. Ну и минералка, конечно. Ничего больше, так что особо не засидишься. На это доктор Фил и рассчитывал, когда выбирал место встречи. Может, даже подсознательно – чтоб быстрее разделаться.

После солнечной улицы внутри все видно нечетко, зато Фил четко слышит гортанный жесткий окрик, хотя слов не разбирает. Он делает широкий шаг вперед, чтобы занырнуть в зальчик, и упирается лбом в чью-то спину, инстинктивно хватая человека за плечи, чтобы не дать ему упасть от толчка, и в этот миг чувствует, что падает вместе с ним. Тот, падая, бьется головой о хлипкий столик, потом еще о стул и только после этого валится на пол. Фил успевает выставить ногу вперед, но не выпускает своего пленника из объятий, падает на него, накрыв собой. И, подняв голову, видит искаженное ужасом лицо хозяина заведения.

– Тахзík отó (держи его)! – хозяин одним прыжком оказывается рядом с Филом.

Вместе они скручивают злобно скалящегося и извивающегося всем своим юным гибким телом мальчишку, Фил не без усилия разжимает его пальцы, отнимает короткий нож с широким лезвием, заворачивает ему руки за спину и охрипшим сразу голосом командует хозяину:

– Звони в полицию, это террорист!

– Уже звоню, – отзывается тот, набирая короткий номер, и в этот момент оба они слышат странный звук, как бы стрекот, идущий от входной двери. Хозяин кафешки сразу понимает, что это телекамера, не в первый, видно, раз. А Фил на тот момент как бы вообще забывает, зачем сюда пришел, начинает изумленно озираться, только теперь пытаюсь

сообразить, что произошло, хотя мгновение назад действовал четко и разумно. Инстинкт?

Симпатичная женщина с камерой в руках улыбается ему, как знакомому:

– Я Алиса, хорошо, что Вы уже здесь, хорошо, что я пришла вовремя! Обедать будем? Как договорились, по гамбургскому счету и не обсуждая деловые вопросы. Тем более, что деловые вопросы, похоже, сами решились, по крайней мере, на этот раз.

Фил содрогается от жуткого предположения: неужели инсценировка? Неужели подстроено? Он с отвращением отворачивается к двери, чтобы уйти молча.

Но в двери в этот момент появляется полицейский.

– Что произошло?

– Парень вошел спокойно, осмотрелся и вдруг заорал: «Аллах акбар!» – зачастил хозяин под стрекот телекамеры, – я не успел ничего сообразить, как этот человек вошел следом, повалил его на пол, скрутил, связал ему руки. Настоящий герой, наш человек, считай, спас мне жизнь.

Полицейский поворачивается к Алисе, она продолжает снимать.

– Ответьте на мой вопрос.

– У нас назначена встреча с этим господином. Он пришел чуть раньше. Я, когда вошла, увидела, как он связывает мальчишке руки. Сразу стала снимать.

– А зачем?

– Я с телевидения. Камера всегда со мной, это мой рабочий инструмент – вместо авторучки, диктофона и всего остального. В результате у меня репортаж почти готов. Остались детали.

Наконец очередь дошла до Фила.

– Пришел на встречу с гверет Алисой. С улицы сразу плохо видно, напоролся на мальчишку, пока поднимал его с пола, сообразил, что это террорист. С моей стороны никакого героизма, обстоятельства.

Полицейский тщательно скопировал удостоверения личности всех троих, объяснил, когда и куда явиться для составления протокола события и после этого внимательно осмотрел парня. Связанные руки, глаза излучают немислимый коктейль: страх, злобу и ненависть. Прежде чем развязать полотенце, на него надели наручники, и полицейский увел его к машине.

– Ну что, обедать не передумаем? – Повторяет свой вопрос Алиса.

– Честно сказать, нет аппетита, – каким-то отрешенным тоном отзывается Фил.

– Ну как же, такое событие! Ты мне жизнь только что спас, сейчас пожарю шницели! За счет заведения! Я Моти, приходи всегда! – частит хозяин, ставя на места столик и стулья.

Фил замечает, как трясутся у этого Моти руки. Очень внимательно смотрит на свои пальцы, явственно ощущает, что и у него подрагивают. Да и в глазах вдруг темнеет, в ушах шумит, будто песок сыплется, голос Алисы то пропадает, то вновь начинает звучать, только слов Фил не разбирает, он начинает оседать и только краем ускользящего сознания успевает замысловато сформулировать свою мысль: «Чертова гипогликемия, так не вовремя! Конечно, специальность виновата, неправильный ориентир в жизни выбрал, что мы видим через предмет моего профессионального внимания!» Рассмеяться Фил не успел, потерял сознание.

В чувство его приводит резкий запах аммиака, женская рука приблизила к носу ватный тампон. Нет, «скорую» не вызывали, находчивая Алиса, как цирковой фокусник, все необходимое достает из своей сумки с победным возгласом «вуаля!» камеру, телефон, пузырек с нашатырным спиртом, ватный тампон. Вот только воды там не нашлось. Моти приносит две бутылочки.

– Ну так как, делаем интервью?

– А про что говорить будем?

– Ну ясное дело, про сегодняшнее происшествие!

– Не буду врать, что уже готов, но говорить действительно есть о чем. В какой-то момент у меня перед глазами собственная жизнь промелькнула молнией, я понял: неправильно жил, не тому учился, не там работал. Все пропустил. Надо поворачивать в другую сторону. Дайте мне прийти в себя. Хотя бы до завтра. Я обещаю, не подведу.

С тем и расстались.

Фил бредет вдоль бульвара, не видя ничего перед собой, не замечая окон, равнодушно смотрящих на него с фасадов необыкновенно красивых домов, построенных чуть ли не во времена Британского мандата, не чувствуя рядом с собой – только протянуть руку – пышно, по-майски цветущих деревьев, не воспринимая их аромата, пробивающегося сквозь удушливое дыхание автомобильного потока. Все его мысли, все его чувства заняты одним – осознанием напрасно ушедшего времени, неправильно сориентированного движения жизни. Мальчишка даже не успел стать реально опасным для доктора, а всепобеждающий инстинкт жизни тут же сработал. Зачем мы рождаемся? Зачем мы живем? И главное – как живем, как и почему уходим из жизни?

– Интересное кино получается, – Фил привычно рассказывает себе все, чем голова занята. – Зачем мне сейчас это знание-понимание? Что с ним делать, и куда его заткнуть? Где ж я был целую жизнь, чтобы теперь, на излете, когда из всех фаз судьбы у меня осталось только прошлое, пришло это убийственное понимание? Зачем? И как это получилось, что я жил целую жизнь и только теперь, когда уже ничего нельзя вернуть, ничего нельзя начать сначала, только теперь я понял главное? Главное о себе – то, что должно было вести меня через всю жизнь! Что как бы ни была дорога мне собственная судьба – живу я среди людей. Сам по себе, отдельно от всех – интересен только самому себе, но особой ценности объективно не представляю. И как бы то ни было, сам себя оценивать я

не только не могу, но и не должен. Социум и личность – вот чем следует заниматься, даже если вторая часть формулы – только твоя собственная личность, даже если на практике ты проктолог. В каждом деле задница так или иначе обязательно обнаружится, как обнаружилась сегодня, совсем неожиданно, совсем не на рабочем месте. А ведь так со своей персоной носился, так себя лелеял, никому прикоснуться не позволял. А поди ж ты, женские пальчики аммиак под нос сунули – вот и поплыл. Может, судьба? Наверное, всё же завтра пойду на встречу, надо жизнью заниматься. Каждое мгновение.

Леонид Дынкин. Заозерная, 16

Путевой очерк

*Наследовать достоин только тот,
кто может к жизни
обратить наследство.*

Гете. Фауст

Пролог

Сентябрь, подмосковный поселок Немчиновка – время и место встреч давних друзей – людей по характеру, мировоззрению разных, но уже много лет объединенных необходимостью традиционно теплого, доверительного общения.

Дачный участок на краю поселка. Старый сруб под запорошенной листьями кровлей и небольшой сад с сутулыми, подбеленными стволами. Просторная терраса освещена сквозь редяющие ветви тихим вечерним солнышком.

Марина, хозяйка дома, – архитектор, художник, открытый, бесконечно обаятельный человек.

– Каким все более грустным становится наш сад, не правда ли? – вздыхает она, – больше полувека ему. Но какая высокая мудрость в этой его стойкости, щедрости!..

И, как и прежде, Марина угощает нас яблоками, вареньем из лесных ягод. Показывает новые альбомы с акварелями полевых цветов.

– Увы, теперь не нужно далеко ходить к ним. Все больше пустых земель, бурьяна и цветов, робких, как виноватая улыбка. И все какая-то назойливая тревога, тревога...

И разговор наш неизменно уходит в заданную ею тональность.

– Рукотворное опустошение, – добавляет мама Марины, тихо и горько читая строчки Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
и что совершается ныне.

Каждая встреча – событие! Неторопливо и в подробностях делились мы каждый раз воспоминаниями, впечатлениями о местах, что так или иначе случалось посетить. И где главными героями были мы сами. Как-то один из собеседников поделился с нами впечатлениями от Пушкинского Святогорья – этих чарующих мест, где нельзя не побывать.

Неторопливыми были беседы. Неоднозначными суждения. И какая-то единая печаль была в наших встречах. Но она еще не представлялась нам безысходной. Впечатления от общения с разными людьми, в разных местах страны, очень схожие по звучанию, по душевному наполнению, давали нам повод так чувствовать и так оценивать...

Еще жила страна. Еще как-то сводились концы с концами. В школах еще пытались научить главным человеческим понятиям. Еще было кому учить. Живое слово еще слышалось, время от времени. Его ждали, оно было в цене. Сегодня поприбавилось имитаций всякого рода, что-то выхолащивается в душах человеческих, человек все чаще смотрит и не видит, слушает и не слышит.

Уходят поколения, уходят созидатели, теряется создаваемое. И с ними нечто главное.

И сегодня, вспоминая каждую нашу встречу в Немчиновке, наперекор новым поветриям и всеобщей разрухе, все настоятельней желание, как бывало прежде, неторопливо и подробно поделиться впечатлениями, воспоминаниями всего лишь о нескольких днях, подаренных мне судьбой на Святогорской земле. О новых, где-то даже неожиданных для меня ощущениях. То ли это награда непонятно за что, то ли это некий аванс?

И я надеюсь, что кто-то, прочитавший этот мой очерк, пусть на несколько минут, но станет мне единомышленником. И осветится душой от прикосновения к той благодатной ауре, в которой мне посчастливилось

побывать тогда, много лет назад, на Святых Горах Пушкинского заповедника.

В тот год наша инженерная бригада долгие месяцы трудилась над рабочим проектом больничного комплекса на Воробьевых горах.

К середине сентября долгий, многотрудный этап работы был завершен. Накопившиеся отгулы мне предложили не переносить на следующий год и потому, после обсуждения в семье случившейся вдруг возможности посетить заповедник, я смог быстро оформить свое предстоящее отсутствие.

И не было ни сомнений, ни колебаний, когда уже вечером, в канун первого дня случившегося вдруг отпуска, на гулком перроне Ленинградского вокзала, я восходил в вагон скорого поезда Москва – Псков. Взошел по его крутым ступеням и будто начал отсчет нового времени в ином измерении...

Единственный сосед по купе – мужчина средних лет, – молчаливый, мрачный. Багрово-серое лицо, обветренное, под плотной седеющей щетиной. Длинные, редкие, такие же сизые волосы почти закрывают глаза. На приветствие мое он ответил лишь тем, что молча вышел из купе и долго стоял у окна в коридоре.

Поезд быстро набирал ход. Вот уже проехали пригородные поселки с редкими огоньками. Проводница собрала билеты, предложила чаю. Сосед отказался. И после второго предложения – тоже. Я не пытался навязывать ему свое общество. Достал книгу, прилег.

– Дорожные разговоры не люблю, – только и сказал он, вернувшись. Стал устраиваться, разглаживая на столике газету. Достал из огромного рюкзака армейскую фляжку, тушенку, хлеб, огурцы.

Колеса стучали мелкой дробью. Мелькали в ночи столбы электропередач, придорожные постройки, тускло освещенные полустанки. Уснуть не получалось. Несколько раз я выходил в тамбур покурить.

А сосед все сидел за столиком, скрестив на нем руки. Сидел, склонив голову. Исподлобья смотрел в ночь. Пил, и иногда что-то подобное улыбке появлялось на его лице.

Под утро он все же вышел из купе. Встал рядом, слегка пошатываясь. Протянул мне потертую фотографию. На ней – молодая женщина и девочка лет шести-семи.

– Пять лет не виделись. Ангелы-хранители мои. Если бы не они... – глаза его как-то изнутри осветились, – скоро моя станция. Поможешь с вещами?

Отворенный тамбур тут же заполнился холодной влажностью. Поезд медленно затормаживал, притираясь к перрону, а мы уже выгружали на него две дорожные сумки, перевязанные за ручки полотенцем, огромный рюкзак, два мягких чемодана, какой-то бесформенный мешок. Порыв ветра, внезапно налетев, раскачал едва светившие фонари над платформой.

– Спасибо, – прощаясь, протянул мне руку этот странный попутчик. И через паузу: – Только не понимаю – не знаю, как жить-выживать... В нашем-то времени... В нашем-то племени...

Ветер, слепой и холодный, продолжал трепать полуосвещенное пространство. А из глубин этого дымного предрассветного полумрака, как мираж, робко двигалась в нашу сторону, обхватив себя за плечи, невысокая фигурка. То ли женщина, то ли подросток... Поезд тронулся. И станция с ее странной постройкой в стороне и две человеческие фигуры на тусклой продувной платформе медленно растворились в какой-то сумеречной полуживой материи...

Часа через полтора и я выходил из поезда в зябкое, быстро светлеющее псковское утро. Рейсовый автобус до Пушкинских Гор почему-то нашего поезда не дождался. Следующий – только после полудня. Неправильно и очень грустно ждать, теряя драгоценное время, и приезжать в незнакомое место только к вечерним сумеркам.

Тихо, безлюдно. Я единственный сидел уже с полчаса у дорожного разворота на автобусной остановке. Редкие неспешные прохожие... Но вот к вокзалу подъехал грузовик, остановился в тени здания. Через несколько минут шофер – крепкий мужчина лет сорока – вышел из кабины, направился в мою сторону.

– Если к нам, в Святые Горы, могу помочь, – предложил он, улыбаясь.

– Да, да туда, к ним. Спасибо!

Сто двенадцать километров на юго-восток – по ухабистой дороге через холмистую долину с сосновыми и березовыми перелесками. И всюду, будто сопровождающая нас, искрящаяся под восходящим солнцем, беспокойно извивающаяся веселая речка Сороть.

Занятому своими мыслями шоферу пассажир был неинтересен. Он смотрел вперед, куда-то поверх дороги, и только постоянно улыбался и курил.

– Домой или по делу? – попытался спросить я.

– Что? – с трудом оставляя свои счастливые грезы, ответил он. – Домой, домой! Наконец-то домой. Пять недель болтался по дорогам. Но чтоб такие колдо... добины!.. Не хватало бы еще угробить мою «старушку» у самого дома.

Переключился на вторую передачу, поехал осторожнее. Некоторое время молчал и, не совладав, видимо, с чувством, только и сказал. – Ты только посмотри, какая благодать кругом, а!..

За медленным подъемом и поворотом к перелеску, в тени его, становилась все более различим, тяжело и неторопливо идущая по обочине женщина. Две связанные авоськи – через плечо. Поравнявшись с ней, шофер притормозил.

– И куда ж ты, землячка, такая смелая, пешком-то?

Женщина не останавливалась.

– Что, баба Мань, задремала что ли на ходу-то?

– Я те не Мань! Ты давай проезжай давай. Не твоя забота. Тоже мне! Ишь... Будет автобус, так подберет, коль надо.

– Кому ж это надо подбирать-то тебя?

Шофер остановил машину. Молча вышел, взял у женщины сумки.

– Не хочу, отдай! Уберись, говорю. Нету у меня денег, чтоб с тобой тут... Отдай же, чертяка окаянный...

Но сопротивлялась она не шибко. Я стал перебираться в кузов.

– Денег нет, это неправильно и очень даже плохо, – он бережно приложил сумки к ящику под сидением, посадил женщину на подножку.– Время – деньги.

С полчаса ехали медленно, тарахтя и переваливаясь на ухабах. Но вот дорога пошла ровнее. Шофер прибавил ходу, и машина будто окунулась в насыщенный теплом ветер.

Сентябрь в этом году запоздало и, как мне казалось, нехотя наполнялся основным своим содержанием.

Время шло к полудню, и чем ближе к завершению пути, тем светлее и мягче становилась небесная голубизна. И тем ярче казалась картина преобразования природы. И вот уж она вспыхнула под этими мягкими лучами – одновременно всей палитрой цветов и оттенков. И не оставила, казалось, ни единой частицы лета ни на обширных территориях скошенных и вспаханных лугов, ни на разомлевших в этом исполненном света и покоя полуопавших березах и липах, ни в тесных палисадниках. Только разбросанным по сторонам избам, каким-то задремавшим, унылым, было, видимо, не до преобразования...

При въезде в поселок шофер высунулся из кабины:

– Я к заводу, ты со мной?

– Да нет, сойду, пожалуй. Спасибо!

– Тогда счастливо! Хорошее начало – добрая примета.

Дальше дорога поворачивала, наклонившись куда-то вниз, и машина исчезла там, оставив после себя пыльное, почти недвижимое облако.

Двадцать шестое сентября... Второй час пополудни. Святогорская Земля, пахнувшая стерней и хвоей, встречала меня своим осенним великолепием! Бабье лето почти в канун октября должно было быть уже на исходе, но оно – мягкое и улыбочивое, распахнувшееся во все видимое пространство – похоже, и не собиралось прощаться.

Я входил в городскую околицу, окруженную начинающими редеть кронами, где старинные и совсем еще молоденькие сосны соседствовали с липами в багрово-оранжевых и желто-зеленых одеждах, кряжистыми высоченными березами, светящимися на самом верху нежной позолотой. На улицах редкие прохожие. Слегка присыпанные желтизной тротуары и мостовые. Что-то томило, не отпускало долгое время. Будто случайно заглянул я за краешек своей страницы из Книги Бытия. Но постепенно это странное чувство ушло, растаяло, оставив всего меня наедине с этим заблудившимся во времени пространством.

*Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить.*

Надо было поторопиться с поиском дома, где можно было бы снять что-то на недельку. Управиться бы до вечера. Осенью в северных местах он наступает рано.

В своих личных поездках я всегда предпочитал казенному укладу частные дома. А в этот раз еще и потому, что хотелось быть ближе к дороге, которая привела бы прямо к заповедным местам. Это северная часть городской окраины – совсем недалеко.

Высокое небо с редкими плотными облачками. Запах сена и сладковатый вкус теплой пыли от проехавшего мимо велосипеда. Тихие и угрюмые деревенские избы с палисадниками. Присыпанные мелкой листвой черепичные и рубероидные кровли. Трубы – кирпичные со ступенчатыми карнизами, добротные, внушительные, гарантирующие их хозяевам тепло и уют. Но как-то странно неподвижно и уныло вокруг.

Только легкий дымок из труб и где-то ленивые переключки дворняг. Тихо, томно. Кроме того велосипеда, ни единого встречного.

Проселок повернул к перелеску. Там, у ближних к нему домов, стали слышны голоса. У одного из домов, в нескольких метрах от дороги, двое мужчин лет тридцати, один повыше, другой меньше ростом, но пошире в плечах, распиливали двуручной пилой толстое бревно, лежащее на высоких козлах. Несколько таких же бревен – у ног.

Я сошел с дороги, прошел по жухлой, запорошенной опилками траве. Поздоровался.

– Ну, что?! Что вы все ходите тут опять?! – жестко и надрывно прозвучал встретивший меня монолог. Видимо, я походил на кого-то из местных. – О, где ж ты, где, мой боже милосердный? – едва взглянув на меня, продекламировал высокий и как-то странно засмеялся, закинув голову назад, – закончится это когда-нибудь, а? Ну что же это за наказание-то нам такое?

Мне стало не по себе. Уйти – не уйти? Но – стоял и ждал возможности обратиться к ним снова, не понимая, что происходит.

– А ведь чуял я, Сань, не оставит Матвейч нас в покое, – продолжал высокий, теперь вот и ходока к нам... а сам давеча сказал – что? Помнишь? – он развел руками. – Ну, я не знаю... Какими еще словами, скажи мне, Сань, можно объяснить этому зануде – нельзя нам иначе – не получается. Никто вот это, – он пнул ногой бревно, – не сде-ла-ет!

Два дня у нас всего. Иначе скандал будет в цеху нашем, а то и на весь завод. Вроде уже понятно все рассказал, ан не-е-т, сно-о-ва по нашу душу!..

– Поспешика ты, земляк, – обратился он ко мне, – передать нашему с тобой дороговому Матвейчу, что нам тут, по-всему видать, нет замены. Иди давай и передай. И пусть не подсылает за нами больше никого. Вот так вот...

– Но я не за вами, я к вам...

Тяжелая затяжная пауза...

– Час от часу... – пробубнил высокий, не глядя на меня. Он тяжело вздохнул, вытер ладонью лоб, медленно вытянул пилу из бревна, облокотил ее о козлы. Саша обошел их, встал рядом, сдерживая смех, взглянул на товарища.

– Дим, ты ночами-то, хорошо спишь?

– Да пошел ты...

И очнувшись будто, – Здрате, здрате! – произнесли они наконец и с любопытством, но уже спокойно и добродушно поглядели на меня.

– Вот так вот у нас! – улыбнувшись по-свойски, начал Саша. – А иначе – никак. Да ты не смущайся. К нам, говоришь! Заблудился или ищешь чего?

– Ищу. Остановиться хотелось бы где-то тут недалеко, дней на восемь. Может, посоветуете что?

– Останови-и-и-ться? – недоуменно переспросил высокий и вопросительно поглядел на Сашу. Поднял с травы куртку, достал из кармана спички, пачку «Прибоя».

– Отчего же не посоветовать, – вступил в разговор Саша, – может, и посоветуем, – присядь-ка тут с нами, отдохни, – указал он на бревно, – вот покурим, подумаем.

Найдем, может, кого...

Закурили – не торопясь, степенно, соблюдая привычный ритуал. Стали знакомиться. Высокий назвался Дмитрием.

– Александр, – театрально, с придыханием объявил Саша.

Расспросили, откуда приехал, чего надо, чем вообще занимаюсь. Слушали внимательно, не перебивая. Но все же видно было, разговор этот им – не ко времени. И потому не с руки как-то мне было просить их что-то рассказывать и о себе тоже.

– Позже я узнал, что Дмитрий родился в этих местах, а с Александром

они познакомились в Армии, где служили в одном гарнизоне и что по-человечески объединила их не воинская служба. Другие жизненные заботы сделали их единомышленниками – Кажется, это знакомое мне ощущение себя чужим среди своих, будто ты говоришь на непонятном многим языке.

А после службы Дима и Саша решили не расставаться. Так и оказались они вместе на Диминой родине.

– Сань, отведи-ка ты гостя нашего к Павловым, – решительно заключил Дмитрий, – да быстрее назад. Надо бы управиться, раз уж погода так нынче раздобрилась. Пряма-таки разомлела.

Он поднял топор, вонзил его в лежащую под ногами чурку и поволок ее к свежему, некрашеному еще штакетнику.

А Саша и я вышли на разбитый проселок с колеями, наполненными тонкой топкой пылью. Он снял с пояса фляжку, – хочешь глоточек? Скажу тебе как гостю, мы тут на кураже да на нервах все. Как псы, лаем на кого ни попадая, – будто извиняясь, начал он. Казалось бы, одним и тем же живем, понимаем друг друга вроде бы. Только вот изменить хоть что-то не у всех и не всегда получается. Это я о Матвеиче, нашем председателе. Трудно ему, я знаю... – он опять глотнул из фляжки, – да ты не косись, это чай крепкий.

– А с Ильей Павловичем Павловым я давно знаком, – сказал Саша, как-то даже выпрямляясь, – его в городе многие знают. Все печи тут как дети его. Большой мастер. И с Настей, женой его, тоже, конечно, знаком. Дима так вообще, – с самого своего детства знает их. Сказал он мне как-то, есть люди, в которых бог поселяется. И он, и она, глядеть со стороны, люди всеми уважаемые. А вот дружбу водить с ними как-то не очень хотят. Сторонятся. Блаженные, говорят. Иные что тени серые, да без понятий, да все с дурью какой-то, без души живут, а вот привечают тех почему-то больше. У нас с Димой на это свои соображения. Этих Павловых ничем никакое жлобье не ухватит.

Вот так вот. Чистые, как дети. Хорошие люди. И через несколько шагов добавил, – может, оттого и бедные, что хорошие!

– А вы с Дмитрием?..

Саша посмотрел на меня с усмешкой:

– Побудешь у нас, оглянешься – поймешь, может, чего. Ты ж не с луны к нам...

Некоторое время шли молча.

– Вот так вот, от слов, что забываются, полегчает иногда, – глядя перед собой, произнес Саша, – и позволить их себе не часто получается. Далеки мы друг от друга, хоть и живем рядышком. Иногда выпьешь – так и легче.

Вскоре остановились против бревенчатого дома, где небольшой палисадник был отгорожен от территории другой, большей части этого дома редкими кустиками шиповника. По одну сторону крыльца, чуть поодаль от него, – две яблоньки с несколькими плодами на верхних ветвях, по другую – березка. Четыре вскопанные грядки. На предпоследнем венце серого усохшего сруба – табличка: «ул. **Заозерная, д.16**».

– Тебе повезло, что нас встретил, – сказал Саша.

Я остался на дороге, а Саша направился к калитке, висящей между столбиками в сквозной бледно-зеленой оgrade. На крыльцо уже выходила пожилая женщина в длинном сером, с желтыми цветочками платье. Седые, с бледной голубизной волосы. Только часть их была забрана сзади в пучок, остальные же светились вокруг головы под солнечными бликами, как прозрачное облачко.

Женщина поправила на плечах розовый платок, пригладила волосы легким жестом. Она улыбалась навстречу нам. Глаза ее светились уютным и теплым покоем.

– Постояльца возьмешь на недельку, Настя? – спросил ее Саша, не здороваясь. – Первый раз в наших местах.

И, не дожидаясь ответа, со словами: – Извините все, тороплюсь я, – повернул к выходу.

– Саша, да постой же ты!

– Увидимся еще, – откликнулся Саша и, оглянувшись уже на проселке, помахал нам рукой и что-то, видимо, сказал, но лай пса из соседнего дома заглушил все остальные звуки.

Странно, но хозяин, что стоял рядом, не старался унять его.

Заметна была легкая растерянность хозяйки. Несколько мгновений мы стояли и смотрели друг на друга. Лай умолк.

– Заходите, – позвала она, – ну, что ж вы на дороге-то! И пошла мне навстречу, взяла за руку, ввела в дом.

– Илюша, иди-ка сюда, гость у нас, – засуетилась она.

В комнату вошел небольшого роста седой, плотного сложения мужчина лет шестидесяти. Газета в руках. Небритый. Тонкий оранжевый свитер с закатанными рукавами.

– Илья Павлович, – представился хозяин и протянул мне свою жесткую, жилистую руку.

Я назвал себя, с удовольствием отмечая спокойный, незатейливый прием. Моя ладонь, будто детская, утонула в глубоком, осторожном пожатии хозяина.

– А меня можно просто – тетя Настя. Я так привыкла, – уже менее взволнованным, мягким голосом сказала хозяйка, – клади-ка вот сюда свой рюкзачок, – и она показала на место за занавеской в углу комнаты. Там стоял топчан у окошка в палисадник. Потертый коврик на топчане, подушка под белой узорчатой накидкой. Светло, чисто. Только на стене у занавески слегка запыленные две полочки с книгами: Четыре маленьких томика Пушкина, потертый том старинного издания «Былое и Думы» (Герцен – так неожиданно – здесь!), Тур Хейердал, «Путешествия Ганзелки и Зигмунда», Александр Грин.

На пустой верхней – одинокая ученическая папка для тетрадей, перевязанная резинкой и придавленная камешком.

– Отдохни пока с дороги. На дворе умыться можно, – предложила тетя Настя, – вода у нас с колодца – мягкая, чистая. И не надо стесняться.

Располагайся. Скоро обедать будем. Она подкашливала изредка в сторону, поднося пальцы к губам.

– Спасибо, тетя Настя! (из каких тайников памяти – эти глубокие чистые глаза?)

– В добрый час! – вздохнула хозяйка.

Так я поселился в этом светлом доме у людей, о которых до сих пор вспоминаю с непреходящей нежностью.

Странные, незнакомые чувства посещали меня. И так много вопросов – сразу!

И не хотелось оставаться дома. Надо бы выйти, до темноты как-то осмотреться, начать знакомство...

Перешел проселок, спустился по тропке к маленькому пруду недалеко от укрытого густой зеленью одинокого дома. У пруда скамейка. На ней трое в забеленных чем-то спецовках. На товарном ящике – остатки закуски, пустая бутылка на траве.

– Эй, – увидав меня, крикнул один из них, молодой совсем парень. Будто загребая воздух рукой, он требовал подойти. – Давай-ка сюда, заворачивай давай... – Он поднялся, с трудом облокотясь о плечо товарища, протянул ко мне обе руки: – «...Я не хочу печалить Вас ничем...» Поднимем вместе дружескую чашу...

Вскоре тропка привела на широкую улицу с мостовой в ухабах и трещинах. Пройдя по ней немного, я увидел, как на высоком холме светится под заходящим солнцем Собор Святогорского монастыря.

Навряд ли нужны какие-то особые слова, напоминающие о том, что значит для всякого просвещенного человека это место...

Первое утро – тихое, яркое... Я поднимаюсь по ступеням из бугристого неотесанного гранита с букетиком белых астр к стене

Успенского Собора, где во вьюжном феврале 1837 года стоял гроб с телом Александра Сергеевича.

Как обожжена была душа его? Знает ли кто на самом деле об истоках этой боли? А может быть, он просто устал жить в тех невыносимых условиях – непомерные расходы, долги, отсутствие публикаций... Только догадки – по отрывкам, чудом сохранившимся, из сожженных им «Записок».

Эти бесконечные домыслы!..

И можно ли абсолютно доверять исследователям, утверждающим, что Наталья Николаевна «прококетничала в Свете жизнь своего гениального мужа»? Но что памятник, поставленный ею на его могиле, она посещала регулярно до конца жизни, слава Богу, не подлежит сомнению.

И вот я – перед памятником, на котором золотом выписаны имя, даты рождения – гибели.

Множество живых цветов на ступенях гранитного цоколя. И подстать этому многоцветию, вокруг холма, вечная живопись просторов с широкой долиной, петляющей по ней речкой, перелесками, редкими избами вдали. А сейчас, в эту теплую сентябрьскую пору, – еще и стога, стога, и усталое осеннее солнце, и по-летнему розовеющие облака над многоликой, покойно-тревожной и странной какой-то неподвижностью.

Унылая пора! Очей очарованье!

Отчетливо было видно село Михайловское, куда после исключения из службы был направлен Пушкин под надзор местного начальства. Совсем рядом – Савкина горка, Петровское.

Много прочитано и еще больше передумано. А в тот день я не в состоянии был отделить переживаемое от пережитого.

Спустившись в долину, обошел холм, на котором величественно возвышается Собор, побродил по пустынным перелескам с явно обозначенной прозрачностью, по извилистому плоскому речному берегу, поросшему диким кустарником. Течение реки тихое, едва заметное.

И – высокое небо с темнеющими облаками. И дальний звук тракторов с

полей.

Только в начинающие густеть сумерки я повернул к дому. Сделав небольшую петлю, прошел по центру поселка. Там – навязчивые, ярко освещенные плакаты и лозунги, призывающие горожан к патриотизму и ответственности, портреты первых лиц. У тусклой витрины закуской шевелилась небольшая, молчаливо-мрачная толпа. В небольшом скверике дворник сметал со скамеек и газонов накопившийся мусор.

Быстро темнело. К знакомому пруду подошел уже в темноте, поднялся по еле различимой тропке, вышел на дорогу. Лучистые звезды разгорались в подсвеченном ими ночном бархате. В их плотном окружении молодой месяц казался особенно торжественным.

Подходя к дому, различил силуэт тети Насти. Она стояла у калитки. Светились окна. А в доме дожидался ужин – молоко, творог, душистый домашний хлеб. Тетя Настя присела рядом, и я за вечерней трапезой рассказывал ей о накопленных за день первых своих впечатлениях. Тихо вошел Илья Павлович. Сел в стороне. И стал слушать, иногда что-то добавляя, прежде мне якобы неизвестное. Медленно, растягивая слова, рассказал, что слышал от кого-то, будто Александр Сергеевич, живя тут в Михайловском, переодевался мужиком и шел на ярмарку, что устраивали в эту пору у стен монастыря.

– Его здесь ника-ак не забывают, – с гордостью заметил Илья Павлович, – не то, что где-то там, в толчее, да шуме.

– Дай-то Бог, – с сомнением отозвалась тетя Настя.

Второе утро я встретил еще раньше – с петушиной побудкой. Вышел на крыльцо. Подостывший за ночь воздух тут же обернул тело в свою колкую зябкость. Сошел вниз, присел на ступеньку, закурил. Прозрачный туман поблескивал на темной траве по обеим сторонам широкой дорожки. Утренние сумерки заметно рассеивались. Небо и сегодня обещало быть светлым, высоким.

Напротив дома, на проселке, остановилась женщина с тележкой.

Свернула к нашей калитке. В тележке бидон, покрытый белой серпянкой. Подкатила к крыльцу.

– Доброе утречко, – изучающе разглядывая меня, поздоровалась женщина. – Настя дома?

А хозяйка в теплом платке на плечах уже выходила на крыльцо с двумя трехлитровыми банками в авоськах.

– Здравствуй, Аннушка! Что нынче раньше-то?

Аня пожала плечами в ответ. Открыла бидон, наполнила через марлечку каждую банку до верха горлышка: – Гость у тебя... Может, больше надо?

– Поглядим. Другой раз, может, и больше. Спасибо. Слава Богу, кто-то да заглядывает к нам. Зашли бы когда, так вот по-простому!

– Зайдем. Витю-то опять услали. Всем все надо срочно да срочно. Будто война, не дай Бог. Вот вернется с рейса, тогда уж...

Тихое солнце заливало стволы берез и сосен мягким светом. Утро почти совсем вытеснило сумерки.

Тетя Настя протянула мне одну банку, держа ее ладонями у доньшка – потрогай, молочко-то теплое еще. Пойдем, выпей-ка парного стаканчик.

– Спасибо, с удовольствием. Я ведь с детства не пил парного. А запах-то какой душистый! Будто при мне надоили.

– Только-только, почитай. Заметил, парок аж? Давай-ка в дом, прохладно нынче, – и закашлялась, отвернувшись. – Аннушка подружка моя давняя. Недалеко живет, – уважительно продолжала тетя Настя, километра два отсюда. Она везет сначала нам, а уж на обратной дороге остальным. Который год, да два раза в неделю. Плату никак брать не хочет. Я-то знаю, почему, а все одно неловко как-то. Славная женщина Аннушка. Натерпелась она, не приведи господь. Погорелица. В 48-м приехали в наши края. Дети малые. Стали строиться понемногу. Илюша поставил им печку. Денег за работу не взял. С кого там было брать-то!

Испуганные какие-то были. Нелюдимые. Обжились, купили телку. Вот и стала Аннушка возить нам молочка. Моя Нина, почитай, тоже на том молочке выросла. И сейчас любит очень. Она с семьей тут-же, в другой части дома живет. Пойду, отнесу и ей банку. А бывает, и сама заходит. Вернулась тетя Настя быстро, будто и не уходила. Нет ее. В больничке нашей Нина санитаркой работает. Часто рано уходит... А вот и хозяин!

– Илюш, может, выпьешь на этот раз свежего да тепленького?

– Нет уж! Я погоды. С погребца оно душевнее как-то.

– Ну да, да. На все у тебя свои понятия.

– А то у тебя все как у людей, – усмехнувшись, глядя исподлобья на жену, ответил Илья Павлович.

Он напился воды с кружки, что стояла на лавке. Опустился на порог. Стал закуривать.

– Много нас поприезжало в эти края. Даже фамилию меняли, так нового хотелось. Рассказывали, будто кто-то взял фамилию Тоболенец. Зачем, не знаю, не спрашивал. А ведь так прежде село наше называлось. Вот так вот!

Тетя Настя позвала к столу. В миске блестели капельками влаги свежие овощи. В чугунке золотилась, только что с печки, картошка. Рядом – хлеб с теплой корочкой. Казалось, даже стены излучают этот душистый запах.

А на дворе все светлее, солнечней. Утренняя влажность совсем испарилась в теплых лучах, и где-то иволга своей вдохновенной флейтой приветствовала начало нового дня. И эта осень, словно наперекор чему-то затянувшаяся, страстная, продолжала властвовать над всем ее пространством.

Легко и радостно играет в сердце кровь,

Желания кипят –

я снова счастлив, молод...

И неизменные осенние атрибуты – тихо опадающая пожелтевшая листва и налетающий изредка порывистый ветерок – не вызывали у меня

сопутствующей им грусти. Поражала веселая ярость, с какой природа расцветчивала себя в уходящие сентябрьские дни под суетливые птичьи диалоги, шелесты ветра в оврагах, шорох сухих листьев под ногами. *«Священное зарево мертвой листвы»*, – писал кто-то из поэтов нашего поколения.

Какая-то гипнотическая энергия была заложена в окружающем меня пространстве. Северу всегда свойственны особая щедрость и торопливая нежность. Быть может, из-за краткости времени, необходимого земле для созревания.

В это утро была мне дорога в пять километров на север – до Михайловского – в *«...приют спокойствия, трудов и вдохновенья»*. А там, совсем рядом, не больше пятнадцати минут по утопанной тропке – Савкина Горка на когда-то укрепленном берегу Сороти.

И – я вступаю в это заповедное место. И уж ничего кроме... Только этот парк. И высокое ясное небо. И воображение... И эти, еще неведомые слуху, но уже возникающие во мне ритмы. Они все различимее, и я будто читаю где-то и кем-то давно написанное о том, что сам сейчас вижу и чувствую:

В глазах и в сердце – явь долгожеланная:
В тенистой тишине осенний парк.
Именье матери на взгорке. Пруд под ним...
Повсюду тайна, томность, старина.
И чей-то дух с недвижных облаков незримо
Опускается на... *«остров уединения»*.

Быть может, такой же тихой и светлой осенью вспоминалось здесь Александру Сергеевичу о приближавшейся дате окончания лица, о посещавших его друзьях.

*Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.*

И эти встречи:

*Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О, Пушкин мой, ты первый посетил...*

*Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей...*

*И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О, Дельвиг мой...*

Почти физически ощущаемая аура!..

Как чувствена бывает наша память! Намек один, и все, как в первый раз.

Каждое свидание с Пушкиным – как в первый раз. Нескончаемая воровжба. И именно здесь летом 1825 года была написана «Сцена из Фауста». Первая строчка – «Мне скучно, бес».

Считается до сих пор, что «Фауст» – «альфа и омега человеческой мысли». И что только Пушкин смог откликнуться на нее в полной мере.

И буквально в часы восстания на Сенатской площади, – «Борис Годунов». Станным сближением называл Пушкин это обстоятельство.

Сюда же летом 1826 года пришло запоздалое известие о смерти неизменно дорогой его сердцу женщины. «Негоциантка молодая» – так назвал ее тогда Александр Сергеевич.

*Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой.
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он – за тобой...*

Принимаю на веру все, что читал об этой женщине: Амалия Ризнич – родом из Флоренции. Молодая жена одесского купца – стройная, с пламенными глазами, с косой до колена, всегда окруженная поклонниками.

*Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.*

В мае 1824 года, когда она уезжала в Италию для поправки здоровья, он писал:

*В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой.*

А узнав, что некто тут же поехал за ней следом:

*Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжёлым напряженьем.*

Но эта весть – даже эта весть – вскоре стала казаться ему лишь призраком рядом с известием о друзьях, казненных в Петербурге этим летом...

А совсем недалеко, в Тригорском – утешительное радушие обитателей дома Осиповых. Младшая дочь хозяйки, Мария, вспоминала, как в том же году – 3-го сентября, тихим погожим вечером, долго гуляли они с сёстрами и Александром Сергеевичем, провожая его в Михайловское.

А в это его отсутствие приезжал нарочный с предписанием явиться в Москву.

Следствие продолжалось...

Может быть, тогда и были сожжены почти все «*Записки*»?

А вскоре – описанная не однажды встреча Пушкина с Николаем, после которой царь, рассказывая, как он «нынче долго говорил с умнейшим человеком России», добавил: – С поэтом «нельзя быть милостивым».

Многое, связанное здесь с памятью об Александре Сергеевиче, восстановлено старанием и любовью славного хранителя этих мест, Семеном Степановичем Гейченко. Это не только Михайловское.

«Овеществленная память» – так сам он называл заповедник. Мне повезло слушать и видеть Гейченко – седой, худощавый, с палочкой в руке. Всегда приветливый.

О Пушкинском заповеднике нет нужды рассказывать подробно. Это лучше всех сделал сам Семен Степанович в своей книжке, которая так и называется «Пушкинский заповедник».

Мой дед, очень верующий человек, то и дело повторял, что все мы – дети Творца. И обязаны быть подобны ему, несмотря на все беды на нашу голову. И сохраниться. И помнить! И это все должно составлять основу присутствия на земле человеческого племени. А тот, кто живет иначе – безбожник.

Савкина горка. У почерневшей от времени бревенчатой часовни небольшая экскурсионная группа тесным кружком внимательно слушает рассказ экскурсовода о попе Савве, что поставил здесь на вершине в начале 16-го века каменный крест в честь павших воинов. Какая увлеченность в рассказе этого пожилого человека!.. Интонация, подробности.

Тихо подхожу и с удовольствием присоединяюсь к экскурсии.

Когда группа с сопровождающим погрузилась в свой автобус, отъехала, я подошел к экскурсоводу. Представился.

– Петр Гаврилович... Очень приятно, – ответил он.

Вот так, накоротке, мы и познакомились. Обрато шли вместе, говорили о заповеднике, о стихах. За стайкой домов, в стороне, у перелеска, он предложил присесть передохнуть. Мы устроились в прозрачной тени на недавно поваленном дереве – еще с листьями.

Я предложил свою «Шипку».

– Спасибо, недавно бросил. Но запах этот мне не мешает. Курите, не смущайтесь, – Петр Гаврилович достал из внутреннего кармана куртки фляжку. Сделал пару глотков. – Ну вот, а вода-то закончилась.

Минуту-две сидели молча.

– Хочу признаться, – начал Петр Гаврилович, – мне близки и понятны душевное состояние и настроение, что привели вас сюда одного, неорганизованного. И, похоже, уклады здешние вам тоже не безразличны. Вот и подумалось, добавлю-ка и я в вашу копилку что-то из нашего здешнего бытия... – До недавней поры, – продолжил он, – я работал тут учителем литературы в старших классах. Директором нашей школы долгое время был талантливый человек, мой задушевный давний приятель, Семен Аркадьевич Земский. Неоконченное филологическое образование. Инвалидом вернулся с войны. Пытался продолжить образование. Не взяли! Но школе такие люди ой как были нужны. В те годы особенно. Нужен был хваткий человек, увлеченный и порядочный. Непросто было держать и коллектив, и хозяйство. А он держал. На достойном, по его понятиям, уровне. «Этот край, – говорил он, – особо обязывает...» Но, видимо, не всех. Администрация поселка, партийные организации, особенно последнее время, считали, что вправе нас корректировать и во все вмешиваться.

После очередного крупного разговора с властью и слов, будто он внедряет тут свои еврейские порядки, сердце не выдержало.

Петр Гаврилович сорвал влажный лист, обтер губы.

– На похоронах – сотни. И ученики, и родители. Цветы, слезы. Приехала милиция – стояли в стороне, наблюдали...

Я замещал его некоторое время. А вскоре директором нашей школы назначили молодого человека, окончившего партийную школу.

О, как я старался удерживать наш устоявшийся уклад, дабы, не дай Бог, не снизить планку! Новый директор, решив сделать школу показательной для области, начал с реформ, которые стали постепенно, как сорняк, уничтожать прежние посевы. Конфликт был неизбежен – вопрос времени.

Под предлогом систематического срыва учебного процесса меня уволили. Ученики организовались, пытались защитить – не помогло.

Петр Гаврилович достал платок, вытер покрасневшее от волнения лицо.

– Уволили... И я, неожиданно даже для себя, перестал бороться. Возможно, потому, что меня все же убедила точка зрения Семена Аркадьевича. Он считал, что просвещение – первостепенная задача всех слоев общества, что роль разума в нем – основная роль. Иначе общество деградирует. А я настаивал на том, что каждый сам себе должен выбирать образ жизни.

От сознания неправоты своей захотелось исчезнуть, уйти куда-нибудь в глушь, в недостигаемость, раствориться в каком-то ином пространстве... Не смог. А как же любимые, необходимые мне люди? Как без них? Такие дела...

Голос становился все более тихим. А вести от своих учеников, увы, я больше воспринимаю как голоса с другого, чуждого мне берега. Но все равно, очень мне беспокоило за них.

– Здесь я вот уже второй год, – продолжал он после небольшой паузы, – когда туристский сезон близится к завершению и основной штат разъезжается по отпускам, меня приглашают поработать – до октября. А какая в это время работа! Вот сегодня эта короткая экскурсия. И все...

Петр Гаврилович опять замолчал и вдруг горько усмехнулся каким-то своим мыслям:

– Все вспоминается «Село Горюхино». Не странно ли? И в то же время вопреки всему, совсем рядом – божественно высокий дух. Какие контрасты, какой диссонанс!

Петр Гаврилович встал, прошелся немного, уняв волнение. Осветился улыбкой.

– Вот, радуюсь этому светлому дню, встречаю. А какую нынче чудесную осень дарит нам природа! Живу тем, – заключил он, присев снова рядом, – что пока не покинуло меня благо наблюдать и слышать, пока рядом друзья и близкие, я могу причислять себя к счастливым людям. Не блаженным, нет – счастливым.

Вот и тише стала моя боль. Но утомил я вас, наверно. А меня наверняка заждались дома. Пойдемте.

– Спасибо, Петр Гаврилович, за встречу, за рассказ. Уклад ли ваш, образ жизни ли – как угодно, далеко не здешнее явление, к сожалению. Эта боль знакома многим из нас.

– В вашу копилку. Может быть, пригодится, не вам, так друзьям... О-о! Посмотрите туда. Видите, мотоцикл? Похоже, это дочь моя. Я же говорю, беспокоятся. Мы подвезем вас...

– Спасибо, не нужно. Для меня время не позднее. Каждый час на здешнем приволье дорогого стоит.

– Это верно! Ну что ж! Может, будет мне еще работа, и мы встретимся где-то тут снова. Есть несколько дней до отъезда. Дочь мою приглашают в Ленинград преподавателем в художественном училище.

– Поздравляю вас обоих. Успехов ей. Я тоже уезжаю скоро. Всего вам самого доброго, Петр Гаврилович. Еще раз спасибо.

На мотоцикле с коляской – молодая женщина. Она не сняла очки, не заглушила двигатель. Петр Гаврилович что-то прокричал ей, указав в мою сторону. Мотоцикл сорвался с места. Оба помахали мне рукой и исчезли в пыльном облаке, что тот грузовик у поворота на завод. Они все удалялись и удалялись, как в заключительном кадре какого-то приключенческого сюжета.

Я снова присел на поваленное дерево. По примеру Петра Гавриловича сорвал несколько влажных листьев, обтер засохшие губы. Думал, вот отдохну и – домой. Но судьба уготовила мне в этот день еще одну, не менее значимую встречу.

Солнце укатилось далеко на запад. Слышалось кряканье заблудившихся уток. На елях белки занимались своей торопливой работой и наверняка тоже были рады задержавшейся в этот год теплой солнечной погоде.

Шел домой утомленный, переполненный впечатлениями.

*Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я...*

Беспокоила жажда. И если бы не она, я бы не обратил, быть может, такого внимания на «...вдали рассыпанные хаты...», что так живописно расположились на взгорке в стороне от дороги. У одной из них я заметил колодец, подошел к огороженному неплотным штакетником участку. У калитки справа – узкая скамеечка. Из конуры вылез высокий, лохматый коричневый зверь и, рыча, пошел мне навстречу. С крыльца уже сходила молодая женщина.

Статная, в белом, с розовыми змейками, сарафане. Босая, с ведром и тряпкой в руках.

– Здравствуйте, мил человек, – сказала она, улыбаясь, будто давно ждала гостей.

– Добрый день! Я увидел с дороги ваш колодец... Мне бы напиться, если можно.

– Можно, конечно, можно. Заходите в дом, – пригласила хозяйка. – Там, в сенях рукомойник. Не поскользнитесь, я только что пол помыла. В просторной светлой комнате – круглый стол под клеенкой в ярких подсолнухах, на нем стеклянный запотелый кувшин с молоком, накрытый марлевыми салфетками. У края печки, пуховым комочком на теплой подстилке, – котенок.

Хозяйка принесла в плетеной корзиночке серый хлеб, сняла с кувшина марлю, налила полную кружку.

– Спасибо, я хотел просто... Взгляд мой задержался на облике хозяйки, таком непохожем на привычный местный. Смуглое лицо, мелко вьющиеся волосы, глаза светло-серые с голубизной.

– Пейте, пейте, – она будто и не заметила моего взгляда, – молоко холодное, хлеб свежий. Пока еще до дому дойдете!

Я взял кружку и почти залпом выпил.

– Ну, что же ты так-то... Разве можно? Я же говорю – холодное.

Пустое вы сердечным ты

Она, обмолвясь, заменила...

Хозяйка налила еще: – Пей тихонько, не торопись. Вот, вот...

– Спасибо большое, – я встал из-за стола, протянул ей руку, – так

неожиданно все!

Она подняла одной рукой котенка, прижала к плечу. Другую протянула мне.

– Меня тут все Надькой зовут...

Я назвал себя, взяв с ее руки мурлыкающий комочек меха в свои ладони, поднес к лицу.

– А тебя, малыш, как звать-величать? Да не робей же ты так – не уроню.

Надя улыбалась: – Второй день у меня, но как-то не успела с именем.

Я вернул котенка хозяйке, поклонился: – Всего вам доброго, спасибо еще раз! Но, скажите, отчего – Надька? А не Надя или Надежда – так уважительней.

– Да уж... Стали дразнить как-то: «Надька, Надька, где твой дядька?» Я уж и забыла, когда меня Надеждой звали, – улыбка на секунду сошла с ее лица, – привыкла.

А ты заходи, коль мимо идти будешь. Угощу молочком. Я тоже люблю остудиться иногда. Глаза Нади, казалось, потемнели на мгновение, и что-то похожее на яркие зарницы промелькнуло в их глубине...

От крыльца по широкой и чистой тропке я шел к выходу, а лохматый коричневый зверь терся о мои ноги, сопровождая нежданного гостя до калитки. Вдруг он повернулся – резко, всем телом. Надя сбегала с крыльца...

– погоди! – она догнала меня уже за оградой. – Прости, но хочу сказать... Я вот о чем... Присядем давай, – она указала на скамью. Минуту помолчала, будто переводя дыхание. – Просьба к тебе, вот какая... Странно, скажешь? Да, странно, но я должна... Ты ведь человек не чужой, верно? Хотя тут не всякого попросишь, но ты послушай, – Надя опять чуть помедлила, глядя на меня с сомнением... – Сейчас объясню... Помощь нужна, понимаешь! Да не мне, нет. Председатель наш уж и не знает, кого еще просить-то... – замолчала вдруг, заметив мою растерянность. – Если неинтересно, ну тогда...

– Да нет, отчего же?

– Ну, так вот... Заметил, наверно, что засеваем все меньше, а рук рабочих все одно не хватает. А в этот год большой урожай овощей, – Надя еще сильнее заволновалась, заторопилась, – работы в поле много, а с техникой да с людьми, как всегда, – проблемы. Обещали из Пскова студентов прислать, так это через два-три дня только. С погодой нынче повезло. Пока... А пойдут дожди, что тогда? На маслодельном свои авралы, – Надя чуть помедлила. – Председатель наш мужик хозяйственный, да совестливый. Из последних, наверно. Не кого-то там – его по-хорошему жалею. Он, конечно, не один, но все равно мало нас очень, кто в эту пору может откликнуться. Народу все больше становится, а помощи все меньше. Нет, ты только не подумай, я тебя не за тем в дом пригласила, чтобы просить о чем-то. Потом только...

Я слушал не перебивая, неожиданно увлекшись и голосом ее, и решимостью.

– Ладно, если не с руки тебе все это – забудь. Вот, я всегда так... Не удержишь себя, а потом жалеешь.

Но вообще-то у нас – без церемоний. Ты же знаешь.

– Но чем и как я могу помочь?

– Если правда сможешь, приходи в шесть утра к правлению. Будет машина. Всех отвезут в поле – на грядки. Обещают аж по пятнадцать рублей каждому и полмешка картошки, – придвинувшись чуть, Надя заглянула мне прямо в глаза, – придешь ли?

Какая страсть в этой серо-голубой бездне!

«Неисповедимы пути господни», – вспомнил я поговорку. К этому времени наметились некоторые материальные проблемы. Нужно было их как-то обязательно решать, но обременять еще кого-то очень уж не хотелось. А тут вот!.. Но и без того я бы не смог отказать. Никак бы не смог. Просто невозможно было остаться безучастным именно к Надиной просьбе. Она прозвучала, как мольба.

– Я попробую найти ваше правление, если не заблужусь.

– О-о-о!.. А я-то все смотрю да думаю: здешний, нездешний? Говор не наш, манеры, – Надя почему-то повеселела, заулыбалась. – Не надо

ничего искать. Я заеду за тобой. Где остановился – в гостинице, чай?

– Нет, у околицы почти. На Заозерной. У Павловых.

– Это у каких Павловых? У Насти, что ли? Мужика ее недавно видела у тетки моей. Он, говорят, по печному делу большой мастер! Что-то у них не заладилось тогда. Тетка говорит, он все по-своему хочет. Не так, как ей советовали. В общем, без пятнадцати минут шесть, выходи на дорогу. Я проеду по Заозерной, а к шести как раз успеем за остальными. Придут ли, да сколько – ничего не знаю. Спасибо тебе! Так неожиданно все! – повторила она мои слова.

– Я буду вовремя. Тебе спасибо – за угощение.

– Да какое там... Насте расскажи про меня. Она не осудит, я знаю.

С дороги я обернулся. Надя сидела на скамеечке, одной рукой трепала пса за шею, другой махнула мне на прощанье.

Утро следующего дня было снова зябким, но еще и влажным. Туман еще низкий, но уже неплотный. Прогретая в лето земля экономно отдавала ночи накопленное тепло. Облака слегка отяжелели, опустились к вершинам сосен. Но на востоке темно-синее уже становилось голубым. Пока ехали, повеселели березки на околице, стали звонче птички переклички.

У высокого крыльца собралось еще шестнадцать человек – парни в телогрейках, девушки в неведомых мне прежде легких комбинезонах, женщины с яркими платками на голове, с краями, обернутыми вокруг шеи.

Как только машина пришла, все тут же погрузились в кузов. Из правления вышел мужчина с картонной папкой.

– Сколько нас нынче-то? Ну, что ж, хоть так-то, – влез на колесо, держась за борт, раздал какие-то квиточки.

– Не потеряйте. Удачи всем, поехали!

Надя сидела напротив, улыбалась мне.

– Надька, Надька, это твой дядька? – спросила одна из женщин, и все дружно, будто истосковавшись по веселью, рассмеялись.

– Может, и мой, а может, и не мне одной, – тут же нашлась Надя, и люди, уже разогретые первой шуткой, буквально взорвались общим хохотом.

Машины несколько раз тряхнуло на ухабах. Кто-то упал на соседей. И снова смех, шутки...

Подъезжали к Сороти. Несколько ярких многоцветных кленов – в стороне от дороги, за ними, в долине, – стайка золотистых берез, ниже к берегу – тоненькие загрузившие осинки.

*Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...*

Прощальный, трогательный пейзаж неумолимо надвигающейся большой осени.

Огромные стога с жердями в центре возвышались вблизи картофельных грядок. Несколько копенек рядом. Под ними и расположились все восемнадцать добровольцев со своими узелками и сумочками.

Стали распределяться по двое на грядку. Я достался молодой женщине в бордовом с белыми горошками платке. Ее звали Аля. Открытое, ничем не затененное лицо (так это редко в наше время), большие, спокойные светлокарие глаза. Белесая ситцевая кофточка с длинной темно-серой юбкой, короткие кирзовые сапожки.

Корзины в руки и... Несколько минут мы шли с Алей вровень. Она поглядывала в мою сторону с лукавой полуулыбкой.

О-о! Это была не женщина – комбайн, робот. Я стал отставать понемногу. Она иногда оборачивалась, подгоняла. Где-то на второй половине грядки я отставал от Али уже метров на двадцать. Обернувшись в очередной раз, она вдруг выпрямилась: – Кто ж это на коленках-то работает? – всплеснула она руками. – Вставай, не срамись! Согнулись ножки от картошки, – засмеялась она и тут же добавила, – не надо на меня обижаться и подымайся давай. А я потом помогу. Если стараться будешь.

Обещание помощи, да еще и с условием, меня особенно сильно

задело. А тут еще девушка с соседней грядки продекламировала, подмигнув Але:

– *...Не отличился в жарком деле...*

И все, кто это услышал, независимо от возраста, заметно возбудились, заулыбались, будто готовые продолжить Пушкинскую эпиграмму. Девушка рядом что-то зашептала своей напарнице, и та, не удержавшись от смеха, так и осела на грядку, закрыв лицо косынкой.

А в меня будто бес вселился.

Ну уж нет! Я так не согласен... Я замечал, как Аля захватывала клубни с моей половины, но шел и шел вперед, не в силах вообще произнести что-либо.

И только когда грядка закончилась, я позволил себе разогнуться. Сам отнес наполненную корзину к машине и, подойдя к своей копне, заставил себя не упасть в нее, а спокойно сесть, напиться воды и только потом тихонько прилечь на душистое сено.

Аля сидела недалеко рядом с Надей, о чем-то переговариваясь. Я видел, с какими улыбками они посматривали в мою сторону. И невозможно было не улыбнуться в ответ. Вспомнилось:

===

– *Алина, сжальтесь надо мною...*

Я опять улыбнулся, но теперь уже своей памяти. Вот и поправилось настроение. Много ли надо...

Солнышко поднялось почти к зениту. По долине кружил ветерок. Теплое дыхание земли и свежей стерни дарили ощущениями бодрости, уверенности. Двадцати минут отдыха вполне хватило. А впереди нас ждали еще несколько таких же, упирающихся в горизонт, грядок. Все пошли к их началу с корзинами в руках.

Заметно ловчее стали движения рук. Ноги легче, гибче.

«Не посрамим Московии на Святогорских просторах», – подумал я...

К началу первых сумерек ушел последний груженный нами грузовик, а через некоторое время пришла машина и за нами.

Ни рук, ни ног я не чувствовал, но старался держаться достойно. Кто-то в дороге спрашивал меня, где я успел побывать, кто-то что-то советовал, а я, как китайский болванчик, только и кивал в ответ да улыбался.

У правления мужчина с папкой, встав опять на колесо, поблагодарил всех и вручил каждому по пятнадцать рублей взамен выданного утром квиточка.

– Будем ждать студентов, – вздохнул он, поднимаясь на крыльцо. И, повернувшись к нам, добавил: – А нет, так опять мне вас собирать... Глядишь, с божьей да общей нашей помощью, одолеем поле, а? – и добавил с горечью: – Тьма народу всякого разного наверху, потому и проблемы.

– Это ты о каком таком Боге, Матвеич? – спросил чей-то шутливый мужской голос.

– Да о таком, что погоду нам всем делает, вот о каком, – жестко ответил председатель. – Вот, если б поделить землю меж тем высоким начальством, да так, чтобы каждый за свой кусок отвечал бы! Было бы тогда нам с кого спросить за чудеса то наши.

Какой-то молодой мужской голос с деланной грустью продекламировал:

*– И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

– Шутите, шутите...

– Ничего, Матвеич, не первый год замужем, – громко сказала какая-то женщина. И смех, сдержанный, хоть и не такой дружный, как прежде, смягчил горечь председателя.

– Ладно, бывайте здоровы. Спасибо.

А под моими ногами лежало полмешка картошки, что разрешили взять и что мне очень хотелось принести с собой.

– Пойдешь прямо по этой дороге, – обратился ко мне шофер, останавливая машину у тусклого фонаря на повороте. – Вон туда иди. Это недалеко. Палычу привет от Старикова. Может, вспомнит заказчика с механического!

Надя подвинулась к борту, протянула руку.

– Будешь рядом, так заходи, – едва расслышал я, и прежняя сдержанная улыбка осветила ее потемневшее от усталости и пыли лицо.

А может, это свет фонарный...

Я подошел к Наде: – Все не решался спросить... Корни твои здесь, в этих местах?

– Кто-то меня об этом уже спрашивал, – она как-то странно засмеялась. – Да, конечно же, в этих. Мы здесь были всегда. Вообще всегда.

Шофер вышел из кабины, помог поднять мешок на плечи.

– Спасибо! Добрых вестей всем вам и Матвейчу. Я рад этой встрече.

Надя все еще держала протянутой мне руку. Я осторожно пожал ее, не сразу отпустив тонкие, доверчиво чувственные пальцы.

Помню, как шел я тогда с мешком метров двести по проселку до одиноко светившихся окон, как истошно залаял соседский пес. Тетя Настя выбежала навстречу, увидав меня, сходящего с проселка к дому. А на крыльце Илья Павлович как-то странно перебирал ногами, топчась на месте. Потом он вдруг оказался сзади меня, помог взойти в сени, снять с плеч мешок. Я только умылся, выпил чего-то, что подала мне тетя Настя, лег и... исчез в каком-то неведомом мне измерении...

Проснулся еще раньше, чем накануне. Может, оттого, что спал больше обычного и крепко, а может, оттого, что окно было открыто, и ночь насытила меня своей энергией. Лежал, глядел на занимающийся рассвет, на прозрачную березку в палисаднике, вспоминал вчерашние грядки. Теперь вот и я смог убедиться в грустном смысле ставшего тогда расхожим выражения – *битва за урожай*, которую выигрывают те самые люди, которые *потому и бедные, что хорошие*.

Вспоминал о первых впечатлениях. С не меньшим волнением думал о встречах предстоящих – о местах, которые должен успеть посетить. Когда стало заметно светлее в комнате, достал из куртки, висящей рядом на спинке стула, сложенный вчетверо листок, на котором записал в Михайловском: «Скажи мне, ель – ровесница поэта...»

И продолжил... – второй строкой, а за ней последовала другая, и следующая... Поставив наконец последнюю точку, я еще продолжал лежать, смотреть на все более светлеющие ветви у окна, на еще способное розоветь небо, целиком отдавшись воспоминаниям и предощущениям.

Послышались робкие шаги, за занавеской возник силуэт тети Насти.

– Лёнушка, ты проснулся? – шепотом спросила она. – А то вставай, я тебе оладушек напекла. Я только и смог произнести, да и то не сразу, – что-то мешало в горле: – Доброе утро, тетя Настя! Спасибо вам.

Прежде чем войти в комнату, заметил, что полка и книги на ней тщательно протерты.

Ученической папки на прежнем месте – нет.

А комната, от печки до самых дальних углов, наполнялась утренним солнышком.

Стол украшен яркой клеенкой. На ней молоко в стеклянном кувшине, румяные оладьи в большой эмалированной миске. Рядом с ними, похожий на расплавленный янтарь, в блюде – мед с пьянящим веселым ароматом. У окошка Илья Павлович – в очках, с газетой в руках, отчего-то хмурится. Встав мне навстречу, он отложил газету на лавку.

– Как спалось нынче? – спросил он. – Чего снилось?

– Спал без снов, – ответил я, – может, потому и выспался.

– Это хорошо-о, когда с устатку, да без снов, – мечтательно протянул он, – тогда спится крепко. Это верно. Да...

А помнится, случалось и так: только работу закончишь, да убедишься, что все ладно, да услышишь голос ее – новой печки, стало быть, – устал не устал, а заснуть никак не получается. Вот так вот!

И глаза у Ильи Павловича вспыхнули радостными лучинками.

– А уж если вспоминать все мои печки, – продолжил он, сам будто разгораясь, – совсем, не дай Бог, сна лишишься. Сейчас легче стало не вспоминать, а раньше так никак не мог. Ты слушай да ешь, – спохватился он, – придешь-то опять затемно!

Илья Павлович вернулся было к газете, но – медленно сложил ее, убрал в сторону. – Давеча ты говорил, что строителем работаешь, так я тебе стал печку мою рисовать. По моему разумению – ряд за рядом. Она незатейливая для работы-то, но хочу, чтоб говорливая была, чтоб ты сидел рядом, слушал ее да вспоминал нас с хозяйкой. Вот так вот...

– Да этому же цены нет, Илья Павлович! Ни в одних учебниках я не встречал ничего подобного.

– А потому что там, – он показал пальцем вверх, – сидят все больше с ватными мозгами. А раньше-то, я сам видал, были такие книжки, да. На другой год давай приезжай, – помолчав, продолжил Илья Павлович, – Найду подряд, возьму тебя подручным. Пойдешь? Такую печь сварганим! Памятник будет, а не печь. Я знаю, как сделать, – он замолчал, погрустнел почему-то.

– Да, ты ешь, ешь, – спохватился он опять.

– Так ты говоришь, Надька тебя ухватила, – переменял тон Илья Павлович. – Смотри!.. – Он лукаво улыбнулся...

Хотел ответить: «...*Она прелестная Лаура, да я в Петрарки не гожусь*», но заметил только: – Такая видная женщина, красивая, молодая! А похоже, давно одинока.

– Не давно, нет. Был я тут как-то у тетки ее. Работу предлагали. Так та говорит, что и не знает, как быть с племянницей. Аккуратная,

работящая. Но обидел ее кто-то, видать, сильно. Никого знать не желает.

– Характер у нее не такой, как у остальных. Дай ей Б-г найти свое счастье, – вступила тетя Настя. – Я так думаю, не всякий понять может, что происходит в ее женском сердце. Надя открыта людям, но этим-то и пугает их. Не верят. Счастливым будет тот, кто рядом с ней окажется.

Она принесла с кухни пакет, бутылку молока: – Возьми вот на дорогу. Сегодня далеко ли? – и провела по моему плечу своей теплой ладонью.

– В Тригорское, а там видно будет. Но сначала хотелось бы в редакцию вашей местной газеты. Как найти ее?

– А вот сейчас и посмотрим, – Илья Павлович взял свою газету, развернул. – Вот он и адрес: улица Пушкинская, дом 9-а.

С этой улицей я уже был знаком. Дом, где находилась редакция, найти было несложно. Рядом со входом на стенде висел за стеклом свежий номер газеты от 30-го сентября.

Я вошел, поздоровался.

– Мне бы к редактору, – попросил я моложавую секретаршу.

– Вы по какому вопросу?

– Стихи у меня.

– Обождите, я сейчас доложу.

Через несколько минут она объявила: – Заместитель редактора примет вас, заходите.

В кабинете за маленьким, заваленным бумагами столом сидела средних лет женщина в белой блузке с темным платком на плечах. Увы, я не помню ее имени. Назову ее Анна Александровна. Ответив на мое приветствие, она пригласила сесть, протянула руку: – Давайте, что у вас?

В голосе ее прозвучала спокойная, доброжелательная нота, и меня это немного ободрило. Я подал развернутый лист со стихотворением.

Едва начавшееся общение прервал телефонный звонок. Анна Александровна взяла трубку.

– Я слушаю вас. – На лице отразилось неприятие того, что слышала.

– Нет, сделаем вот что, – жестко предложила она, – вы оба едете к

секретарю, потом одни или с ним – на место. И берете максимально подробную информацию о случившемся. Вы слышите? – подробную. Он вчера мне звонил и просил осветить событие так называемым должным образом. Но его дело секретарское. А вы, дорогие, выполните, пожалуйста мою просьбу и изложите максимально достоверно, без оглядок. Я все понятно сказала? Надеюсь на вас. Вернетесь, позвоните.

– Извините! – Анна Александровна улыбнулась. Помедлила, возвращаясь к прежнему состоянию, выпила воды, взяла мой лист. Читая его, она откинулась на спинку стула. Перечитала последние строчки – еле слышным шепотом:

... Что делать, можно ли унять
стук запоздалый сердца, его трепет?
Она молчит. Я жду...
Она молчит опять.
Я снова жду...
А может быть, не ждать?

И, после небольшой паузы:

– Ну что ж! Светлая нота, искренняя. Звучавшая, правда, не однажды. Однако у вас – иначе. Но дело в том, что, – продолжила она, и какой-то холодок вдруг обжег меня, – наша газета выходит всего три раза в неделю. Следующий номер в четверг, и навряд ли мы сможем разместить в нем ваше стихотворение. Скорее всего, это произойдет в субботу, 4-го октября, а в понедельник мы ждем вас у нас в редакции.

– Спасибо. Большое спасибо, но 4-го утром я уезжаю и зайти не смогу.

– Так вы у нас в гостях! – опять так же тепло улыбнулась Анна Александровна – Ну, тогда оставьте нам свой подробный почтовый адрес, и мы сможем прислать вам экземпляр газеты и все, что полагается, – и протянула мне мой листок, – вот здесь, на обороте.

Она подождала, когда я верну лист, продолжила: – Вы пишете, что хотите «*унять стук запоздалый сердца*», – и, через некоторую паузу: – Зачем? Нужно ли от этого избавляться? Если, вообще, возможно.

И поднялась со стула, протянула мне руку, – Всего вам доброго! До свидания. Присылайте нам свои стихи.

На этом и закончилась моя единственная встреча с редакцией газеты «Пушкинский край». И свиданий не было, и стихов сюда я не посылал. Началось, что называется, глубокое погружение в океан информации: поэзия разных времен и народов, статьи и книги о поэзии – бесконечные сокровища, которые открывал я для себя, обогащаясь и вырастая. Конечно, я пытался писать, но, слава Богу, никому ничего до времени не показывал.

А в то благословенное утро я выходил из редакции, будто окунаясь во что-то еще неведомое, со странным чувством, которому не мог дать названия.

Вот он, тот поворот – с подъемом, как в другой мир, по-особому освещенный, в какое-то иное, едва осязаемое качество.

И это событие, и предшествующие ему встречи, особенно с людьми, ставшими дорогими, вынули меня из привычной обыденности, понимания вещей. Еще немного – перехватит дыхание, и все станет избыточно, через край. Будто судьба моя, стремясь к равновесию, решила сразу – единовременно – отдать все, на что скупилась прежде.

Я присел невдалеке на скамью под раскидистым тополем, закурил.

...Можно ли унять
стук запоздалый сердца...

«Нужно ли?.. Возможно ли?..» – говорила мне только что Святогорская пророчица.

Утро незаметно обращалось в день. Чего было больше – грусти, радости, тревоги? А на мою скамью, и рядом с ней, и дальше, тихо падала покорная судьбе и времени листва.

Куда и как идти теперь?

Солнце мягко и неспешно скользило к зениту. Осень теплая, светлая, дарила земле последнюю свою нежность. Залетал на мгновение плотный прохладный ветерок, а бесконечная стерня вдалеке все еще светилась мягким отраженным светом. Природа будто затаилась в ожидании. Долго ли продлится это ожидание?

А пока – в путь! В Тригорское! Несколько километров по такой погоде не утомительны. Но надо поторопиться. Краткое пребывание в славной усадьбе вряд ли удовлетворит.

Я шел по дороге, где память была моим поводырем.

«...По берегам отлогим / Рассеяны деревни – там за ними...», в стороне от соснового леса, у холмов и расположилось Тригорское.

...На границе

Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,

Изрытая дождями, три сосны

Стоят – одна поодаль, две другие

Друг к дружке близко, –

Здесь, когда их мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,

Знакомым шумом шорох их вершин

Меня приветствовал.

Сколько женских сердец трепетно билось, как только на дороге от Михайловского показывалась его фигура!

Приют, сияньем муз одетый...

И вместе с тем...

Но ты, губерния Псковская, –

Теплица юных дней моих,

Что может быть, страна пустая,

Несносней барышень твоих?

Здесь – первая обстоятельная встреча с Анной Петровной Керн. Ей шел в ту пору двадцать седьмой год. В недавней переписке с Пушкиным она писала ему как безусловная поклонница его творчества:

*О, Пушкин, мот и расточитель
Даров поэзии святой...*

Воображение его освятило эту женщину многими вдохновенными стихами. И, в продолжение этой встречи, – поездка в Михайловское, лунной июльской ночью в *«приют задумчивый дриад»*.

Не думал я, что могу быть так подвержен гипнозу, мистике... Казалось, я вижу, как она спотыкается о корни, он вздрагивает, не в силах отвести от Анны глаз, восхищаясь прекрасным лицом ее и всем обликом ее под бледно-серебристым лунным светом.

...Как мимолетное виденье...

Старые липы знаменитой аллеи от корней своих все знают о той ночи.

Вот, что писала Анна Петровна:

«На другой день я должна была ехать в Ригу вместе с сестрой Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы Онегина, в неразрезанных листах, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: Я помню чудное мгновенье... и проч. и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать, насилу выпросила их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих Северных цветах. Михаил Иванович Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя».

А через некоторое время Пушкин не без основания называл Анну «вавилонской блудницей».

Места в Тригорском всегда были непохожими на все остальные. А в мягком осеннем освещении они, должно быть, как встарь, особенно трогательны.

И так же, быть может, отражаются облака в пруду...

*«Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою...»*

А редящие ивовые ветви у пруда по-прежнему осыпают его недвижимое зеркало своей тихой грустью. Это имение Осиповых, куда, возможно, заходил тот барин, что мечтал *«...в просвещении быть с веком наравне»*, а после:

*Лет сорок с ключницей бранился
В окно смотрел, да мух давил.*

Одна из дочерей хозяйки дома, с которыми связывают образы Татьяны и Ольги в «Онегине», сестра А. П. Керн, Анна Николаевна Вульф, писала Пушкину, когда он покинул эти места:

«Никогда в жизни, никто не заставит меня испытать чувства и волнения, которые я испытала около Вас».

Здесь, в восстановленном господском доме, в музее Осиповых-Вульф, собраны самые значительные, самые драгоценные реликвии. Я немало читал об этом музее. И теперь мне представлялась возможность своими глазами увидеть и картину Босха, которая, по преданиям, будто бы навеяла сон Татьяны, и рояль палисандрового дерева, у которого Анна Петровна пела Пушкину романс «Ночь весенняя сияла». И может быть, даже фужеры, из которых пили Вульф, Языков и

Пушкин, и которые С. С. Гейченко, возможно, сумел наконец перевезти сюда из частной коллекции советского профессора металловедения Дмитрия Алексеевича Вульфа. Те самые фужеры – с гербом Вяземских: павлин на пушке.

Увы-увы, музей был закрыт на какую-то профилактику. Но уже само присутствие здесь, в этом парке, давало пищу воображению и памяти.

*Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток...*

Над самым обрывом – древний дуб и садовая скамейка под ним. Липовая аллея, где будто бы бродила Татьяна в томительном ожидании.

Вспоминалось все, что знал об этих местах... Здесь, в Тригорском, в библиотеке Осиповых, Александр Сергеевич особенно подробно и тщательно знакомился с деяниями Петра, начиная с книги, которая так и называлась: «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России».

Долго сидел я здесь, почти на вершине холма, под несгорающими багровыми кустами барбариса. С грустью из-за скорой разлуки, смотрел на тихую неторопливую речку внизу, на бескрайнюю долину под набухающими облаками, будто напитанными растворяющимся в них временем.

*Но и вдали, в краю чужом
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.*

Увижу ли я когда-нибудь снова эти околдованные места?

*От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,*

*Приду под липовые своды,
На скат Тригорского холма...*

Обратно шел я вдоль то скошенных, то вспаханных лугов и собирал занесенные на обочину широкого проселка, еще пушистые, колосья овса, пшеницы на длинных тугих стеблях. Собрался большой пучок. Он мог бы сохраниться долгое время и украсить любой интерьер. Может, и правда увезти его в свою московскую квартиру?

А вот и «*Родные пределы*» – село Михайловское... Как хорошо было бы по такой же мягкой погоде прийти еще раз сюда. И в родовое имение прадеда, конечно же.

Знакомая стайка изб стала видна в стороне от дороги, так гармонично дополняющая природный пейзаж. Заметнее и ближе дом с колодцем, где Надя напоила меня холодным молоком. Зайти, не зайти?..

Подошел к забору, нашел трещину в штакетине, приладил в ней свой «букет», обвязанный тонким овсяным стеблем. Мохнатый сторож, конечно же, обнаружил меня. Он, как бы нехотя, подошел к забору и лег под ним, положив свою гриву на лапы. Я просунул руку между штакетинами, потрепал пса по загривку.

– Будь здоров, дружок. Береги хозяйку.

Не о ней ли эти строки:

*Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.*

Выходя на дорогу, я обернулся. Мне показалось, кто-то стоит в окне за занавеской.

Помню этот свой прощальный взгляд. Свежий ветерок покачивает березки у дома. Поредевшая листва падает, кружится под его порывами. Черный сруб колодца с воротом под дощатой двускатной крышкой, поленица у сарая и коричневый лохматый пес рядом с ним. А на заборе

– пучок колосьев в лучах томного вечернего солнышка, похоже, последний раз способного позолотить их на прощанье.

В этот день вернулся я домой засветло.

Должно быть, в облике моем было что-то необычное, что встревожило тетю Настю.

– Случилось чего? – осторожно спросила она.

– Случилось, тетя Настя! Четвертого числа, в субботу, в вашей газете напечатают мое стихотворение.

– О господи!.. Неужто правда напечатают? Про что же? – и она покачала головой.

– Про меня, наверное. Про то, что здесь со мной происходит.

Илья Павлович, как и прежде в минуты особого возбуждения, как-то чудно засеменял ногами, топчась на месте.

И вдруг исчез, растворился будто.

– Я знаю, зачем он кинулся из дома, – заулыбалась тетя Настя и махнула рукой в сторону улицы, – скоро вернется.

Илья Павлович на самом деле скоро вернулся и, загадочно улыбаясь, торжественно подошел к столу, медленно вытянул из кармана брюк четвертинку и так же торжественно опустил ее на середину стола.

– Вот так вот! – объявил он. – Все должно быть правильно. Верно я говорю? И он закурил, присев у окна и блаженно улыбаясь.

– Илья Павлович! Вы с тетей Настей меня совсем забаловали.

– Будет, будет, – и он засветился, будто вспомнил о чем-то своем. И, глубоко затянувшись папиросой, вдруг на полуслове закашлялся, покраснел. Тетя Настя выбежала из кухни, хлопнула его по спине.

– О... а-ай! – И он облегченно вздохнул. – А рука-то тяжелая у моей Настеньки, – сказал, еще больше выпрямляясь, Илья Павлович. – А глаза зато – молодые да лучистые, как у девушки.

– Ну, ты посмотри, – толкнув его в плечо, заулыбалась тетя Настя, – еще ж не пил совсем, а уже дурной.

Мы и забывать-то стали с Илюшей, когда вот так вместе с кем-то

собирались вечерами!

Долго мы сидели тогда за столом. Вот и свет зажгли.

Тетя Настя подала чай в большом фаянсовом чайнике. А ветер о чем-то настойчиво все постукивал да постукивал в окно голыми ветками. Мы пили чай, и я рассказывал о Москве, о работе, о семье. Илья Павлович говорил о своих печных тайнах. Тетя Настя тихо сидела рядом, слушая нас обоих, покашливая изредка. На плечах застиранный розовый платок, руки на коленях, а глаза в самом деле чистые, не замутненные неизбывными нашими горестями.

Но вот она встала, вышла из комнаты и вскоре вернулась со школьной папкой. Увидав папку, Илья Павлович недовольно прервался на полуслове. Встал из-за стола, стал закуривать.

– Не надо бы, может?..

Минуту все молчали. Свет в комнате будто кто-то приглушил слегка.

– Открой, посмотри, – обратилась ко мне тетя Настя.

Я развязал папку, развернул пергамент, марлю. Это было когда-то книгой – часть обложки под какими-то бугристыми черными струпами, суровой ниткой сшитые листочки в пятнах, с едва различимыми стихами на немецком языке. Классическая готика. Листочков было до двадцати, не более. Перелистал. Пришлось встать, подойти к лампе. Удалось разобрать несколько раз встречающееся слово – Faust.

Это же старинное издание Гете! Может быть, даже прижизненное! С ума сойти...

– Тетя Настя, вы знаете, что это?!

– Знаю, конечно. Мне тогда еще сказали, что это немецкий писатель и что этим стихам больше ста лет. А им-то что... Все, что от книжки осталось, то и позволили взять – пусть, мол, это будет твоим личным трофеем, сказали. А ведь я отдавала в особый отдел целую книжку. Грязную, подмокшую, но не порванную – всю. Попробуй скажи им тогда что поперек. Вот только помню...

– Вот этого-то я и не хочу, чтоб вспоминала да казнила себя снова за чужие-то грехи! – почти закричал Илья Павлович. – От невежд как избавишься? На роду у нас это. Не понимаем, что творим. Сколько

переговорено про то! Ладно, посиди молча... Сам расскажу. Что уж теперь-то... Время вот позднее, так я – покороче буду...

Помню весь его рассказ. В подробностях. Эта история, я убежден, заслуживает большой повести, написанной рукой и сердцем мастера.

Он о том, как в мартовскую непогоду, ночную слякоть, пять человек диверсионной группы волокли за собой двух офицеров и рядового из немецкой инженерной части. Попали под обстрел ее охраны. Погибли двое наших и один захваченный офицер. Медсестра Настя, прикомандированная к ним из санитарного взвода, ранена легко. Старший сержант Павлов, как потом оказалось, – серьезнее. Ранен был и второй немецкий офицер. На них Настя израсходовала все возможные медицинские средства. Свое плечо перевязала каким-то лоскутом. Вот тогда, во время перевязки, в канаве, наполненной мокрым снегом, этот офицер указал знаками на нагрудный карман своего кителя. Из него Настя достала маленькую книжку, размером с фотографию, положила ее на дно почти опустевшей сумки. Насте показалось тогда, что офицер постарался улыбнуться ей. В эту ночь она еще и простудилась. Очень сильно. Через три дня была уже в госпитале. Все эти три дня особисты не давали Насте покоя. «Для чего она взяла себе эту книжку? Кому должна была ее передать? Возможно ли, что ее тексты служили для шифровки донесений?» – допросы, допросы. Такое не забывается.

Павлов – с ранением в спину – оказался в том же госпитале. Потом – по рекомендации врачей – был отправлен в Крым. Уволенный по инвалидности, старший сержант отыскал Настю. Нашел он ее в Ростовской городской больнице. Больше не расставались. Через пару месяцев, уже в конце войны, их обоих вызвали в военкомат и вручили заплутавшие в штабах боевые награды. А с весны сорок шестого вместе перебрались в Святогорье....

Илья Павлович сидел у печки на низкой табуретке. Курил не переставая.

– Спросишь, зачем я храню эти листочки? – еле слышно произнесла

тетя Настя. – Так я и не знаю, как ответить. Много тогда горя было вокруг, и тяжело обо всем помнить. А вот их храню, и жалко почему-то расставаться. Илюша говорит, в музей отдать. Чего-то побаиваюсь. Но все равно когда-то отнесу. Соберусь да отнесу. Помню, старшина сказал мне: «Твой офицер, Настя, оказался толковым инженером». А про книжку – ничего и никто ни слова...

Я не мог ничего говорить. И – только растерянность, чувство горечи, бессилия от мыслей, что есть нечто, много сильнее того, к чему душа тянется.

– За полночь уже, – поднялась тетя Настя. Сложила страницы, завязала на папке тесёмочки.

– Илья Павлович прав, – нет тут никакой Вашей вины, выдал я из себя, наконец. Да и не вина – беда это наша общая. Пушкин писал о России, о народе русском достаточно образно. К сожалению, и для нашего времени эта его характеристика во многом и для многих верна. Жизнь сохраняется благодаря таким, как вы.

Тетя Настя, никто и ни в чем вас больше не подозревает. И если все же решитесь отнести, любой музей будет благодарен Вам за Фауста. Тем более, Пушкинский музей.

Возможно ли было уснуть?! Я лежал, смотрел в недвижную оконную темь. Думал о книжке – Фантасмагория непостижимостей, образов, чувств.

Мефистофель... Мы, похоже, и впрямь заложники того вечного поединка за души человеческие.

В оставшиеся дни, как и в прежние, я старался выйти на рассвете. Но не было уже во мне прежнего света и легкости, как вначале. Тяжелые впечатления от того вечера не отпускали.

Медленно, никуда уже не спеша, бродил я по бесконечным лугам. Как и задумал, побывал у родового имения Абрама Петровича, что на берегу озера Кучане, противоположном от Михайловского.

Он, один из самых образованных и талантливых людей того времени, – «царю наперсник, а не раб», – жестокий помещик?!

Его сторонились. Приступам жестокости с людьми он был подвержен особенно, когда предавался воспоминаниям о своей сестре – как плыла она за кораблем, увозящим в плен брата, как исчезала постепенно из виду. Слишком тяжелы для его психики были эти воспоминания. В эти минуты он ненавидел все и всех.

*Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны Леты
О дальней Африке своей.*

Не покидали Абрама Петровича воспоминания о своей многотрудной судьбе: Франция, Преображенский полк, инженерное ведомство, опала, ссылка и вновь служба, дар Елизаветы Петровны в 1742 г. – поместье в Воронежском уезде Псковской провинции.

А погода, будто подслушав мои чувства, благоприятствовала мне. Казалось, из последних сил она сохранялась в этом качестве. И я спешил насытиться этим милосердием.

На следующий день – городище Воронич, еще раз Михайловское.

*Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель.*

Только третьего октября, с утра, редкие капли смочили деревья, поля, проселки. Солнце уже изредка показывалось из-за темнеющих облаков. Еще не сильный, но уже норовистый ветер закручивал в струйки пыль на дороге. Без конца сновали порожние и с грузом под брезентом машины с наращенными бортами.

Вот и наступил последний день моего пребывания в Святогорье. Завтра утром первым автобусом я должен буду отбыть во Псков.

Казалось, я принадлежал этой земле, как Надя, – всегда. А приезжал-то сюда лишь на побывку. И сейчас покидал ее опять, и земля провожала меня редкой дождевой пылью, то сдержанной, то порывистой.

По дороге к Успенскому собору захотел подняться на холм с церковью и часовней. У церкви двухъярусная деревянная колокольня. Крепкие добросовестные постройки. Обойдя вокруг, я остановился у стены церкви, укрывшись от порывов сырого ветра. Стоял и смотрел на открывшиеся с этого холма пейзажи.

Вдруг почувствовал чье-то дыхание. Обернулся. Рядом стоял в черной ризе высокий, стройный человек. Седой. С окладистой бородой. Лицо невозмутимо спокойное.

– Должно быть, вам не очень уютно стоять тут, молодой человек, – обратился он ко мне, – заходите внутрь, познакомитесь с людьми. Заходите.

– Спасибо. Но мне пора, пойду я. Извините.

Человек в ризе с тем же невозмутимым лицом долго и пристально смотрел мне в глаза.

– Вы, уважаемый, не из приезжих ли? Похоже вы из *тех*... Что вам тут... Идите себе с Богом... Он резко повернулся и, слегка подобрав ризу, неспешно пошел прочь...

«В вашу копилку», как, возможно, сказал бы мне и сейчас Петр Гаврилович.

До вечера было далеко, и я решил еще раз подняться к славной могиле. Последний раз он был здесь в апреле 1836 года на похоронах Надежды Осиповны. Тогда и купил на Синичьей горе у стен Собора место для себя.

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Все ж ближе к милому пределу
Мне бы хотелось почивать.*

На знакомом цветочном базарчике купил два букета белых астр,

взошел по гранитным ступеням к Собору и, как в первый мой визит, возложил цветы на верхнюю ступеньку памятника. Второй букетик – Надежде Осиповне. Повидал я и места захоронения деда и бабушки – Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал. И отца – Сергея Львовича.

Здесь, где даже ветер сдержаннее, в тишине и безлюдии, я все пытался хоть как-то представить заупокойную панихиду в Южном приделе Собора с архимандритом Геннадием. На ней – А. И. Тургенев, Никита Козлов, две барышни из Тригорского – Екатерина и Мария Осиповы.

Некоторое время ничто не мешало, не тревожило воображения. Я вспоминал письма Александра Сергеевича, *«Записки»*. И о том, что намеревался он закончить здесь, в Михайловском, Историю Петра Великого. Ссылка сюда, как предполагал Александр Сергеевич, непременно должна была последовать за дуэлью.

И совсем недавно я прочитал о том, что после «очищений», цензорских изъятий, незаконченный труд этот все же не был издан. Он затерялся. И был найден случайно летом 1917 года под Москвой, в Лопасне – целый ящик с рукописями. Публикация состоялась. Но – через сто один год после смерти Александра Сергеевича.

Что бы ни происходило со всеми нами, трудно отыскать людей равнодушных к памяти о нем. Но как бывает приятно всякого рода невеждам вспоминать слова Писарева: «Пушкин посвящает читающую Россию в тайны своей духовной нищеты и своего умственного бессилия».

Как удобно, когда в чести посредственность. Не правда ли? А в наши дни это особенно заметно. У Давида Самойлова есть строка об ушедших гениях: *«Нет у их. И все разрешено»*.

Хотелось дольше оставаться наедине со своими мыслями, чувствами и наблюдать, как налетает иногда ветер на оголенные деревья и пыльные дороги, как шумно тревожит он их томную неподвижность, будто предупреждая о чем-то неизбежном, и просто наблюдать с вершины

Синичьей горы надвигающиеся сумерки.

Уходя, я будто опускался с небес на землю, сопротивляясь ее притяжению. Возвращался домой и с грустью думал о расставании.

В городе зашел в магазин, купил вино, еще что-то для прощального ужина.

А дома тетя Настя уже накрывала на стол... Вскоре пришли мои первые знакомые – Александр и Дмитрий.

– Мы все гадаем с Димой: когда это наш гость должен уезжать? – прямо с порога начал Саша, – четвертого или пятого? Похоже, четвертого. Вот и проводим. Не прогонишь, Настя?

– Ну что ты, Саша! В каком веке так вот...

– Не торчите на пороге-то, – встал им навстречу Илья Павлович, – проходите давайте да присаживайтесь.

Комната наполнялась аппетитными запахами: свежие овощи и соленья, жареная рыба, блины, мед. И над всем этим огромный чугунок с душистой картошкой под растительным маслом и укропом. Рядом с моим вином Дима пристроил высокую бутылку с самодельной пробкой, похожей на лесовика.

– Все должно быть правильно, – сказал он и, озорно улыбаясь, посмотрел на хозяина.

– Усвоил, значит, – откликнулся Илья Павлович, – это хорошо, молодец. И театрально, торжественно выставил свою, еще с утра купленную четвертинку.

– Вот так вот!

– Ну что ж! Начнем, благословясь, – скомандовала тетя Настя и легонечко подтолкнула меня к столу.

– Чудно ли, нет ли! – начал Илья Павлович, разливая по стаканчикам. – Человек прожил в доме всего то ничего – восемь дней. А отчего так жаль расставаться? Будь здоров, добрый человек! Я в твоей не шибкой уж разговорчивости кое-что свое услышал. Да... Нежданно как-то. Мы рады были тебе. Верно я говорю, Настенька?

Тетя Настя взяла в руки стаканчик с вином, вздохнула, взглянув на меня, глаза заволновались:

– Не забывай нас с хозяином, адрес наш не забывай.

Выпили. Илья Павлович поднес к носу теплую ржаную корочку, тихо крякнул.

– На вот, возьми на память, – он достал из-под ремня сверток листов.

– Это не вообще печка – это моя печка. С песней. Да-а! – И протянул мне листы – как старинный свиток, обвязанный веревочкой. Я осторожно принял его, поднялся со стула.

– Без лукавства говорю, это очень для меня дорогой подарок. – За ваши добрые руки, Илья Павлович. С ними надежно и тепло, потому что они греют не только наши тела – вот что самое главное. Спасибо вам! Ну вот. Хотел сказать попроще, по-семейному, а вышло официально как-то...

– Правильные слова сказал, – Саша поднял свой стакан, – я за это.

– И вам, тетя Настя, тоже за все большое спасибо. И еще вот что: в последнее время стали часто славословить интеллигентность. Так вот, если спросят меня об этом, я расскажу про всех вас. И про Матвеича, и про Надю. Это качество не воспитывается. Оно в крови – или есть, или нет.

Я обнял тетю Настю, поцеловал в щеку. Она тут же поднялась, вышла в кухню и, помедлив немного, вернулась со стеклянным кувшином. – Кваску вот, может, кому...

Выпили за подаренную мне печку, потом за здоровье каждого из хозяев, потом за председателя, который все же дождался студентов в помощь, за надежды наши общие, за то, чтоб в этот дом чаще заходили добрые люди и добрые вести. И чтобы жить нам вместе было уютнее.

Тетя Настя взяла свой стаканчик с вином, к которому каждый раз только чуть прикасалась губами: – Завтра в нашей газете, – она подошла, легонько положила свою ладонь мне на плечо. – Завтра в нашей газете будет напечатано стихотворение. Вот его!

И вспомнил я далекое суражское детство, проводы обратно в Москву, тетушку на перроне в сером платке на плечах, её тёплые ладони, что, не отпуская, гладили плечи восьмилетнего мальчика – ладони такой же седой славной женщины. И такой же сердечной.

– Знать, друзья мои родные, коль пошла такая жись, тут бутылкой с

четвертинкой, ну никак не обойтись, – продекламировал Дима. – Покурите пока, я мигом.

– Запиши слова-то, забудешь ведь опять, – засмеялся ему вслед Саша.

С улицы послышалось знакомое рычание, и тут же истошный лай соседского пса. Выбежали втроем на крыльцо – Илья Павлович, Саша, я.

За калиткой Дима, прислонившись спиной к штакетнику и уворачиваясь от пса, держал соседа перед собой, двумя руками – за горло.

– Рома, сидеть! – прохрипел сосед.

Дима оттолкнул его на собаку. Та, взвизгнув, отскочила в сторону. Сосед упал лицом в пыль. Собака снова зарычала.

– Сидеть!

Дима замахнулся было... Но, сойдя с дороги, торопливо зашагал в темноту.

– Ну-ну... – вслед ему пригрозил сосед. Коротко взглянул на нас, надел на пса ошейник. Удалился.

– Что происходит? Зачем ему это? Чего он хочет-то, сосед ваш, Илья Павлович?

– Да он сам не ведает, чего творит. Живем, никого ни о чем не просим. Может, этому завидует? Но человек он недалекий, и потому большого-то вреда от него нет. Племянник он нашего одного деятеля. Есть в райкоме отдел по культурным связям с населением. Так вот, этот деятель в этом отделе работает. А племянник его, стало быть, тоже решил налаживать, но уже с нами эти самые культурные связи, но по своим понятиям. Похоже, он просто получает от этого удовольствие. Такие дела! Да... Но ведь дает же нам всем господь еще и тех, что жить мешают по-настоящему. Со знанием дела. Вот так вот. Это куда серьезнее. А этот – что... Шпана! Какие претензии к таким? Все равно ничего не поймут.

– Помнишь, – обратился ко мне Саша, – говорил я, поживешь здесь, оглянешься, может, чего поймешь.

– Но ты еще говорил, что не с луны ведь я.

– Понял. Вопросов больше не имею. А Дима сейчас вернется, не сомневайтесь.

Закурили, присев на влажные ступеньки.

Ветер, разгулявшись, сметал с яблонь и березы последние листочки. Становилось зябко.

– Родители твои живы? – спросил Саша.

– Отца уже тридцать два года, как нет с нами.

– Сорок третий, значит, – посчитал Саша. – Вот рядом тут старики живут. И он, и она воевали. На «финской» познакомились и с тех самых пор вместе. Все дети их погибли. Где – не говорят. Это им мы тогда дрова готовили. Болеют они очень. Им день и ночь греться надо. В прошлый год город обещал помочь, да не помог. А в этот – и просить не стали. Уж если и сделают чего, то не по обязанности, а снисходительно так – по-барски.

Видно было, как заводится Саша. Голос его стал резким, жестким.

– Я знаю, – продолжил он, – Матвеич народ собирал на грядки. И в другой раз тоже... Но мы-то с Димой никак не могли. На кону здоровье старых и больных людей.

– Ты, Сань, не журишь. Никто на вас не в обиде, – успокаивал его Илья Павлович. – Но заявление, чтоб отпустили на пару дней, написать надо было. И Матвеич тоже не в обиде. Я его хорошо знаю. Ты мне, Саша, скажи вот что – уволят вас с работы за те дни, не оформленные, или простят, может?

– Два дня уже, как вернулись на завод... Написали объяснительную. Тихо пока.

Куда они денутся, пузыри эти, – спокойно продолжил Саша. – Мы по большому счету никого не подвели. Начальство нас знает. И все отработаем, что положено. Может, не по закону где, но зато свои примечания к нему добавили. Не сомневаемся и не жалеем, – он крепко затянулся последний раз, да так, что искусанная бумага стала плавиться. – А-а, сколько можно об этом!.. – Только душу рвать!

– Да-а, – протянул Илья Павлович, – живем не просто, – теперь и в его голосе я услышал жесткие нотки. – Много чего понимаем, многому удивляться приходится. Но вот еще что хочу я сказать вам, мужики:

чувствую, последний раз говорим мы так – душа нараспашку. Вот в библии прочитал я когда-то очень давно о том, как надо строить храм – пусть даже временный. Там каждый ряд и даже каждый камень должны иметь свой смысл и свое особое предназначение. Иначе не получится согласия самого малого и всего целого. Насколько помню, так там и написано. Да... Так вот и мои печки. Тогда и тепло есть, и на сердце радостно.

А что касательно плакатов да лозунгов, да других картинок, что по городу повешаны, я толковать не берусь. Мне это не потянуть. Только вот холодно от них. Вот так вот.

– Ну-у, Палыч, – протянул Саша, – ты меня удивил, признаюсь. Снимаю шляпу, мудрец ты наш замечательный!

– Куда мне до мудреца-то! Но вот еще что. Я об этом часто думаю. Должно что-то поменяться скоро. Так ведь, нет? Чувствую – должно. Только как оно будет тогда, знает ли кто? Но все одно, нам друг о дружке никак нельзя забывать. Вот так вот. Легче будет. Как в войну.

– А в тридцать лет победы знатный праздник был, – неожиданно переменял тему Илья Павлович. Голос его смягчился. – Половина города в орденах – мужчины, женщины. Все. И мы с Настей не последние были на этом празднике.

Докурили, вошли в дом. Вот и Дима вернулся – довольный, шумный, с мутной бутылкой в руке.

– Ну, вот и я, а эти твари мне куртку чуть не изодрали. Не сосед, а бес какой-то. Или дурной?

– Скажи спасибо, что живой, – попытался пошутить Саша.

– А я и говорю. Какие наши годы?! Только и живем этой самой благодарностью. По уши, под самую под завязку.

Время незаметно утекало за откровенными, без оглядки, разговорами о разных людях – и совхозных, и с маслодельного завода, и с льнообработки. О жизни, какой-то вялой, вязкой, неповоротливой. О том, что при всех ее чудесах да вывертах, как-то еще сохраняется возможность разглядеть человека среди людей.

Особо трогательно говорили мы о Святогорье – красоте этих мест,

всегда трогающих живую душу, о зимних метелях и морозах, и никто никого не торопил.

Расставаться не хотелось. И перед совсем уже близкими осенними холодами и распутицей, за простыми и понятными словами и чувствами, нам было тепло и уютно вместе. И верилось, что дни, прожитые в этом светящемся добром доме, и последние часы нашего общения сохранятся не только в моей памяти.

В холодные и ранние утренние сумерки Илья Павлович и тетя Настя провожали меня к автобусу. Шли не торопясь, мимо редких еще огней в окнах, до того поворота, откуда видна автобусная станция.

– Ты на самом деле не забывай нас, – начал Илья Павлович, – пиши. Что-то при тебе случилось с нами. А то, может, приедешь? – И моя ладонь, как при знакомстве, утонула в его ладони – огромной, жесткой, натруженной, какие бывают только у мастеровых людей и ваятелей.

Обязательно, Илья Павлович! Спасибо! Доброго здоровья вам всем, тепла Вашему дому!

– Прощай, Лёнушка! – Тетя Настя подошла ко мне поближе. – Пару слов напиши, как приедешь. Хорошо? Буду ждать. Завтра куплю газету. Прочитаю да сохраню. Ну, с Богом!

Она улыбнулась и, нагнув мою голову к себе, поцеловала в висок. И опять, будто из детства, эти теплые ладони по моим плечам, и седые пряди, и глаза!

*Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей...*

Прощайте, дорогие мои! Прощай, Святогорье! Если захочется мне когда-нибудь куда-нибудь возвратиться, я выберу это место.

Поезд на Москву отходил в вечерние сумерки. Сосед по купе с полной авоськой пива ушел куда-то к знакомым. На нижней полке

напротив молодая полная женщина, обложившись корзинами и раскинув по ним руки, как только поезд тронулся, тут же уснула.

А для меня это была вторая ночь без сна. Дни, проведенные в Святогорье, вспоминались в подробностях, переживались заново. Лишь бы нам самим не растрагиться на пустое, сохраниться, продолжиться, оставить о себе добрую память.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

Увы, жизнь наша не так уж щедра на встречи, когда почти не отличаешь желаемого от действительного. И когда точки соприкосновения того и другого собираются в некую энергетическую массу, можно ощутить наконец долгожданное единство. И чем утонченнее это чувство, тем болезненней прощание. Каждая такая встреча звучит по-своему. Но все они перекликаются в душе, взаимно обогащаясь, подчиняясь единому камертону. И тогда, в этом всеединстве, легче понимать, что происходит с нами...

В публикациях Юрия Данилина есть такое письмо художника М. Чайкина, адресованное Фаине Георгиевне Раневской:

...Возможно, в Михайловском были и Вы. Могло случиться, что в силу всяких неудобств... не удалось побывать. Так побывайте там, поклонитесь этой псковской земле, навечно принявшей останки Пушкина. Нет – там Пушкин живет вечно, там бьется его сердце – «тук, тук, тук!» И так будет, доколь в подлунном мире жив будет хоть один Человек!..

...Вы получите там причастие Пушкинской благодати...

...смирный послушник Пушкинского Святогорья,

Михайла Чайкин.

Эпилог

Через неделю после отъезда из Пушкинских Гор я доставал из

почтового ящика конверт со штампом редакции газеты «Пушкинский Край». В конверте – экземпляр газеты от четвертого октября с моим стихотворением на четвертой странице в уголке поэзии. В самом низу страницы – статья о Ливонской войне в шестнадцатом веке и о нашествии Стефана Батория на псковскую землю. Возможно, с этими событиями и связана история об установке на сторожевой горе попом Саввой каменного креста в память о павших.

Этот экземпляр газеты, как и корешок от почтового перевода на один рубль и тридцать девять копеек, я храню до сего времени.

Я часто писал Павловым. Ответы были недлинными, но каждое предложение было наполнено такой искренностью, доверительностью, тоской!

Нередко мы обменивались посылочками, бандеролями. Прислав однажды сушеные грибы, тетя Настя рассказывала, тут же в письме, как еще в августе они с Ильей Павловичем, заплутав, дотемна бродили по лесу и как долго потом, и с удовольствием, вспоминали об этом, потому, что лес, – писала она, – лучший лекарь от всякой хворобы, и оттого нисколько тогда не расстроились. Писала еще о том, как любит ходить к Сороти, даже если нет особой надобности, и смотреть издали на святые холмы.

Я знал, насколько собирать и отправлять посылки ей непросто, и просил не делать это так часто. Однако на каждую даже маленькую мою бандерольку, чаще всего с лекарствами, тетя Настя обязательно чем-то отвечала.

До весны частыми были письма. Неизменно добрые и светлые. Но отчего-то вдруг стали сдержаннее и реже. Потом их вовсе не стало.

Я продолжал писать в надежде, что хоть кто-то ответит. Может быть, дочь Нина? Увы!.. Что произошло?! Адресов Димы и Саши – не было. И в редакции ничего о них не слышали. Писал еще кому-то. Никто не отвечал.

И вспоминались ночь накануне отъезда, сосед с его псом и такими же злобными, как он сам, словами – «Ну-ну...» – в нашу сторону.

Если существует сегодня дом №16 по Заозерной улице, кто теперь живет там, и каково ему там?

Может быть, дочь с семьей, которые прежде жили тут же, во второй половине дома, где небольшой родительский палисадник был отгорожен кустиками шиповника, а теперь стали занимать и родительскую часть?

Там же могут проживать и внуки Павловых, и следующие поколения.

Дай Бог им сохранить и продлить память о своих замечательных предках – интеллигентах волей божией: и о бабушке Насте – человеке с открытой, чистой и нежной душой, и о дедушке Илье Павловиче, чье чуткое сердце сродни утонченному слуху, – талантливом Человеке, влюбленном в свое дело Мастере, о его печках – штучных, что называется, образцах, каждая из которых, наверняка и по сей день, живет и радуется своим особым характером, особой судьбой – долгой и добродетельной.

Марина Симкина. Потоп сознания

Вот, услышала такое сочетание: поток сознания...

Поток? – Затопило-понесло! – Потоп сознания! Попробовать выдернуть из него знание? Вряд ли оно в этом потоке – потопе! – главное. Важнее, видимо, это «со...».

Сопутствующее, сопровождающее «со» – рядом со знанием, но не вместо. Можно похлопать глазами, оторвавшись от знания, и увидеть, осознать. Себя, друзей, звук, запах.

Запах подтухших соленых огурцов. Все вместе в большой бочке подтухли, но едой считаться продолжали – кормили ими и еще чем-то. Чем еще – не помнится. Тусклое утро, ноги разъезжаются по утопанному темному снегу. Есть полоски льда, но прокатиться – значит, проснуться, а на это пока не хватает освещения. А спали где? – На матах... Значит, в школе.

Чужая группа встретилась – с ними две учительницы, да еще и какой-то родитель. Нашего Соломона и святым, и сумасшедшим назвали: тридцать учеников из параллели один в Пушгоры повез – к вечному и светлому хотел прислонить.

А в городе потом всех повел в «Север» – всех тридцать: в Пушгорах мальчишки безобразно напились – и Соломон хотел показать, как пить красиво. Столы для группы буквой Т составили. Всем – по бокалу шампанского. Кофе: парням – с коньяком, девчонкам – со сливками. Пирожное и мороженое. В те времена не многие из нас даже в обычные мороженицы ходили – как вести себя, не знали. Начали с того, что понятней – с кофе. Молчат все... Потом Милкин голос:

– О, наконец-то до кофе добралась!

То есть до этого она сливки разгребала-разгребала...

А к мороженому – вообще непонятно, как подступиться. Оно как башня коническая. Лепешка безе внизу – слой мороженого. Опять безе – круляш поменьше, и снова мороженое. А сверху пипочка торчит, тоже из безе. И вся эта конструкция – в креманочке на высокой ножке. А креманка чуть шире нижнего основания пирамиды и стоит на блюдечке, на крошечном. И для управления всей этой красотой по маленькой ложечке выдано.

Конечно, с порционным мороженым тоже проблемы бывают. Например, ленинградское мороженое – оно между двумя вафельками. Нужно успеть его съесть, пока не подтаяло, пока вафли скользнуть по мороженому не стали. Вкусно, но в раннем детстве лучше было его и не просить – только перемажешься. А эскимо? Смешно: я его не люблю, потому что слишком люблю. И не могу не соскрести зубами оставшийся на палочке шоколад. И тогда в конце остается вкус уже не мороженого, а деревяшки.

Но эту башню – как ее съесть, не нарушая приличий? Начинать надо, естественно, сверху. Мороженое еще крепкое. Если приложить достаточное усилие и спихнуть ложечкой эту верхушку, то упадет она не в креманку. И не в блюдечко. Разве что, если повезет, в блюдце соседа... Это Соломон нас так рассадил: девочка-мальчик, девочка-мальчик – пусть мальчики учатся за девочками ухаживать...

Притихли все, не трогают свои замороженные замки. Только Ирка не боится. Взяла этот пик рукой и в рот отправила. Будто так и нужно – как дома, как ни в чем не бывало. Ну, тут уже всех развязало – дальше никто не задумывался, повеселели, галдеж поднялся.

Посетители на наше застолье с интересом поглядывают, кто мы такие и почему, расспрашивают. Мы с гордостью отвечаем: девятые классы такой-то школы. А это наш мудрый учитель, Соломон. Соломон Натанович!

Ох и досталось потом Соломону – кто-то ретивый из тех, кому мы хвастались, оказался с нашей директрисой знаком, рассказал, как учитель учеников спаивает... Несколько лет в опале был – помирились, когда поехал директрису в Москву навестить, в больницу, перед самой смертью ее...

К Соломону мы и в гости заходили. А он как раз под моими родственниками жил – такая же коммуналка, только этажом ниже. И дверь в квартиру так же можно было копеечкой открыть, как у моих. Я однажды пришла к нему, говорю: я, мол, там была. И пальцем наверх показываю. А Соломон: – Не там, – говорит, – а там. И свой палец на пятно на потолке направляет. Это у бабушки с дедом когда-то батарея лопнула, к нему протекло.

Позже я его брошюрку прочла – рассказы об учениках. В

некоторых рассказах знакомых угадывала. Текст показался приторным, но тогда мы с ним дружили. Я потом узнала, что не все одноклассники его любили. А он старался – развивал и прививал: великое, чистое. Любое опоздание мог простить, если ученик книгу хорошую читал и потому проспал. С нами в походы ходил, в день здоровья в парк с нами ездил – почему-то мы обычно по растаявшему снегу нормы лыжные сдавали. Стоит у лыжни, учеников подбадривает: – О, вот и Наташенька! – Наташенька в кучку собирается, поддает жару и тут же слышит: – Ирочка, Ирочка! Обгони Наташеньку!

А Ирочка – это та самая Ирка, Ира, которая так безбашенно с башней беже-мороженной в кафе справилась. Ей и брату родители – двое вечно занятых ученых – деньги выдавали и: – Идите-ка детки в ресторан и там пообедайте. Нам вас кормить некогда.

Моя любимая Ирка, которой уже нет. А во мне осталась. Потому что – что такое я? Это как раз мое сознание. То самое «со-»... Со-причастность, со-дружество...

Знания?..Знания, конечно, с раннего детства накапливались. Но как я себя самоё ощущала? Как-то все шло само как надо и своим чередом. Что я помню из младшей школы? Кроме «жи-ши – пиши и»? Мелочи всякие. Пирожок с повидлом, за которым всю перемену простоишь, а укусить только раз успеешь. Звенит звонок – в карман пирожок: переждет урок. Дождусь перемены – доем непременно... А кармашек – посередине передника. А передник черный, шерстяной. Повидло в кармане, весь карман – в повидле. По пузу проведешь – там сладкая шерсть на переднике дыбом поднялась, колется: засохло и липко.

С 1-го по восьмой класс – как родители в первый раз привели, будто сачком в аквариум опустили, – росла, но себя не знала. Глазами взрослых себя видела: благополучная, беспроблемная, правильная. Никто такого не вспоминал, но думаю, в силу правильности должна была ябедой быть – ну просто для подтверждения собственной праведности. Неуклюжая, носки внутрь. Мама, сзади: «Маша, ножки, Маша, ножки!» Упитанная – да, тот самый передник попробуй застегни! Почему одноклассники не дразнили? Правда суд однажды устроили: кто толще – я или другая Маша. Решили, что одинаковые (поэтому занозой не засело), только тезка ростом повыше. – Ну и что? Зато одинаковые!

В девятом, в новом окружении, стала просыпаться из детской летаргии. С удивлением и тревогой отслеживала общение новых товарищей. Сама себе казалась китайским шаром в шаре. Видела в музее такие изделия – резные, из кости. Много резных шаров один в другом. А я – совсем внутри. Чувствовала, что снаружи ждут меня люди – прекрасные, интереснейшие. Но чтобы что-то увидеть и понять, должны каким-то счастливым способом совместиться прорези на всех этих шариках.

Какие-то специальные мышцы, не знаю как задействованные, и сильное желание помогли мне выкарабкаться из своего заколдованного ларца.

И на воле меня – мокрого изумленного птенца – рассмотрели, определили, сопоставили – приняли. Вот с этого момента я стала я, пришла в сознание...

Елена Румановская. Кто аплодировал Зощенко, или как возникает легенда⁴

После принятия Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’» от 14 августа 1946 г. прошло 8 лет. Времена переменялись: в марте 1953 г. умер Сталин, в июне 1953 г. М. М. Зощенко, один из «героев» Постановления, был вновь принят (не восстановлен!) в Союз советских писателей (ССП), а 5 мая 1954 г. в ленинградском Доме писателей произошла встреча с английскими студентами.

В «Записке Ленинградского обкома КПСС о встрече ленинградских писателей с участием М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой с делегацией английских студентов» в Отдел науки и культуры ЦК КПСС от 27 мая 1954 г. за подписью секретаря обкома Казьмина⁵ сообщается: «...был задан вопрос Ахматовой и Зощенко в таком плане: вот в докладе Жданова вас критиковали, как вы считаете, не вступая в сделку со своей совестью, эта критика была правильной или нет? Зощенко ответил, что с критикой был не согласен, о чем он и написал в свое время письмо И. В. Сталину. Затем он путано доказывал, почему не согласен с критикой <...> Ответ Зощенко был встречен аплодисментами со стороны английской делегации <...> На вопрос одного из писателей, почему ответ т. Ахматовой не был достоин аплодисментов, как ответ Зощенко, члены делегации английских студентов ответили, что выступление Ахматовой для них неприемлемо и не импонирует их взглядам, а Зощенко они аплодировали за исключительную ‘искренность’.»⁶

⁴ Напечатано в сборнике научных работ «Печать и слово Санкт-Петербурга», СПб.: Высшая школа печати и медиатехнологий, 2022.

⁵ Казьмин Н. Д. (1904–1963) – советский партийный деятель, в 1949–1955 гг. секретарь ленингр. обкома ВКП(б)-КПСС, зав. отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС, член Центр. Ревизионной комиссии КПСС, директор Центр. музея В. И. Ленина, депутат Верховного Совета РСФСР.

⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы./Сост. Е. С. Афанасьева и др. – М., 2001. – С. 215–216.

25 мая 1954 г. состоялось закрытое собрание парторганизации Ленинградского отделения (ЛО) ССП о подготовке ко II съезду писателей, где «писатели строго осудили выступление Зошенко, как антипатриотическое, который никаких выводов не сделал из постановления ЦК КПСС “О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’».⁷ Докладчиком выступал главный редактор журнала «Звезда» В. П. Друзин.⁸ Газета «Ленинградская правда» 28 мая 1954 г. напечатала отчет об этом партсобрании, в котором основное внимание было уделено снова М. М. Зошенко: «Участники партийного собрания отмечают, что и среди ленинградских писателей есть люди, которые занимают явно неправильную позицию... До сих пор не сделал никаких выводов из постановления ЦК ВКП(б) «О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’» М. Зошенко. Факты последнего времени свидетельствуют, что М. Зошенко скрывал свое истинное отношение к этому постановлению и продолжает отстаивать свою гнилую позицию».⁹

Наконец, на 15 июня 1954 г. было назначено общее собрание Ленинградского отделения ССП, о котором, кроме стенограммы, существует несколько воспоминаний, появившихся уже в 1980-е гг. И. М. Меттер¹⁰: «В тот день нас собрали по чрезвычайному поводу. Настолько чрезвычайному, что в помощь нашему ленинградскому секретарю Всеволоду Кочетову¹¹ приехал всесоюзный секретарь

⁷ Там же, с. 216. Стиль сохранен – Е. Р.

⁸ Друзин В. П. (1903–1980) – критик, редактор, педагог. Зав. сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б), главн. редактор журн. «Звезда» (1947–1957), зам. главн. редактора «Литературной газеты» (1957–1959), зав. кафедрой советской л-ры Литературного института им. Горького, профессор, член Центр. Ревизионной комиссии КПСС (1952–1956).

⁹ Цит. по: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. – С. 222.

¹⁰ Меттер Израиль Моисеевич (1909–1996) – писатель, сценарист, автор повести «Мухтар», по к-рой был снят фильм «Ко мне, Мухтар» (1964), романа «Пятый угол» (1958–66, опубл. в 1989), получившего в 1992 г. премию в Италии, и др. произведений.

¹¹ Кочетов В. А. (1912–1973, покончил с собой) – сов. писатель-охранитель, автор романов «Журбины» (1952), «Секретарь обкома», «Чего же ты хочешь?» (1969, вызвал скандал и пародии), ответств. секр. правления ЛО ССП в 1953–54 гг., не переизбран в декабре 1954 г., член правления ССП с 1954 г., гл. редактор

Константин Симонов. И на этот раз нам было хоть и мутно, но загода известно, по какой главной причине мы поголовно высвистаны в опостылевший от беспрерывных проработок зал». Причиной была «бог знает какая антисоветчина», которую «наговорил»¹² Зощенко на встрече со студентами. Даниил Гранин: «Большой зал Союза был переполнен. Набились приглашенные на экзекуцию — журналисты, газетчики, публика литературных предместий, предвкушающая, возбужденная. Я с трудом протиснулся в проход и так отстоял до конца у стенки».¹³

Пропустим доклад Друзина и 11 выступлений в прениях, сосредоточившись на «злопыхательском и провокационном», по определению обкома КПСС, выступлении Зощенко. Метгер рассказывает, что «стало известно: Симонов, Кочетов и весь секретариат» уговаривали Зощенко выступить и «признать свою глубоко порочную ошибку», поэтому начало собрания «запоздало». Гранин же пишет, что М. М. читал свой текст: «Он вынул листки, разложил их, взялся за край трибуны. За ним следили в полном молчании, где больше было враждебного, чем сочувствия. Аудитория была достаточно подготовлена, отвергающий настрой был задан. Зощенко оглядел ряды, лица знакомых ему годами, десятилетиями людей, жадно уставившихся на него.

– Очень трудно говорить в моем положении, – голос его оказался тонким, ломким.

«Лит. Газеты» (1955–1959), журн. «Октябрь» (1961–1973), член Центр. Ревизионной комиссии КПСС (1956–1966).

¹² Метгер И. При жизни быть не книгой, а тетрадкой. // Вопросы литературы, 1988, № 7. – С. 229.

¹³ Гранин Д. Мимолетное явление // Огонек, 1989, № 6. – С. 9. Приведу свидетельства Гранина, несмотря на разоблачения недостоверности его военных мемуаров (См.: Золотонос М. Барон Мюнхгаузен Рыльского уезда. Даниил Гранин, который придумал сам себя // Литературная Россия от 19.9.2014, № 38), т.к. на них опираются все следующие мемуаристы. Отмечу только слова Д. Гранина на партсобрании ЛО ССП 15.8.1956: «Я же считаю, что оценка Зощенко была правильной», – к которым составитель делает прим.: «Гранин, очевидно, имел в виду оценку Зощенко в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’»// Золотонос М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями. – М., 2013. – С. 358 (прим. 128).

Стало ясно: что бы он ни сказал, все будет не так, – «неискреннее покаяние», «вынужден признать», «разоблаченный в двурушничестве» — обязательно как-то его сформулируют.»¹⁴

Меттер характеризует атмосферу зала по-иному, опираясь на свои чувства и переживания: «Речь Михаила Михайловича Зощенко, как только он произнес первые несколько фраз, зазвучала в обморочной тишине. Отчеканивая слова, резким и безжалостным голосом он требовал, чтобы мы вместе с ним оскорбились низостью грязного поругания его чести. Быть может, «требовал» – это не совсем точно. Он хотел, чтобы мы поняли: брань, которой облил его Жданов, непереносима и для нас. Мне казалось: он не сомневался, что мы пойдем. Его речь была заряжена силой необычайной мощи <...> Я не видел лиц писателей, они сидели спиной, затылками ко мне, – я стоял в конце переполненного зала в центральном проходе, судорожно заглатывая слезы <...> Тем временем обморочная тишина в зале постепенно становилась иной. Я этого не ощутил. Единство со всеми переполняло меня, продолжало переполнять. А Зощенко видел лица писателей.»¹⁵

Окончание речи Михаила Михайловича запомнили все (хотя цитируют с разночтениями): «У меня нет ничего в дальнейшем! Я не стану ни о чем просить! Не надо вашего снисхождения, ни вашего Друзина, на вашей брани и криков! Я больше чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею!»¹⁶

И вот тут раздались аплодисменты. Аплодировал Израиль Моисеевич Меттер: «Почувствовав, что наступил миг, когда нам надо немедленно поддержать его, я зааплодировал, уверенный – сию же секунду мои аплодисменты будут подхвачены залом». Но этого не произошло, зал не поддержал: «В полной, и теперь уже гнетущей, тишине жалко прозвучал мой *одинокий* (здесь и далее курсив мой – Е. Р.) хлопок. На меня обернулись. Все скопом обернулись. И тогда, уже поняв

¹⁴ Там же.

¹⁵ Меттер И. Указ. соч., с. 230.

¹⁶ Цит. по стенограмме: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. – С. 234–235.

всю глубину моего идиотского заблуждения, я захлопал изо всех сил в каком-то восторге отчаяния».¹⁷

Гранин пишет, что аплодирующих было двое: «Раздались аплодисменты. Хлопали два человека в разных концах зала. Аплодисменты были, в сущности, неуместны, можно сказать, нелепы, но все поняли, что в них была поддержка, сочувствие, какой-то протест. Одного из аплодирующих я увидел, это был писатель Меттер.»¹⁸

То, что аплодировал Меттер, подтверждается и репликой писателя Г. Мирошниченко, зафиксированной в стенограмме, на следующем закрытом партсобрании 7 июля 1954 г., где продолжалась травля Зощенко: «Пример с провокационным выступлением Зощенко – свидетельство потери нашей бдительности. <...> Один из вдохновителей сатирического альманаха ‘Давайте не будем!’ Меттер аплодировал разложенцу Зощенко...»¹⁹

Меттер считал, что он был на писательском собрании одинок: «...вот, дескать, *один-единственный* отважился – и угадал <...> Вполне вероятно, что если бы мне загодя была известна сиротская *единственность* моего аплодисмента и все, что за ним для меня воспоследует, то никогда бы на него не расхрабрился».²⁰ Так же полагал Сергей Довлатов, который в письме Меттеру из США от 13.8.1989 пишет: «И еще, тысячекратно я рассказывал знакомым американцам, что был лично знаком с *единственным* человеком, который открыто выразил свое сочувствие Зощенко в чрезвычайно неподходящий для этого момент».²¹ А в письме от 2.12.1989: «P. S. Только что звонил один тип из Нэшвилла по делу, и я ему говорю – вот пишу письмо Меттеру в Ленинград, а он сказал: ‘Это который аплодировал Михаилу Зощенко?’ Так что Ваши аплодисменты окончательно вошли в историю. Настолько,

¹⁷ Меттер И. Указ. соч., с. 231.

¹⁸ Гранин Д. Указ. соч., с. 11.

¹⁹ Цит. по: Золотоносов М. Н. Гадюшник... – С. 446.

²⁰ Меттер И. Указ. соч., с. 232.

²¹ Письма С. Довлатова к И. Меттеру // Меттер И. Избранное. – СПб., 1999, с. 231–254.

что недавно в ‘Огоньке’ к ним присоединился простодушный В. Читали? Так когда-нибудь Ваши одинокие хлопки превратятся в бурные овации». ²² В., которого упомянул Довлатов, это драматург Александр Володин, написавший в «Огоньке» о себе и о писательском собрании 15 июня 1954 г. уже после публикации воспоминаний Гранина ²³: «После его (Зощенко – Е. Р.) выступления двое в зале решились зааплодировать ему, один был Меттер, другого Гранин не помнит. Другим был я. Меттер был редактором моей первой книжки, мы стояли где-то сзади у дверей. Аплодировать, в общем, было неуместно <...> Закончил Зощенко страшно. Крикнул в зал: ‘Не надо мне вашего Друзина, не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!’ <...> Этого крика, этих слов не забыть. У сидевших в зале были гримасы страдания на лицах. У всех. Вот тогда Меттер и я захлопали. В тишине. На что вальяжный Симонов, грассируя, проговорил: ‘Ну вот, два товарища в задних рядах присоединили свои аплодисменты к аплодисментам английских буржуазных сынков’». ²⁴

Стенограмма зафиксировала реплику Симонова по-другому: «Тут пара товарищей присоединилась к аплодисментам. Их дело, если хотят присоединяться к этим аплодисментам, пусть присоединяются!» ²⁵

Судя по этим словам, аплодирующих, действительно, было двое, хотя слово «пара» в разговорной речи может означать и неточное количество, несколько. ²⁶ Но сюжет усложняется, т. к. в воспоминаниях художницы, жены поэта Владимира Лифшица, И. Н. Кичановой-Лифшиц, ²⁷ напечатанных в США в 1982 г., т. е. за

²² Там же.

²³ № 6 «Огонька» с «Мимолетным явлением» Гранина вышел в феврале 1989 г. (6–13 февраля), а № 36 в сентябре того же года (2–9 сентября).

²⁴ Володин А. Одноместный трамвай. Записки несерьезного человека // Огонек, 1989, № 36. – С. 14.

²⁵ Цит. по: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. – С. 243.

²⁶ «Пара – б. О небольшом кол-ве чего-н.; несколько (прост.)»// Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 12. – М., 1978. – С. 450.

²⁷ Кичанова-Лифшиц И. Н. (1918–1999) – художник-график, жена и соавтор В. Лифшица, была замужем за композитором Н. Богословским, затем за

несколько лет до эпохи «перестройки и гласности» в СССР, рассказано о памятном собрании следующее: Зошенко «сошел с трибуны, направился к выходу. Все смотрели в пол. В двух концах зала раздались аплодисменты: аплодировали я и Меттер... Встал Симонов: ‘Тут товарищ Зошенко бьет на жалость...’ <...> Ну и об аплодисментах не умолчать: аплодировать человеку, который звал смерть... Чудовищно. Но как иначе можно было выразить ему сочувствие, и сейчас ума не приложу».²⁸ Ирина Николаевна хорошо знала Зошенко еще со второй половины 1930-х годов, дружила с ним до конца его жизни, много пишет о нем в своих мемуарах, правда, они, вывезенные за границу и опубликованные С. Э. Бабеньшевой,²⁹ имеют пометку: «Книга печатается без ведома автора».³⁰

Видимо, ни Гранин, ни Володин этих воспоминаний не знали, но, скорее всего, они были известны Е. Ц. Чуковской и Б. Сарнову, опубликовавшим в 1988 г. в журнале «Юность» документальную повесть «Случай Зошенко». В ней интересующий нас эпизод описан так: «Д. Гранин пишет в своих записках, что аплодировали два человека: одного из них он узнал, это был писатель Меттер. Другие очевидцы свидетельствуют, что аплодирующих было по крайней мере четверо: И. Меттер, Е. Шварц, В. Глинка и И. Кичанова-Лифшиц (жена художника В. В. Лебедева, впоследствии — жена поэта Вл. Лифшица). Говорят, что Шварц даже аплодировал стоя».³¹

Во-первых, полагаю, что четыре человека – это уже много, их бы все-таки заметили из президиума, тем более, если бы кто-либо вызывающе аплодировал стоя, и это отразилось бы в стенограмме и

художником В. Лебедевым. См. о ней: Шварц Е. Телефонная книжка. – М., 1997. – С. 284–285; Лосев Л. Москвы от Лосеффа // журн. Знамя, 1999, № 2. – С. 7–59.

²⁸ Кичанова-Лифшиц И. Н. Прости меня за то, что я живу. – New York, 1982. – С. 84.

²⁹ Бабеньшева С. Э. (1910–2007) – литер. критик, член ССП, в 1970-е гг. сотрудница Фонда помощи политзаключенным, в 1981 г. эмигрировала в США.

³⁰ Кичанова-Лифшиц, Указ. изд., тит. лист.

³¹ Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зошенко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946–1958) // Юность, 1988, № 8. – С. 79.

последующих проработках (которым, насколько известно из стенограмм, подвергся один Меттер). Во-вторых, не названы «другие очевидцы». И в списке отсутствует А. Володин, который, по его словам, стоял рядом с Меттером, тем не менее, его не упоминающим (напомню, что мемуар Меттера напечатан на год раньше, в августе 1988 г.).

Владислав Михайлович Глинка (1903–1983), главный хранитель Отдела истории русской культуры Эрмитажа и писатель, был мерилом чести в своей среде, по словам его племянника, усыновленного им, писателя М. С. Глинки (1936 года рождения), который уверен, что его дядя, действительно, аплодировал Зоценко. В телефонном разговоре с автором он рассказал: «Мне говорили несколько человек с испуганным удовольствием, что в замершем зале все с испугом и восхищением повернулись к В. М., а он продолжал аплодировать». На мои настойчивые вопросы, кто были эти «несколько человек», М. С. Глинка не смог ответить (назвав, «возможно», В. А. Мануйлова³²), но подтвердил, что никаких последствий для В. М. Глинки аплодисменты не имели.³³ Думаю, стоит отметить, что Владислав Михайлович не любил ни юмора, ни сатиры: «Ему была чужда язвительность и тот вид юмора, который основан на смехе над собеседником, а уж об издевке и говорить нечего. Ему не были близки Ильф и Петров, он не любил Гашека, был более или менее равнодушен к Зоценко <...> Ему, мне кажется, претила любая сатира».³⁴

Е. Л. Шварца, автора «Дракона», часто объявляли безупречным Ланцелотом из его сказки, но он, оставаясь порядочным, был и очень осторожным человеком. Долгое изучение его дневников приводит меня к

³² Мануйлов В. А. (1903–1987) – литературовед, доктор филол. наук, профессор, вдохновитель и гл. ред. «Лермонтовской энциклопедии» (1981), сценарист, мемуарист, друг В. М. Глинки.

³³ Телефонные разговоры 21 и 23 апреля 2021 г., текст ожидает письменного подтверждения М. С. Глинки.

³⁴ Глинка М. С. Комментарий к письмам и рецензиям // Глинка В. М. Хранитель: Воспоминания, архивы, письма. – СПб., 2006.

выводу, что и он не очень подходит на роль героя, тем более аплодирующего стоя, т. е. с вызовом.³⁵

Между тем, количество аплодирующих, в соответствии с предсказанием Довлатова, увеличивается. М. О. Чудакова в рекомендации юным читателям книги И. Меттера пишет: «А Меттер оказался одним из ПЯТИ писателей, не побоявшихся захлопать на писательском собрании после выступления затравленного Зощенко».³⁶ Вероятно, она, кроме названных в публикации «Юности» четверых, имела в виду А. Володина.

На мой вопрос об источнике Мариэтта Омаровна ответила: «...сказать могу одно – мои сведения от тогдашних ленинградцев, не сомневаюсь, что опрашивала нескольких, чтобы удостовериться». И в следующем письме добавила: «Напрягла память и поняла – не сомневаюсь, что эти сведения Вы найдете в воспоминаниях и в письмах тех лет А. И. Пантелеева».³⁷ К сожалению, обращение к указанному источнику ничего не дало.

Существуют еще воспоминания ленинградского писателя П. И. Капицы (1909–1998), заместителя редактора журнала «Звезда», которые появились также в «эпоху гласности», и в них сказано: «Михаил Михайлович и на этом собрании (15 июня 1954 г. – Е. Р.) не оправдывался, а подтвердил свое несогласие с постановлением и выкрикнул в зал: ‘Не надо мне указчиков, не надо мне Друзиных,’ – покинул зал и ушел домой. Его, конечно, исключили из Союза писателей».³⁸

³⁵ См.: Румановская Е. Автопортрет в лицах: «Дневники» Евгения Шварца. //Toronto Slavic Quarterly, # 69, Summer 2019 (электр. изд., без номеров стр.)

³⁶ Чудакова М. Не для взрослых. Время читать! Полка третья. – М., 2011. Цит. по эл. ресурсу: <http://family.booknik.ru/articles/chto-by-pochitat/v-pyatom-uglu/> (дата обращения 17.4.21).

³⁷ Электр. письма автору статьи от 7 и 8 марта 2021 г.

³⁸ Капица П. Это было так...// Нева, 1988, № 5. – С. 147.

Капица ошибается, из ССП Зоценко повторно уже не исключали, его ошибку отметили Б. Сарнов и Е. Чуковская в примечании. Но называя «невероятной» «трогательную историю», рассказанную далее Капицей, «о том, как лучшие друзья Михаила Михайловича – М. Э. Козаков, А. Мариенгоф и Е. Шварц, проголосовав за его исключение, приходили потом перед ним каяться»³⁹, авторы не совсем правы. Дело в том, что в конце писательского собрания, как сообщается в «Информации Ленинградского обкома КПСС», «единодушно была принята резолюция, осудившая антисоветское выступление Зоценко и призвавшая всех писателей повысить творческую активность и усилить борьбу за высокую идейность советской литературы».⁴⁰ Возможно, каялись друзья Зоценко в голосовании за эту резолюцию, хотя по-прежнему остается в силе замечание Сарнова и Чуковской о том, что М. Э. Козаков за 2 года до событий переехал в Москву, и на его ленинградской квартире, как это представляет Капица, «покаяния», во всяком случае, не происходило. Кроме того, возникает вопрос, от кого мог знать Капица, не присутствовавший при этой сцене, что происходило (а он цитирует даже слова Зоценко). Но, возможно, автор воспоминаний перепутал времена и имеет в виду события 1946 г., когда Зоценко, действительно, был исключен из ССП? Это позволяют предположить воспоминания художника Георгия Ковенчука о вечере памяти Зоценко 22 мая 1987 г. в Доме писателей в Ленинграде, где выступали «в гробовой тишине» Д. А. Левоневский (которого Гранин называет «старый стукач»⁴¹) и П. И. Капица: «...было рассказано, как в зале, где мы сегодня присутствовали, состоялось общее собрание. Оно заклеимило и единогласно исключило из своих рядов Зоценко и Ахматову. Капица сообщил, что после единогласного голосования кучка друзей Михаила Михайловича пришла к нему домой и на лестничной площадке (не в квартире М. Э. Козакова! – Е. Р.) каялась перед ним за предательство. У Зоценко хватило сил их утешить. Он сказал, что на их месте поступил

³⁹ Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зоценко // Указ. изд. – С. 79, прим.

⁴⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура... – С. 230.

⁴¹ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. – М.; СПб., 2010. – С. 105 (у Гранина — Леваневский). Левоневский Д. А. (1907–1988) – поэт, прозаик, переводчик, публицист, участник Великой Отеч. войны.

бы точно так же».⁴² В 1946 г. эта сцена могла бы быть возможна, если доверять вполне лояльному к власти Капице.

Возвращаясь к прозвучавшим в поддержку Зоценко 15 июня 1954 г. аплодисментам, резюмирую: несомненно, аплодировал И. М. Меттер, которого помнят все мемуаристы и отмечает стенограмма партсобрания 7 июля 1954 г., и, возможно, кто-то еще, но кто именно, определить затруднительно. Ко всем «кандидатам» есть вопросы: А. Володин и И. Кичанова-Лифшиц называют себя сами, но первого, стоявшего, по его словам, рядом, не упоминает Меттер, отчетливо пишущий, что он аплодировал один, а вторая вместе с мужем, Владимиром Лифшицем, с 1952 г. жила в Москве.⁴³ В. М. Глинку и Е. Л. Шварца, названных Б. Сарновым и Е. Чуковской (москвичами, так же как и М. О. Чудакова), я склонна «отвести» «за недоказанность» – отсутствием ссылки на имена очевидцев. Возможно, новые архивные находки (письма или дневники тех лет) окончательно прояснят вопрос, пока же возникает только легенда, к которой присоединяются постепенно все новые персонажи.

⁴² Ковенчук Г. Из записок художника // Звезда, 2009, № 6

⁴³ «Шла кампания по разоблачению космополитов. Где-то в Союзе писателей этот ярлык уже приклеили на Володю. Мы представляли, что добром это не кончится, и я уговорила Володю переехать в Москву» (Кичанова-Лифшиц И. Н. Прости меня за то, что я живу. – N. Y., 1982. – С. 118). 4 января 1952 г. на заседании секретариата правления ЛО ССП переезд Лифшица в Москву был утвержден: «СЛУШАЛИ: Заявление члена Союза сов. писателей Лифшица В. А. о переезде в Москву. РЕШЕНИЕ: Секретариат Лен. Отделения ССП не возражает против переезда в Москву на постоянное жительство в связи с семейными обстоятельствами члена ССП Лифшица В. А.» (Цит. по: Золотоносов М. Н. Гадюшник... – С. 151).

Анжела Беленко. 1932 год. Германия – СССР, СССР – Германия (*история одного изыскания*)

13 сентября 2018 года

Для меня эта история началась в конце лета 2017 года, когда муж дал мне большой почтовый конверт и сказал: «Вот, возьми, с этим нужно разобраться и закончить, я не успел». Я сказала «хорошо», взяла и – положила конверт на видное место.

На «видном месте» конверт пролежал больше года, с того самого момента, когда мне дано было поручение, и до того дня, когда я взяла его в руки и открыла.

Десяток писем, старых и не очень, на русском и на эсперанто...

Начала читать, и меня как током ударило: опоздала!

Ефим поручил, а я не сделала! Это нужно срочно исправить!

Надо сказать, что я в тот момент готовилась к переезду в родную Одессу, где жили мои сыновья с семьями, родственники и друзья. Жить в Ялте после гибели Ефима стало невыносимо, девять месяцев без него – и я готова бежать из этого «города счастья», только бы не чувствовать себя одинокой. Это был его город, тут все напоминало о нем, для меня же вечно праздничная Ялта внезапно стала пустыней.

И вот среди поспешных сборов в дорогу – осталась неделя до моего переезда! – я начинаю лихорадочно искать того, кого надеюсь застать живого и в здравии.

О, всемогущий интернет, ты помоги мне и на этот раз: Бартенев Владимир Федорович, учитель математики из Евпатории, отыскался

довольно быстро. В евпаторийской школе, куда я позвонила, меня внимательно выслушали и – второе чудо! – дали мне номер мобильного телефона Бартенева.

Жив, жив, слава богу, успела!

Гудок один, второй, третий...

– Алло, слушаю вас...

1984 год

Письмо В. Ф. Бартенева журналистке А. Рудой

(в сокращении)

«Уважаемый товарищ Аня!

Напоминает Вам о себе известный Вам математик из Евпатории. Но дело не в тех вопросах, о которых мы долго говорили. Дело вот в чем. На днях в Вашей газете была опубликована заметка. Меня она заинтересовала, потому что в архиве отца было около десятка писем на Эсперанто, письма написаны в 1934 – 35 гг. отцу из Германии, в то время отец был студентом. Думаю, что эсперантистам будет любопытно почитать эти письма. Ну а мне интересен их перевод. Честно говорю, что не знаю, что в этих письмах, но знаю, что отец их сохранил даже в годы войны.

Думаю, что если товарищи из «Тэро» (ялтинский эсперанто-клуб «Тего» – А. Б.) заинтересуются письмами и текст их будет интересен, может получиться занятная статья...».

Е. Зайдман – В. Бартеневу (в сокращении)

«Здравствуйте, Володя!

Ваше письмо передала мне Аня из редакции газеты „Советский Крым“. Очень приятно было узнать, что Ваш отец имел переписку на эсперанто.

Я с удовольствием перевел бы письма и навел справки о корреспондентах из Германии. Если это удастся. Может быть, Вы их вышлете мне по почте?...»

Письма эсперантистов из архива Федора Александровича Бартенева были отправлены бандеролью из Евпатории и получены в Ялте в декабре 1984 года, судя по обрывку от упаковки, где был указан адрес отправителя и виден штамп. Там же было сопроводительное письмо от Владимира Бартенева.

В. Бартнев – Е. Зайдману (в сокращении)

«...О письмах отца. На эсперанто их сохранилось немного – около 25, многие без конвертов. При внимательном рассмотрении было выяснено, что эти письма были отосланы не только из Германии, но из Франции, Аргентины и др. стран. Адресовались они в Москву, на ул. Радио, 10, в интернат при опытно-показательной школе им. Радищева, где с 1925 по 1934 гг. жил Федор Александрович. С 1935 по 1939 гг. отец был студентом в московском гос. пед. институте им. К. Либкнехта.

Помню, как тепло отец отзывался о своем увлечении эсперанто. Вспоминал, как одно время московское радио утро начинало на этом «международном языке пролетариата».

Письма он сохранил даже в войну – с 1941 г. служил на Дальнем Востоке, участвовал в уничтожении Квантунской армии в 1945 г., был командиром орудия. С 1946 года до последних дней преподавал математику в Евпатории.

Думаю, что Вам, судя по всему увлеченному эсперантисту, письма будут интересны как специалисту по языку, ну а интересны ли они будут по содержанию – посмотрим. Во всяком случае я Вам заранее благодарен за их перевод. Вероятно, высылать целую пачку писем нет необходимости, поэтому шлю самые характерные, удовлетворительной сохранности...».

1986 год

В. Бартнев – Е. Зайдману

«Здравствуйте, Ефим!

Не дождавшись Вашего письма – решил черкнуть сам.

Получили ли Вы бандероль с письмами на эсперанто? Послал эту бандероль где-то в начале прошлого года, и такое чувство, что не дошли они. Или все-таки дошли?

Черкните, если возможно!..»

Е. Зайдман – В. Бартеневу

«Владимир! Вашу бандероль я получил. Письма сразу же прочел и предложил Анне Рудой заметку о Бартенева, старейшем эсперантисте. (...) Но ее заметки я так и не дождался.

(...) Из тех писем, что Вы мне прислали, интерес представляют только письма из Германии. Там есть очень любопытные места, которые я Вам скоро вышлю (на русском, разумеется)...»

2002 год

Спустя много лет Ефим все же написал Владимиру, это письмо не сохранилось у адресата, остался только конверт. Вот ответ:

В. Бартенеv – Е. Зайдману (в сокращении)

«Уважаемый Ефим!

Занятно было получить ответ на своё письмо, который пришёл через 15 лет!

(...) Я искренне рад, что досада, которая затаилась где-то внутри, снята Вашим письмом. Безусловно, мне хотелось узнать, что было в тех э-письмах. Хотя я отдавал себе отчет, что что-либо новое об отце я из этих писем не узнаю. Эти письма – своего рода визитная карточка своего времени...».

На этом переписка оборвалась. Перевод писем для Владимира Бартенева так и не был сделан! Прошло ещё пятнадцать лет, прежде чем Ефим дал мне конверт с письмами, о которых идёт речь, с поручением доделать то, что он не успел...

После того, как мы познакомились и пообщались по телефону с В. Бартеневым, мне захотелось как можно быстрее сделать перевод писем, адресованных его отцу. Но я была очень занята своим переездом из Ялты в Одессу, кроме этого торопилась с подготовкой к изданию альманаха одесских эсперантистов, т. к. дата презентации книги «Лучшие дни нашей жизни» уже была объявлена в Одессе. Поэтому в качестве взаимной услуги я попросила одесскую эсперантистку Татьяну Аудерскую, составителя этого альманаха, перевести письма, адресованные отцу В. Бартенева, и он, наконец, получил перевод, которого ждал больше тридцати лет!

Они так никогда и не встретились, Ефим и Владимир, почти ровесники, оба математики по образованию, с разносторонними интересами, живущие так близко друг от друга. Они никогда не звонили

друг другу, хотя номера телефонов в своих письмах сообщали. Жаль, очень жаль, им было бы о чем поговорить!..

Мы продолжали общаться с Владимиром. Он прислал мне по электронной почте довольно большой материал о своем отце, Ф. А. Бартенева, известном математике, учителе, Почетном гражданине города, в честь которого названа одна из улиц в центре Евпатории.

Когда я прочитала в первый раз Автобиографию, написанную рукой Ф. А. Бартенева, меня заинтересовал тот факт, что не было упоминания об эсперанто. Ни единого слова! Но если посмотреть на дату, все становится понятным. Автобиография написана в 1948 году, когда эсперанто был в немилости и запрете (с 1937 по 1957 гг.), поэтому невозможно было даже слова написать об этом языке и своем активном участии в эсперанто-движении.

И уже никто не напишет, потому что сын его, Владимир, помнит не очень много из скупых рассказов отца. Хорошо, что письма сохранились, и что после смерти отца Владимир заинтересовался их содержанием, не каждому эсперантисту из числа тех, кто ушел в вечность, так повезло! А как много их было, юных мечтателей, одержимых идеей единого языка для всех! Мое же исследование – любительское, я не берусь за глубокий анализ прошедших событий.

Продолжение, которого могло бы не быть

Итак, поручение Ефима я выполнила: В. Бартенева нашла, перевод писем 1932 года был сделан, одесский эсперанто-сайт «Зеленая лампа» поместил статью об этой истории. Казалось, можно было бы вздохнуть свободно – дело сделано, совесть чиста, Ефим был бы доволен. Жизнь шла своим чередом, но я начала замечать, что меня эта история не отпускает, то и дело всплывают в памяти строчки из писем и роятся какие-то смутные мысли.

Мой дорогой Ефим, видимо, заразил меня своей изыскательской деятельностью!

Хочу найти адресатов Федора Бартенева! – поняла я в конце концов. И Ефим в своем первом письме к Бартенева-сыну об этом писал! Немцы – народ аккуратный до педантичности, вдруг у кого-то из

потомков друзей Федора Бартенева, сохранились письма от этого парня из далекой Москвы 1932 года!

Первое, что приходит в голову, это поискать немецких эсперантистов, которые готовы заняться поиском. Не так уж много у меня знакомых за границей, но нашлась ялтинская подруга, которая сейчас живёт в Германии, она отыскала эсперанто-клуб в своем городе и передала мою просьбу. Недавно я получила письмо с предложением помощи в поиске. Так что дело потихоньку движется. Еще я обратилась к московским эсперантистам, попросила найти какие-то упоминания о Бартеневе в бумагах эсперанто-клуба.

Не очень верю в положительные результаты, так как эсперанто Федор учил в своей школе, а не в клубе. В 1932 году ему было всего 16 лет, и он вряд ли как-то проявил себя среди эсперантистов. Переписывался, правда, активно, но письма только за один год сохранились, а что было до и после неизвестно. Его сын ничего конкретно по этому вопросу сказать не мог.

Между тем мне предстояла поездка с пересадкой в Москве на поезд до Краснодара, я решила использовать время ожидания и хотя бы посмотреть на здание школы, в которой когда-то учился Бартенев, а если повезет, то попасть внутрь.

Мои друзья, московские эсперантисты, охотно согласились сопровождать меня.

И вот мы вчетвером переступили порог старинного здания на улице Радио, 10, где сейчас располагается Московский государственный областной университет.

В бывшей усадьбе Демидовых после Октябрьской революции находился Московский областной педагогический техникум им. Профинтерна, а при нём – опытно-показательная школа-интернат им. А. Н. Радищева, где девять лет учился и жил Ф. А. Бартенев, и где в начале 30-х годов изучали эсперанто как обязательный предмет.

К счастью, охрана не препятствовала нашему визиту и по паспортам нас пропустили в архив. Тут нас расстроили сообщением, что два месяца назад весь архив, все бумаги с чердака собрали в мешки и вывезли куда-то в другой город, в филиал этого университета. «Но вы можете зайти в музей, он ещё работает», – сказали нам.

Музей – просторная комната, в центре большой стол и витрины у стен. Руководитель музея, Игорь Владимирович Брызгалов, нас просто очаровал. Он долго рассказывал нам об истории здания, показывал экспонаты. Но о школе им. Радищева с образцово-показательным интернатом у него были крайне скудные сведения.

Я надеялась найти тут что-нибудь интересное, а оказалось, что сама принесла ему новость – в этой школе учили международный язык эсперанто. Договорились обменяться чем богаты, на том и расстались.

Моя поездка в Крым завершилась визитом к Владимиру Федоровичу Бартеневу в Евпаторию. Ничего нового об отце он мне не рассказал, но показал альбом, несколько страниц которого были заполнены фотографиями отца времен учебы в московской школе-интернате. И экскурсия по городу была очень хорошей, чувствовалось, что Владимир любит и знает свой город.

В который уже раз я пожалела о том, что они с Ефимом не познакомились лично, а ведь мы столько раз приезжали с эсперанто-клубом в Евпаторию!

Постскрипtum.
Письмо В. Ф. Бартенева
автору этого рассказа:

«Итак, Анжела, исключительно благодаря Вашим личным стараниям переводы состоялись! Большое Вам спасибо! Честно говоря, ничего сенсационного от этих переводов я не ждал, и не скрывал свой скепсис. Но всё же, согласитесь, чем-то они заняты! Ведь одному из корреспондентов (отцу) в это время было 16 лет, другой, похоже, достаточно любопытный и по тем меркам осведомленный в политике филателист, где-то того же возраста!

Отец жил в Москве в интернате при живых родителях, хоть и разведенных. Его отец – ректор Ростовского университета, мать – окончила Гродненские высшие женские курсы (тогда Гродно было в Польше), преподавала математику в школе. Помню, что отец мне говорил, что он и его сверстники по интернату внимательно слушали радио, следили за событиями в мире. Имели какое-то свое суждение. Как и его визави в Германии. Я прочитал, что с приходом к власти Гитлера в стране была свернута работа эсперантистов, многие не просто пострадали, но и были просто уничтожены, особенно руководители кружков. Выжил ли автор писем? – вопрос, конечно, открытый... Не уверен.

Германская военная машина работала четко, жестко, безжалостно и быстро. И по странному стечению обстоятельств эти наивные письма из Германии прошли не только длинный временный интервал, но и мотались в Иркутск с отцом (по распределению после вуза), участвовали с отцом в боях с милитаристами Японии, преодолевали хребет Хинган, а затем вернулись в Европу, в Крым, в Евпаторию. И при этом каким-то чудом сохранились. Отец их берег.

А я по молодости думал, что там написано что-то чрезвычайно важное, секретное, чуть ли не государственная тайна страны, раз так лихо зашифровано все. А поэтому ужасно хотелось узнать – что в них. Вот теперь знаю. Пазлы сложились благодаря Вашим усилиям! Никаких сенсаций. К тому же жизненный опыт уже очень давно победил любопытство и сказал четко – что это, вероятнее всего, просто банальная переписка двух молодых людей со всеми нюансами того времени! Так и получилось! Но прочитать письма было интересно!

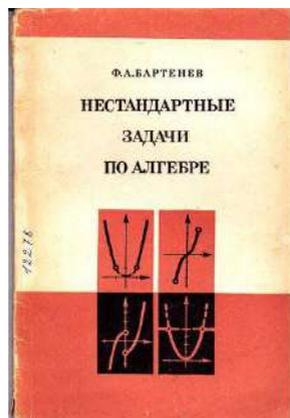
Оригиналы писем я оставляю Вам! Пусть это будет моя маленькая материальная благодарность за Ваши труды! Уверен – в Ваших руках они сохранятся лучше – и мне на душе будет спокойно за эти листочки!

Всего Вам доброго! Володя».

Все материалы по теме «Бартенев. Письма 1932 г.»:
https://drive.google.com/drive/folders/1AteksnG3FGO2hnXM5BwRy6KRN-ftHxw?usp=drive_link

Иркутск. Первые ученики Ф.А.Бартенева. Весь выпуск 1941 г. был призван на фронт.

Ф. А. Бартенева и его учебник «Нестандартные задачи по алгебре»

Леонид Диневич. Управление погодой. Возможности и перспективы

Может ли человек изменить некоторые характеристики погоды в регионе и создать тем самым оазисы комфортной среды, например, в Израиле? Отвечаю – возможно. В первую очередь стоит рассмотреть такие возможные пути решения этой задачи.

1. Изменение альбедо⁴⁴ подстилающей поверхности на больших площадях путём залесения пустынных площадей.

2. Повышение влажности приземного воздуха за счёт распыления опреснённой воды.

3. Использование бризовой и горнодолинной циркуляции воздуха в холмистой местности для образования облаков и осадков. На территории Израиля есть много мест с большими перепадами высот, где существуют условия для эффекта горнодолинной циркуляции воздуха. В этих местах можно применять компактные метеотроны⁴⁵, работающие на энергии солнца. Такие метеотроны следует разработать. В определённых атмосферных ситуациях здесь можно создавать условия для образования облаков и осадков.

4. Использование метеотронов нового типа в области бризовой циркуляции воздуха в прибрежной зоне. Метеотроны могут размещаться в море и работать за счёт солнечной энергии. Их цель – пробить задерживающий слой на высоте примерно километр-полтора, образовать таким образом облака и вызвать дожди в летний период года.

5. Ионизация воздуха (при соответствующих атмосферных условиях) и образование таким образом искусственных облаков и осадков.

6. Разработка строительных норм при проектировании зданий и зон отдыха с учётом характеристик погоды и климата.

⁴⁴ Альбедо – коэффициент отражения поверхности Земли.

⁴⁵ Метеотрон – устройство для генерации частиц центров конденсации в атмосфере.

7. Для обоснования, соответствующих расчётов и реализации такого комплекса проектов следует создать международный научно-исследовательский институт погоды и активных воздействий на атмосферные процессы.

Для пуска проекта следует подготовить программу и провести международную конференцию под эгидой ООН, министерства иностранных дел и министерства экологии Израиля, при участии ученых Израиля, Иордании, Египта, Сирии, США, Англии и других стран, которые пожелают принять участие в такой конференции. В качестве экспериментальных полигонов рационально использовать уже существующие, технически оснащённые, укомплектованные профессиональными специалистами и специальными техническими средствами полигоны на территории Молдовы, Болгарии, Израиля.

На основе многолетних работ в области защиты сельскохозяйственных культур от градобитий при применении ракетной технологии, а также результатов воздействия на облачные процессы с помощью наземных генераторов в Бразилии, предлагается новый способ воздействия, без применения ракет и самолётов.

Борьба с градом и защита сельскохозяйственных культур от повреждения градом может быть одной из главных тем такого института, создающих экономическую основу для продолжения и развития исследований и работ в области активных воздействий на атмосферные процессы. В основе излагаемых в статье предложений лежат экспериментальные данные и теоретические расчёты поведения так называемых льдообразующих частиц, инициирующих образование первичных зародышей градин в атмосфере. По оценкам автора и его коллег в данном исследовании (Л. Ингель, А. Хаин), льдообразующие частицы от уровня их генерации вместе с конвективными восходящими потоками воздуха самостоятельно попадут в область зарождения и роста града в облачной ячейке. В ракетной технологии определение этой области – одна из наиболее сложных задач, стоящих перед метеорологической радиолокацией. В предлагаемом способе доставки льдообразующих частиц в область зарождения и роста града помощь радиолокации не нужна. Льдообразующие частицы самостоятельно

найдут эту область. Также снимаются многие проблемы, связанные с безопасностью запуска и падения фрагментов ракет над густонаселенными районами.

Базовые основы ракетной технологии

Технология регулирования осадков, выпадающих из конвективных облаков, в том числе их увеличения количества дождя и предотвращения роста опасного для сельскохозяйственных культур града, основывается на засеве конвективных облачных ячеек искусственными ледяными ядрами. Введение в такое облако ядер кристаллизации может как увеличивать количество осадков, так и уменьшать их. Полагают, что в облаке есть некая область (ячейка), воздействуя на которую определенным образом, можно так изменить ход физических процессов, что град не появится.

Есть несколько радиолокационных критериев, с помощью которых можно с определенной вероятностью оценивать способность роста града в конвективной ячейке, т. е. определять ее градоопасность. Механизм льдообразования при попадании в облако ядер кристаллизации до сих пор является предметом исследований. Например, частичка основного реагента, используемого при активном воздействии на облака с целью вызвать дождь или предотвратить град, иодистого серебра AgI содержит гигроскопическую (растворимую) часть, которая поглощает молекулы водяного пара в облаке и образует первичную каплю, содержащую внутри AgI . В этом случае AgI действует как иммерсионное ядро замерзания, и образовавшаяся капля замерзает. Поэтому частицы реагента называют ледяными (или льдообразующими) ядрами.

Сложной задачей является определение необходимой концентрации ядер кристаллизации в облаке. Отдельные наблюдения показывают, что недостаточный засев ядрами кристаллизации градоопасных ячеек может, наоборот, стимулировать образование града и рост размера градин. Введение в область пересыщенного водяного пара в облаке дополнительного к имеющемуся количеству ледяных ядер может привести к ряду микрофизических и динамических преобразований структуры частиц в облаке и, как следствие:

- к ускорению роста и увеличению размеров гидрометеоров (кристаллов, капель, крупы, снежинок, градин) за счет интенсификации конденсационных, кристаллизационных и коагуляционных процессов;
- к увеличению количества гидрометеоров и, как следствие, из-за ограниченности питательной среды, к уменьшению их размеров, предотвращению роста града (*эффект, к которому мы стремимся*);
- к интенсификации восходящего потока за счет дополнительного тепла при переходе воды в кристаллическую фазу;
- к водному голоданию и предотвращению роста гидрометеоров. (*эффект, к которому мы стремимся*);
- к ускорению нисходящих потоков в облаке и сокращению его жизненного цикла, к увеличению или уменьшению осадков в виде дождя, или снега, к предотвращению роста градин и увеличению количества дождевых капель (*эффект, к которому мы стремимся*), или, наоборот, к увеличению количества и размеров градин и т. д. (*отрицательный эффект*).

Облачная система при воздействии на неё на различных циклах её развития может развиваться как в направлении поставленной цели, так и в противоположную относительно наших намерений сторону. Ошибка в выборе места и времени засева облака, перезасев или недостаточный засев облачной ячейки могут приводить к результату, обратному ожидаемому.

Нерешённые проблемы ракетной технологии

- Нет надёжного способа, который достаточно заблаговременно позволял бы определять градоопасность облаков. Засев облаков часто начинается с опозданием (ошибка выбора времени начала воздействия).
- Нет достаточно точного способа локализации места в облаке, засев которого может привести к предотвращению условий образования и роста града (ошибка выбора места воздействия).
- Засев непрерывных процессов осадкообразования выполняется дискретными способами. В этой связи возникает сложнейший вопрос, а

сколько ракет следует запустить в область градообразования (ошибка объема воздействия).

- Современные технологии требуют чрезвычайно высокой технологической дисциплины и столь же высокого профессионализма от всех участников технологического процесса (очень трудно выполнимая задача).

- В новых экономических условиях допустимый расход ракет чрезвычайно ограничен, что не даёт возможности реализовать достаточный засев облаков в соответствии с научно обоснованными нормативами.

- Существует большая зависимость технологии от ряда внешних факторов, например, от работы авиации или отсутствия требуемого количества ракет. Как быть? Ниже приведены результаты поиска авторами ответа на этот вопрос.

Теоретические расчёты количества и скорости переноса льдообразующих частиц от наземных генераторов

Для обоснования наземного способа воздействия с целью подавления роста града были выполнены теоретические расчёты количества и скорости переноса льдообразующих частиц от наземных генераторов до уровней, где они могут активно принимать участие в осадкообразовательных процессах. При благоприятных для вертикального переноса частиц ситуациях, расчёты дают высокие концентрации льдообразующих частиц на уровнях изотерм от минус 5 до минус 6 градусов Цельсия (до миллиона частиц в кубометре воздуха, то есть около одной частицы в кубическом сантиметре). Исходя из современных представлений физики активных воздействий на облачные процессы, этого количества льдообразующих частиц может быть достаточно не только для реализации механизмов увеличения осадков, но и для предотвращения роста града. В этом случае сами процессы облако-, осадко- и градообразования проходят с участием генерируемых на высоте корней восходящих потоков искусственных ядер.

Регулируя время, интенсивность работы наземных генераторов, их количество и расположение на местности, можно эффективно использовать этот метод и для работ по увеличению осадков, и для предотвращения роста града.

Особо важно отметить, что при использовании наземных генераторов отпадает необходимость радиолокационного определения места в облаке для его засева в задачах увеличения осадков и предотвращения роста града. При этом льдообразующие частицы находят это место сами, участвуя в естественном процессе облако- и осадкообразования.

Выводы и предложения нового способа воздействия на осадкообразовательные процессы с целью регулирования осадков и предотвращения роста града (без ракет, артиллерии, самолётов и наземных генераторов)

Основная идея и основное отличие от всех действующих ныне технологий засева осадко- и градообразовательной облачности заключается в том, что генерация льдообразующих ячеек осуществляется выше уровня приземного слоя мелкомасштабной циркуляции и как можно ближе к нижнему уровню корней возникающей при атмосферной неустойчивости естественной атмосферной конвекции. При этом специальные генераторы ледовых ячеек, управляемые радиосигналами, поднимаются до заданного уровня с помощью наполненных гелием привязных аэростатов или беспилотников (дронов). При этом и аэростаты, и дроны с помощью простейших приборов могут оценивать состояние восходящего потока.

Несомненно, ракетная технология наиболее эффективно решает задачу рационального, с точки зрения физики облаков и активных воздействий на осадкообразовательные процессы, засева с целью подавления роста града и увеличения осадков. Однако это происходит лишь тогда, когда она реализуется в полном объёме и без описанных выше ошибок. В зонах развития наиболее интенсивных градовых процессов при отсутствии возможности реализовать ракетный засев с

учётом всех перечисленных выше требований есть смысл организовать смешанный метод воздействия (ракеты и генераторы льдообразующих ядер, поднятые на высоту корней восходящих потоков). При этом обе технологии просто суммируются и работают, дополняя друг друга.

В большинстве регионов можно обойтись засевом восходящих потоков без использования ракет. Льдообразующие частицы от таких генераторов восходящими потоками через основание облаков не только обеспечивают засев всех облачных ячеек, но и компенсируют недозасев и прерывность ракетного засева. Ракетную технологию следует применять только в тех случаях, когда все её условия могут быть выполнены. В других случаях, с точки зрения автора настоящего исследования, есть смысл развивать технологию активных воздействий с целью защиты сельскохозяйственных культур от градобитий и регулирования режима осадков с помощью специальных систем генерации, поднятых на высоту на специальных столбах высотой 20–25м, с помощью привязных аэростатов 100 и более метров, беспилотников (200–250м над уровнем земли) и даже, при соответствующей организации, с помощью специальных ракетниц, заряженных пиропатронами с реагентом.

Основная идея и основное отличие от всех действующих ныне способов засева осадко- и градообразовательной облачности заключается в том, что генерация ледяных ядер осуществляется выше уровня приземного слоя мелкомасштабной циркуляции и как можно ближе к нижнему уровню корней атмосферной неустойчивости, т. е. естественной атмосферной конвекции при внутримассовых и фронтальных процессах осадкообразования. Размещение таких генераторов на заданной территории осуществляется с учётом всех синоптических, термодинамических и орографических особенностей в регионе. Управление и контроль за воздействиями на облачные процессы и при такой методике осуществляется на основе информации соответствующих радиолокаторов. Понятно, что организация такого способа воздействия требует специальной региональной научно-исследовательской и организационной подготовки.

Александр Вильшанский. Одни ли мы на этой планете?

Конспект лекции на семинаре «Наука и традиция» (10.09.2020)

Рисунок Мих. Левина (Израиль)

Ниже изложены в очень конспективной форме основные положения и соображения, позволяющие понять причины и ход развития цивилизаций на нашей планете. Одновременно указывается на возможность понять сказанное в Торе (иудаизм) с рациональных (научных) позиций, и с некоторой степенью определенности предсказать возможные пути развития нашей цивилизации в не столь отдаленном будущем. Развитие событий в наше время слишком совпадает с временами разрушения Первого Храма, чтобы быть простой случайностью.

Я предложу к рассмотрению ТРИ ГИПОТЕЗЫ и подтверждения этих гипотез. Насколько они научны? Я думаю, что если по Карлу Попперу, то на все сто процентов.

Они проверяемы.

Они также опровержимы, как и другие.

Но у этих гипотез есть одно преимущество – они объясняют то, чего другие гипотезы объяснить пока не в состоянии.

Обратимся к событиям, отстоящим от нас во времени на тысячи лет. В данном случае – примерно на 30 тысяч лет назад...

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Считается, что предками современного человека, называемого по-научному Гомо Сапиенс, т. е. Человек разумный, были так называемые кроманьонцы (названия эти культуры получали от названий местности, где археологи находили останки этих людей).

Но еще раньше кроманьонцев в разных местах Земли обитали НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ. И существовали они на планете очень долго, почти миллион лет, совершенно не меняясь.

Культура была, конечно, примитивная, речь примитивная, но, как говорится, им – хватало. Едва-едва, но как-то выживали. Миллион лет... Вы можете себе это представить?

Выглядели они примерно так (*Рисунки из Википедии*):

Вот этот малый напоминает современного француза.

А эта молодая женщина похожа на Грету, правда?

Ну и наконец, наиболее философски настроенный из них – вот этот

...

Жили они в пещерах, маленькими семьями, это очень важно!
А пропитание добывали охотой и собирательством.

Но 35 000 лет назад (35 тысяч, не 3500!) все изменилось.

Климат стал теплее, еды стало больше, популяция стала увеличиваться. Семьи становились большими... И вот тут...

Произошла генная модификация.

Современная теория происхождения видов, как бы она ни называлась, не может дать ответа на причину изменения генофонда, которая привела к образованию нового вида – кроманьонцев. Вычисление вероятности такого изменения сразу у огромного числа людей дает столь малую величину, что сейчас эта версия просто не принимается во внимание. Кроманьонцы появились практически «одномоментно».

Оденьте этих людей в современную одежду, и их будет нельзя отличить от нас...

Кроманьонец и неандерталка.

Молодая кроманьонка. Внешняя разница очевидна.

Пожилый охотник

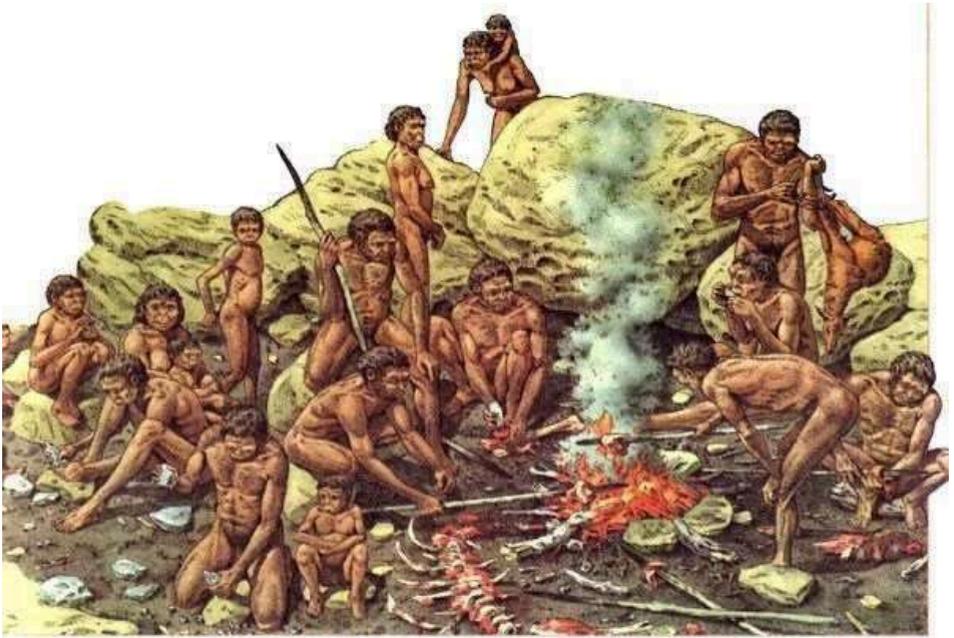

Молодой охотник

Как это могло произойти? В настоящее время нет ни одной убедительной версии случившегося. Ответ дают генетика и микробиология.

Гипотеза первая

При стихийном размножении неандертальцев они были вынуждены жить уже не семьями, а общинами, плотность населения в местах их проживания увеличилась. А никакой так называемой санитарии там и в помине не было.

Община

При большой плотности населения отходы жизнедеятельности (если не принимать мер к их уничтожению) могут попадать в пищу людям (чаще всего через подземные воды). И при таком круговороте появляются условия для быстрой мутации различных бактерий и вирусов. Именно в этом была причина знаменитой холеры в Одессе, и эпидемии чумы в Европе в 14 веке. Аналогичная вещь произошла и тогда, примерно 35 тысяч (!) лет тому назад.

Одна из таких мутаций привела к массовой эпидемии какой-то болезни среди неандертальцев и к изменению их генофонда.

Вирус изменил генетику выживших, в том числе внешний вид, а главное – **увеличилась скорость роста нервных окончаний нейронов головного мозга**. Это было решающим фактором в увеличении емкости памяти и скорости запоминания информации.

Гомо сапиенс состоялся.

Теперь стали возникать большие сообщества людей, они стали жить уже в поселках, поселениях, начался процесс становления цивилизации со всеми ее атрибутами. Это было началом «Первой цивилизации». **Обратите внимание на идею о совместной эволюции микро- и макромира.** Эта идея (и пока только она) объясняет массовую мгновенную широкомасштабную эволюцию. Примерно через 6000 лет цивилизация кроманьонцев («Первая») развилась примерно до нашего нынешнего уровня и распространилась по планете. Возникли города, страны, народы, культуры, произошли войны, усовершенствовалось оружие... И наконец – результат: ядерная война между конкурирующими группами населения. И ядерная зима как следствие.

Всё это хорошо стыкуется по времени с эпохами малых оледенений. Они, кстати, были действительно малыми и по времени, и

территориально. Через 2–3 тысячи лет ядерной зимы этот «Большой Чернобыль» начинает возрождаться (кое-кто выжил, это бывает) и возникает «Вторая кроманьонская цивилизация». С новыми модификациями Гомо Сапиенсов... Неможко и радиация могла поучаствовать... Никто не извлек никаких уроков... И менее чем через 5000 лет история повторяется. Новая цивилизация («Вторая») оказывается на грани самоуничтожения. Все это произошло примерно 20 000 лет назад. Но представители Второй цивилизации оказались умнее. Уже был опыт... Они лучше подготовились к войне... Были уже созданы подземные убежища, тоннели⁴⁶, способные вместить миллионы человек. Эти тоннели сохранились и до наших дней.

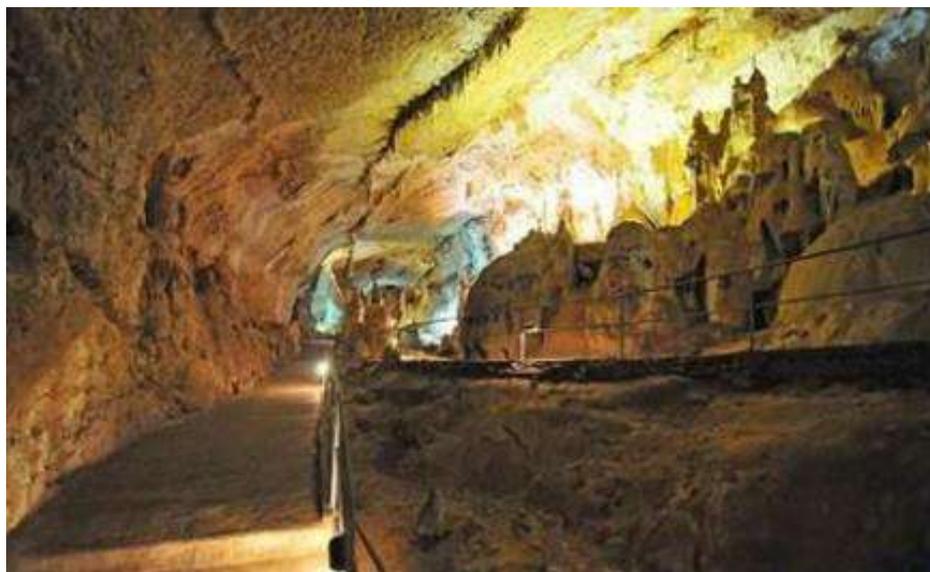
⁴⁶ Этот очерк был написан в 2020 году, за 3 года до обнаружения гигантской сети тоннелей в Газе (Израиль), созданной практически вручную местными арабами против Израиля. Еще более грандиозную сеть предстоит обнаружить на юге Ливана (и тоже против Израиля). *Прим. редактора: Уже обнаружили. И в Иудее и Самарии тоже...*

Новая модификация гомо сапиенс...

Уральские горы. Черные копатели шли три часа под землей... и не дошли до конца.

Перу. Эквадор

Гипотеза вторая

Второй цивилизации повезло. У победившей стороны к власти пришли здравомыслящие люди... И после победы вожди сделали своему народу предложение, от которого никто не мог отказаться.

Лидеры объяснили народу причину войн: – это сама сущность биочеловека, три составных части его природы: неограниченные потребности есть, размножаться, а также стремление к неограниченной власти. С этого начинается... А кончается – всегда – перенаселенностью и войной... И лидеры предложили путь выхода из этого капкана – **Единое Человечество.**

Многие мудрецы уже нашей цивилизации так или иначе формулировали золотой принцип нравственности: «Не делай другому того, чего не хочешь себе», «Люби ближнего, как самого себя» – и т. п. На разных языках, но похоже. Но не были услышаны... Как не были, видимо, услышаны и в первых двух цивилизациях.

Практика показывает, что на биологической основе человека это просто нельзя реализовать... А что можно?

И лидеры конца Второй цивилизации сделали народу предложение, от которого просто никто не мог отказаться.

Бессмертие – мечта каждого.

Лидеры показали им результат практически – к этому времени уже была разработана методика. При этом есть два пути – чипирование или одноразовая генетическая «операция».

Но это не бессмертие отдельного человека – это гораздо больше. Это коллективное бессмертие. Это новая Система, исключая возможность конфликтов между своими отдельными частями, и одновременно приобретающая абсолютно новые качества (когнитивные и эмоциональные). Это больше похоже на отсутствие конфликтов между частями собственного организма.

Может быть, ради исключения войн и не каждый согласился бы «влиять» свое сознание в общую массу; но ради *личного бессмертия* согласится каждый. Потому что каждый отдельный участник «предприятия» даже при исчезновении своего физического тела остается участником общего сознательного процесса и существования. Мы же сегодня даже не замечаем, если нам (не дай бог!) пересажена почка....

Одновременно на этом пути решались еще две Главных Проблемы:

– Получение доступа к неограниченной энергии Вселенной, что невозможно в принципе при разделенном сознании!!! Ибо при разделенном сознании каждый может пытаться реализовать свое стремление к власти над остальными.

– И еще одно преимущество у такой цивилизации: возможность проводить длительные эксперименты. (См.: «Часы Феникса», Элизабет Левин [2]). Только цивилизация, существующая практически вечно («вне времени»), может нуждаться в подобном измерительном приборе с интервалами отсчета в сотни и тысячи лет.

Далее эта новая цивилизация (я называю ее «Третьей») выходит в космос и там обживаетея, а уцелевшие на Земле остатки прежней цивилизации становятся для Третьей «заповедником» для изучения развития биологических цивилизаций. Наша цивилизация в этом процессе – Пятая. Четвертая – это Атлантида.

А вот и прибор для подобных измерений, найденный при каких-то раскопках (картинка справа)... На нем можно видеть (и определить) положение Солнца и Земли в нашей Галактике.

Гипотеза третья. Развитие цивилизаций

Накопленный опыт показал, что развитие цивилизаций следует примерно вот такой функции от времени (График 1), ибо так называемый первородный грех человечества (упомянутый выше, он комплексный, тройной) с неизбежностью приводит к гибели цивилизации. В течение

нескольких тысяч лет цивилизация, начавши «с нуля», выходит примерно на наш с вами нынешний уровень. И доходит до точки самоуничтожения.

И около 5–6 тысяч лет тому назад у философов Третьей цивилизации возникла гениальная идея: каким-то образом притормозить техногенное развитие цивилизации на первых этапах ее существования, внедрив в умы людей «общечеловеческие принципы поведения», определенную «мораль». Надежда была на то, что постепенно число «высокоморальных» будет увеличиваться. Для этой цели решили использовать идею монотеизма.

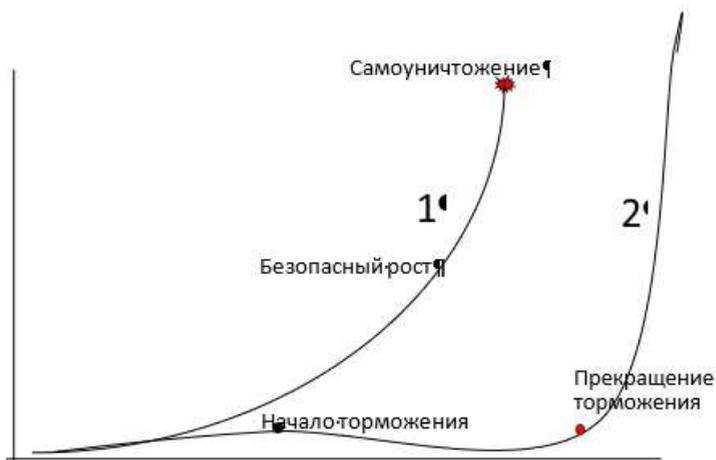

График развития цивилизаций: 1 – свободное; 2 – направляемое.

Прежде всего: монотеизм не является естественно возникающей идеей. Нет никакой реальной причины для самопроизвольного перехода от идолопоклонства к идее неощутимого Бога-Создателя и Правителя Мира. Это немислимо «гносеологически». Просто мы уже ПРИВЫКЛИ к этой «мысли». Но ведь нигде и никому, кроме евреев, ничего подобного в голову не приходило.

У язычника отношения с богами простые: Боги – это очень сильные Соседи, которых можно только умилоствить жертвами. Больше ничего Богам не нужно от человека. А Бог иудеев требует от человека не жертв – они ему не нужны, ибо Он бестелесен. – А требует Он вполне

определенного *поведения* в соответствии с данным Богом законом. На Востоке ничего подобного не было. Основные течения известны – буддизм и проч. Все они основаны на мнениях мудрецов.

А идея иудаизма для своей реализации и долгого существования должна была захватить МАССЫ в сравнительно короткий период. Нужен был «Исход» – драматическая демонстрация присутствия в нашем мире Бога». Все теологи (мудрецы) признают (и на этом стоят), что без мощной внешней поддержки, высшего вмешательства в ход истории ничего, подобного «Исходу», произойти не могло.

Далее следует всем известная история нашей иудео-христианской цивилизации, основанная на идее Единобожия. Продержалась идея полторы тысячи лет. Немало. Но из-за наличия внутренних противоречий в самом иудаизме (все претензии к Изготовителю!) римские захватчики смогли частично уничтожить носителей этой религии, а частично разогнать по белу свету.

И человечество оказалось под угрозой возвращения к язычеству. Поэтому в самом начале христианской эры пришлось принять меры к замене иудаизма на аналогичную, но «доработанную» религию – христианство (Павел). И этот новый тормоз технического прогресса исправно действовал еще тысячу лет, до эпохи Возрождения. Технический прогресс был практически остановлен, но вот беда – роста духовного христианство не обеспечивало, скорее, даже наоборот (непрерывные войны, крестовые походы... Все три врожденных порока работали «на полную катушку»). В конце Эпохи Возрождения новые религии уже не выполняли прежних задач, и (красная точка на графике развития цивилизаций) после прекращения торможения (развитие науки и атеизма) начался бурный рост научно-технических знаний, который вновь привел уже нынешнюю цивилизацию на грань самоуничтожения. Эта гипотеза дает ответ на все вопросы, связанные с историей и содержанием иудаизма; но в этой небольшой лекции нет возможности останавливаться на этом... Скажем предельно коротко: Настоящий Бог иудеев – это «Третья» цивилизация.

Исход

Теперь уже можно быстрее побежать дальше...

Закон развития цивилизаций доказательств не требует. Он – экспериментальный, и он общеизвестен. Влияние монотеистических религий на торможение научного прогресса неочевидно только убежденным религиозным людям. Это просто факт. Перейдем к подтверждениям. Это не доказательства. Это подтверждения.

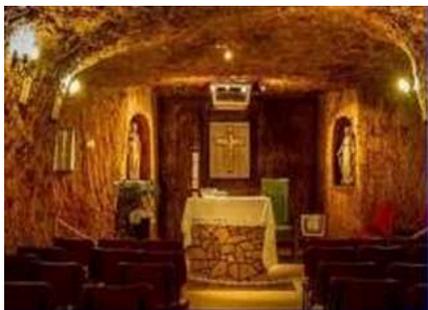
Доказательство (первое и последнее) будет при первом контакте с «Третьей». . Хотя, возможно, такие контакты уже были, косвенные данные имеются.

Но можно ли жить под землей?

Энергия под землей, безусловно, есть, и извлечь ее большой проблемы не составляет. При наличии энергии решаются любые проблемы (в том числе и уничтожение отходов). Жизнь под землей наиболее безопасна. Особенно после ядерной войны. А вот жизнь на поверхности сулит множество неприятностей. Поэтому убежище всегда должно быть.

Кубер-Педи (Австралия) – подземный город шахтеров, добывающих опал.

Церковь, квартира, общественные помещения. Облицовка тем же опалом.

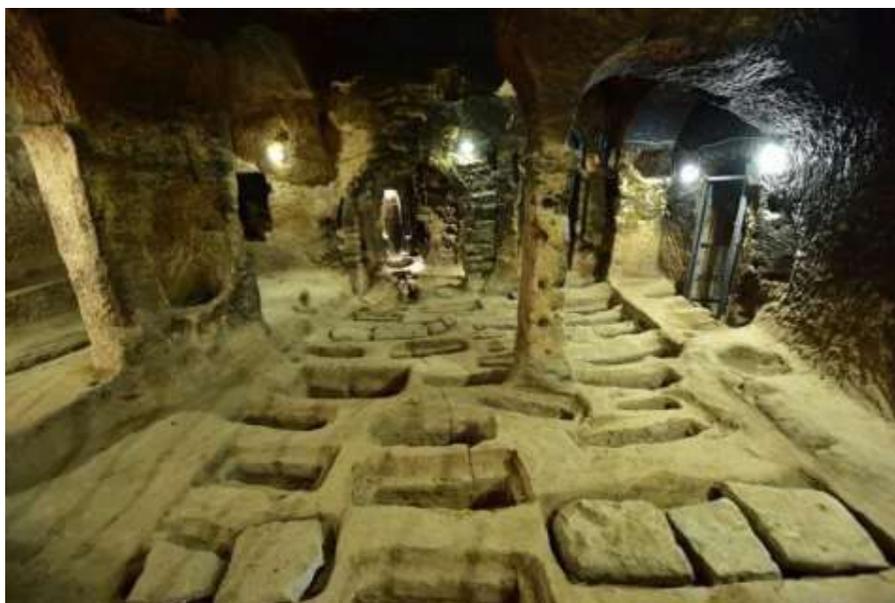
Это не единственное место-убежище на Земле.

Золотые таблички с неизвестными текстами в тоннеле в Эквадоре.
Золотая шахта

В Эквадоре бывшая шахта по добыче золота Homestake, самая крупная и глубокая (примерно 1,5 км) золотая шахта на континенте, перешла под руководство Sanford Lab – научного учреждения, превратившего штольни в лаборатории.

И попроще: Каппадокия (Турция)

Каппадокия

Итак, под землей жить можно. Но ИХТАМНЕТ. Куда же они подевались? Может быть, они на Луне? В последние пару десятилетий выяснились пикантные подробности...

Массы небесных тел можно определить, если известна орбита хотя бы одного спутника этого небесного тела. По орбите Луны мы можем вычислить и массу Земли. Но массу самой Луны мы вычислить не можем. Спутников у Луны нет! Поэтому определить ее массу таким образом невозможно.

И если мы вникнем в проблему, то увидим там массу противоречий.

Отсутствие эффективного тяготения у системы Земля-Луна (нет барицентра, очевидный сдвиг точки Лагранжа).

Движение искусственных спутников Луны не соответствует Кеплеру («Аполло»).

Сейсмоизмерения показывают необычные резонансные и акустические свойства поверхности Луны. Расчетная толщина оболочки – всего пара сотен километров, но с упругостью стали.

Из Интернета:

Что же касается массы Луны, то, как выразился один астроном, «...хотя она к нам ближе всех других небесных тел, взвесить ее труднее, чем Нептун, самую далекую (тогда) планету». У Луны нет спутника, который помог бы вычислить ее массу, как вычислили мы сейчас массу Солнца. Ученым пришлось прибегнуть к другим, более сложным методам, из которых упомянем только один. Он состоит в том, что сравнивают высоту прилива, производимого Солнцем, и прилива, порождаемого Луной.

Из одного этого отрывка должно быть ясно, что такого рода авторы не имеют ни малейшего представления о физике вообще и небесной механике в частности. Притяжение Солнца вообще не влияет ни на один процесс на Земле, так как Земля непрерывно «падает» на Солнце, и

потому все тела на ней находятся в «неинерциальной системе координат».

Кратеры. Количество кратеров с обратной стороны Луны значительно меньше, чем с видимой. Кстати, сравните...

Кратеры на Луне

Кратеры от ядерных подземных взрывов

Лунные кратеры – не последствия ли ядерной бомбардировки Луны?

Похоже, что Луна – искусственный объект. И, может быть, она обитаема?

Больше 50 лет прошло после «Аполлона-11», но туда никто не летает, а деньги вложены огромные... Почему остановлена программа? Так большие дела не делаются.....

Задумайтесь об этом...

Авторы, художники и редакторы

Ян Бруштейн. Автор двенадцати книг стихов и прозы и более ста публикаций в толстых журналах, в том числе в журналах «Юность», «Знамя», «Дружба Народов», в антологиях, альманахах и литературных газетах. Лауреат конкурсов им. Н. Гумилёва и Н. Некрасова, Грушинского фестиваля и конкурса «Линия фронта», премии «Писатель 21 века», премий журналов «Зинзивер», «Дети Ра», «Зарубежные записки». Лауреат премии «Поэт года – 2013». Входит в Союз российских писателей и Русский ПЕН-центр. Живет в Иваново.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Катя Спектор. (Елисаветская). Родилась в Москве. Закончила филфак педагогического института им. Ленина (МГПИ). Репатриировалась в Израиль в 1990 г. Живёт в Хайфе. Преподает иврит русскоговорящим студентам. Автор поэтического сборника «Стихи – Я».

Арина Браги. Живет в Денвере, США. Нейробиолог и профессор Metropolitan State University of Denver. Закончила МФТИ и аспирантуру NYU, защитилась в Институте Физиологии им. Богомольца в Киеве. Занимается писательским мастерством. Печаталась в Литературном журнале «ОЧЕВИДЕЦ» и сборнике «Дебют 2022». Ведет страничку на сайте proza.ru

<https://proza.ru/avtor/arinabragiБраги>.

Михаил Язмир. Родился в 1931 г. в Витебске, в семье рабочих. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения, и надежда сочинять стала мечтой жизни. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. Через 12 дней после начала войны (и за 5 дней до входа немцев в Витебск) предприятия, на которых работали родители, были эвакуированы в тыл, в город Саратов. Там

Мейер испытал весь набор радостей, печалей и горя суровой тыловой, а временами и прифронтовой, жизни, превратился в Михаила, приобрел навыки сопротивляемости голоду, холоду, недоброжелательности некоторых аборигенов к эвакуированным, но в то же время нашел надежных приятелей и влюбился в Волгу. В 1954-м году окончил Саратовский Гос. Университет им. Н. Г. Чернышевского, получив специальность геолога, и работал по специальности до отъезда в Израиль в 1995 г. Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это за время жизни в Израиле превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

София Шегель [05.02.1937 – 15.07.2024]. Родилась в Киеве. Окончила Вильнюсский университет, историко – филологический факультет. Работала в белорусском книжном издательстве, «Вышейшая школа», литовском издательстве «Минтис» («Мысль»). В Израиле с 1989 г., работала в газетах «Наша страна», затем «Новости недели». Публиковалась в литовской, белорусской, украинской, московской и израильской

периодике. Занималась переводами прозы и поэзии с литовского и славянских языков на русский. Жила в Ашдоде. Писала стихи и прозу. Автор нескольких книг. В нашем журнале публиковалась в №№ 3, 5, 11 и в текущем, 14-м номере журнала..

Марина Симкина о Софии Шегель:

В течение нескольких последних лет София была постоянным участником наших литературных онлайн встреч. Спасибо ей, она умела и поддержать авторов, и мягко и корректно указать на недостатки. К Софии я не раз обращалась за советом, когда – неопытная – не понимала, как вести большую и разношерстную литературную группу в наше сложное время. «Ну что ж, пошли жить дальше», – заключала София наши беседы.

Литературный дар Софии, чувство достоинства и умение держать удары судьбы останутся в нашей памяти.

Друзья уходят... Спасибо судьбе за встречу.

Леонид Дынкин. Родился в московской коммунальной квартире образца 1937 года. Послевоенная разруха. Средняя школа. 50-е годы – техникум. Служба в армии. 60-е – Семья. МИСИ им. В. В. Куйбышева – вечернее отделение (специальность – сейсмостойкие конструкции). 70-е – студенческая поэтическая студия Игоря Волгина – МГУ им. М. В. Ломоносова;

творческая мастерская Григория Львовича Рошаля – Центральный Дом кино. 90-е годы – Репатриация в Израиль. Главные приобретения – Друзья, Дом, Отечество. Работа в Тель-Авивском инженерном объединении. Публикации – Израиль, Россия, Германия, Финляндия, США. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Призер Международных поэтических конкурсов. Долгое время жил в Ашкелоне, сейчас – в Тель Авиве. Автор 4-х книг стихов.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики.

Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран.

Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей. Член редколлегии журнала СОНАР и выпускающий редактор этого, 14 номера журнала.

Елена Румановская (Кантор). Родилась в Ленинграде, закончила факультет русского языка и литературы Педагогического института (ныне университета) им. Герцена, преподавала в школах. С 1990 г. живет в Израиле, защитила диссертацию по русской литературе в Еврейском университете (Иерусалим), работала главным методистом по преподаванию русского языка в Министерстве просвещения Израиля, преподает русский язык в средней школе. Печаталась в журналах «Знамя», «Печать и слово Санкт-Петербурга», «ШАГИ», «Toronto Slavic Quarterly» и др.

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. Профессия – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров». Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публикации в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участие в литературных конкурсах. Автор нескольких книг.

Леонид Диневич. родился в 1941 году, за десять дней до начала войны, в селе Оноры на Сахалине. Школа, институт, служба, защита диссертаций, звание генерал-лейтенанта и должность руководителя крупнейшей службы активных воздействий на погоду, научная и практическая работа, затем – репатриация в Израиль. Сегодня Леонид Диневич живет в Израиле, участвует в общественной, научной и политической жизни страны, публикует статьи, книги, выступает с докладами.

Александр Вильшанский.

Родился в Москве. Инженер-радиотехник, кандидат технических наук.

В Израиле с 1998 г. Живет в Хайфе.
В течение 15 лет работал в Технионе.

Автор нескольких книг, в том числе пяти из них – по Физической физике.

Дмитрий Северюхин. Родился 13 февраля 1954 г. в Ленинграде. Историк русского искусства и литературы. Доктор искусствоведения, профессор петербургских вузов. Член Союза художников России, Международной ассоциации искусствоведов и критиков (AIS) и Санкт-Петербургского союза писателей. Окончил электромеханический факультет Ленинградского Политехнического института. Работал инже-

ром-технологом, научным сотрудником в НИИ. С конца 1970-х гг. параллельно с инженерной практикой занимался искусствоведением и литературоведением, сначала как любитель, затем профессионально. Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографий и справочных изданий, восьми книг прозы и поэзии. В разные годы выступал также как куратор художественных проектов и художник-живописец, график, иллюстратор. С 2022 года живет в Хайфе.

Галерея. Работы Дмитрия Северюхина

Все работы: бумага "Тинторетто", сухой акварельный карандаш, 70x50.

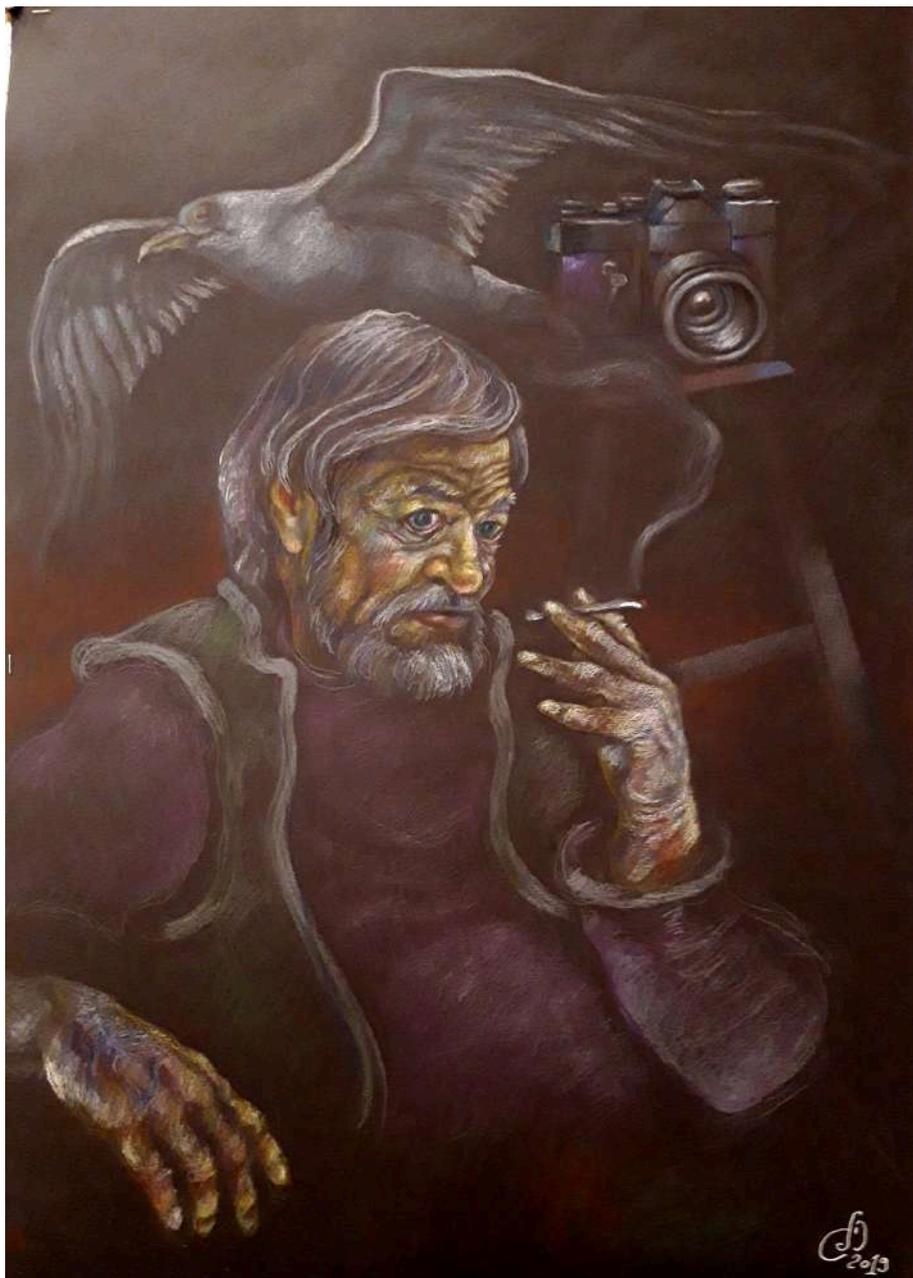
1-я страница обложки: «Портрет Т. В.»

3-я страница обложки: «Сотворение Гомункулуса» — это автопортрет.

4-я страница обложки: «Фалаша»

Рисунки в галерее

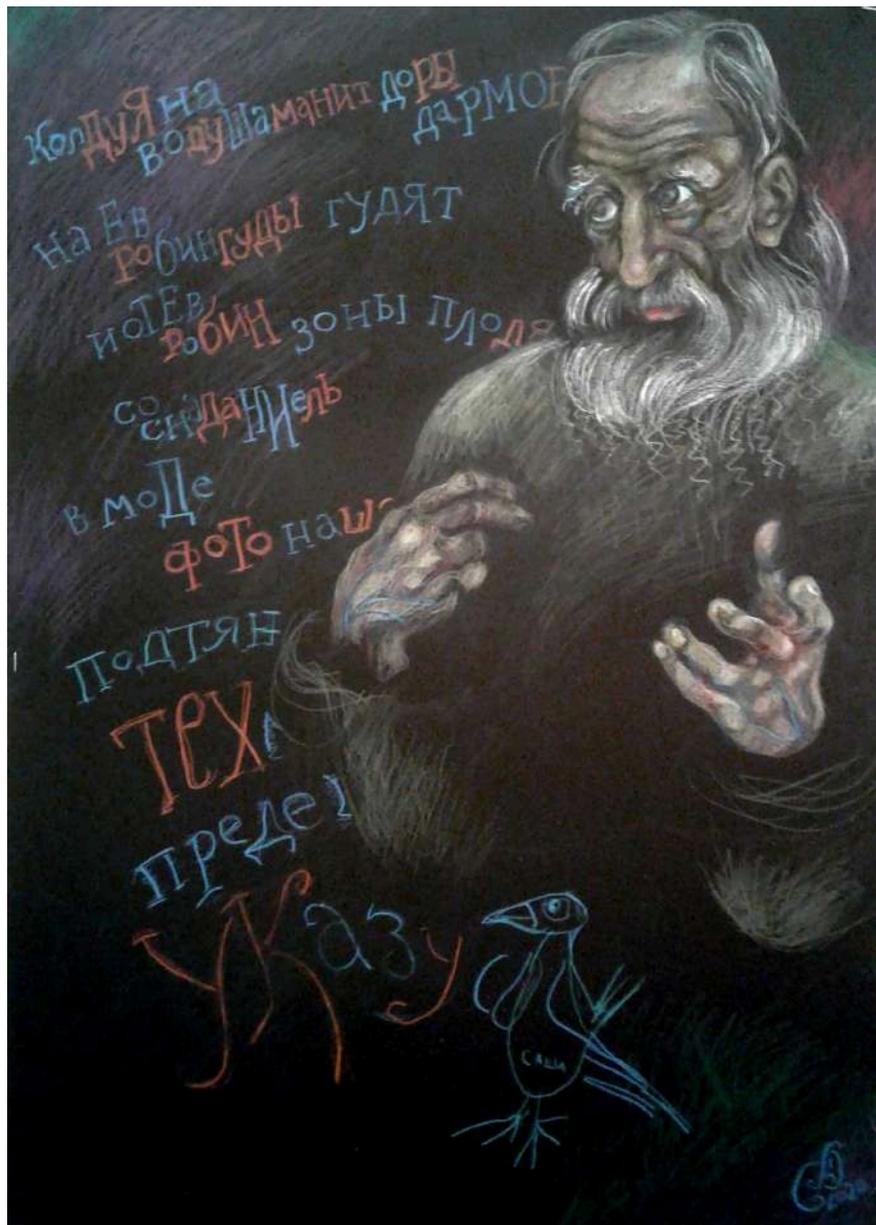
1. Птичка вылетела.
2. Вечер
3. Поэт Александр Горнон
4. Поэт Арсен Мирзаев
5. Оля с цветком Коломбины
6. Антиквар
7. В честь Борхеса
8. Сутин
9. Михаил Гробман
10. Еврейский ритуал.
11. Царь Давид.

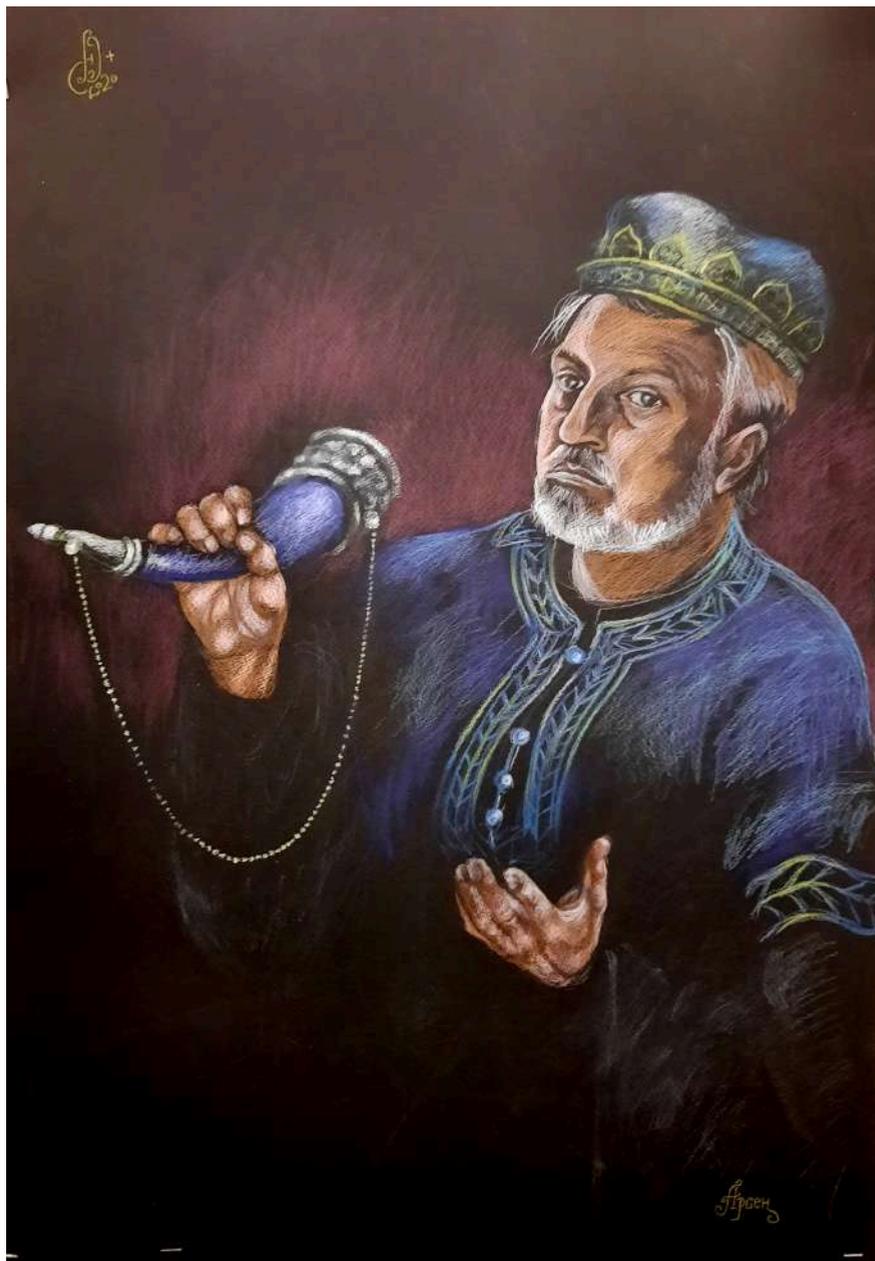
Птичка вылетела

Вечер

Поэт Александр Горнон

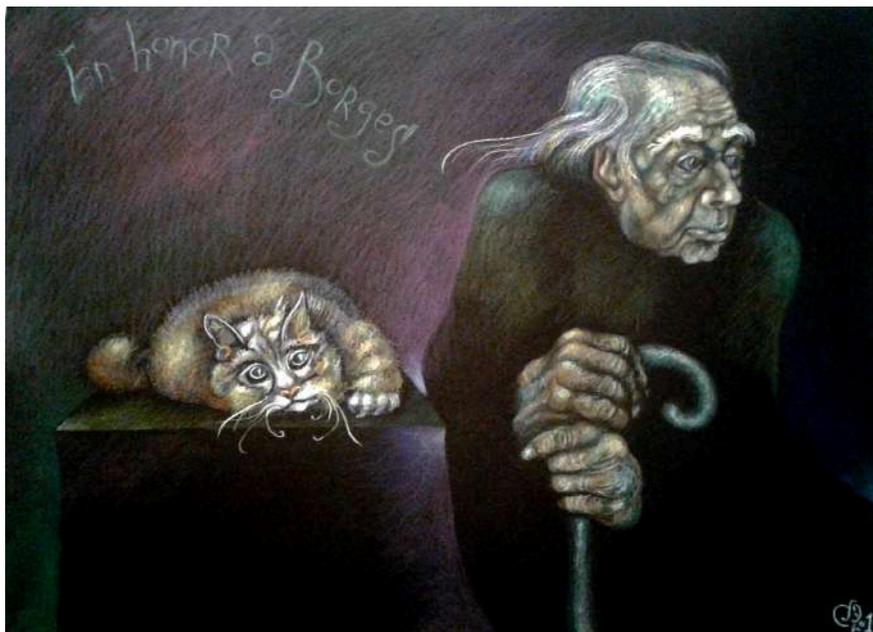
Поэт Арсен Мирзаев

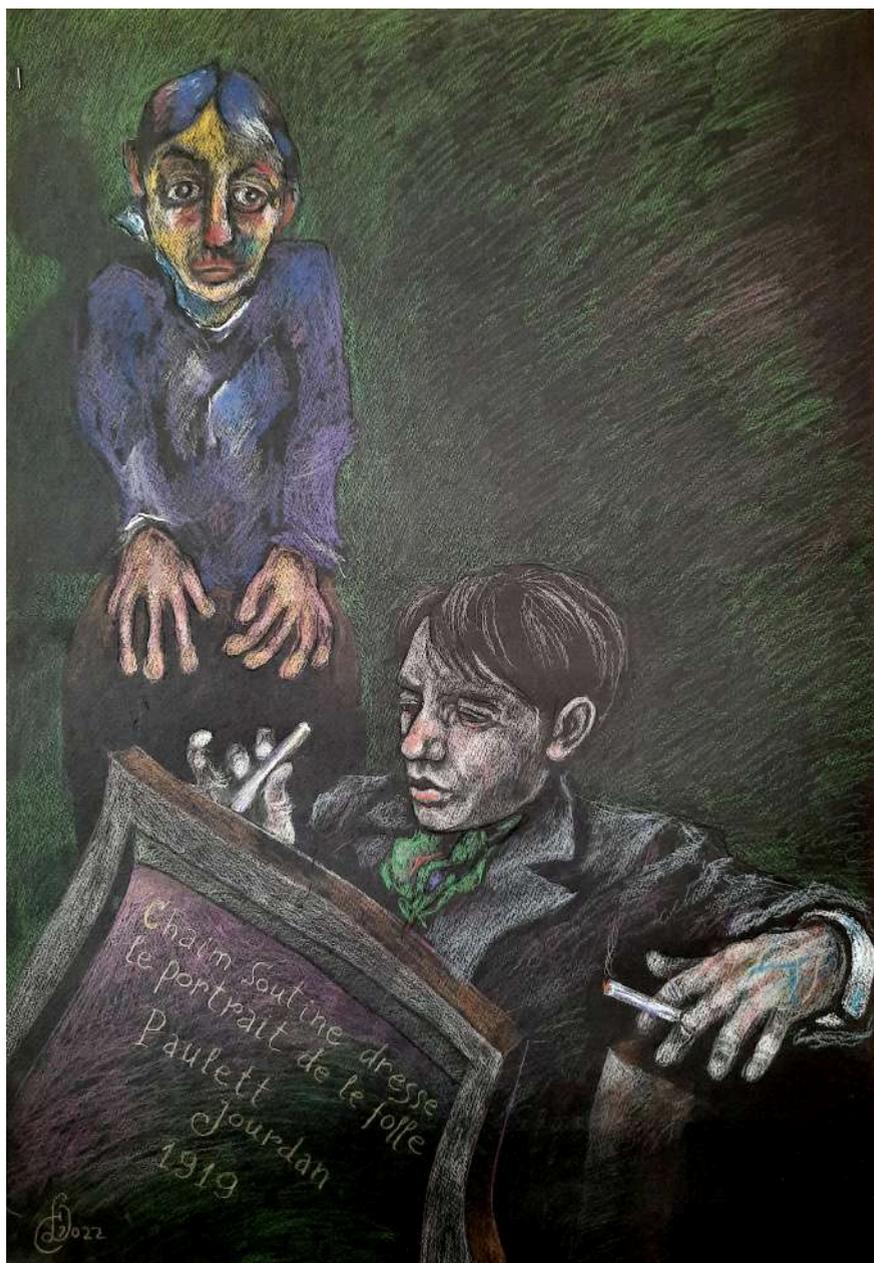
Оля с цветком Коломбины

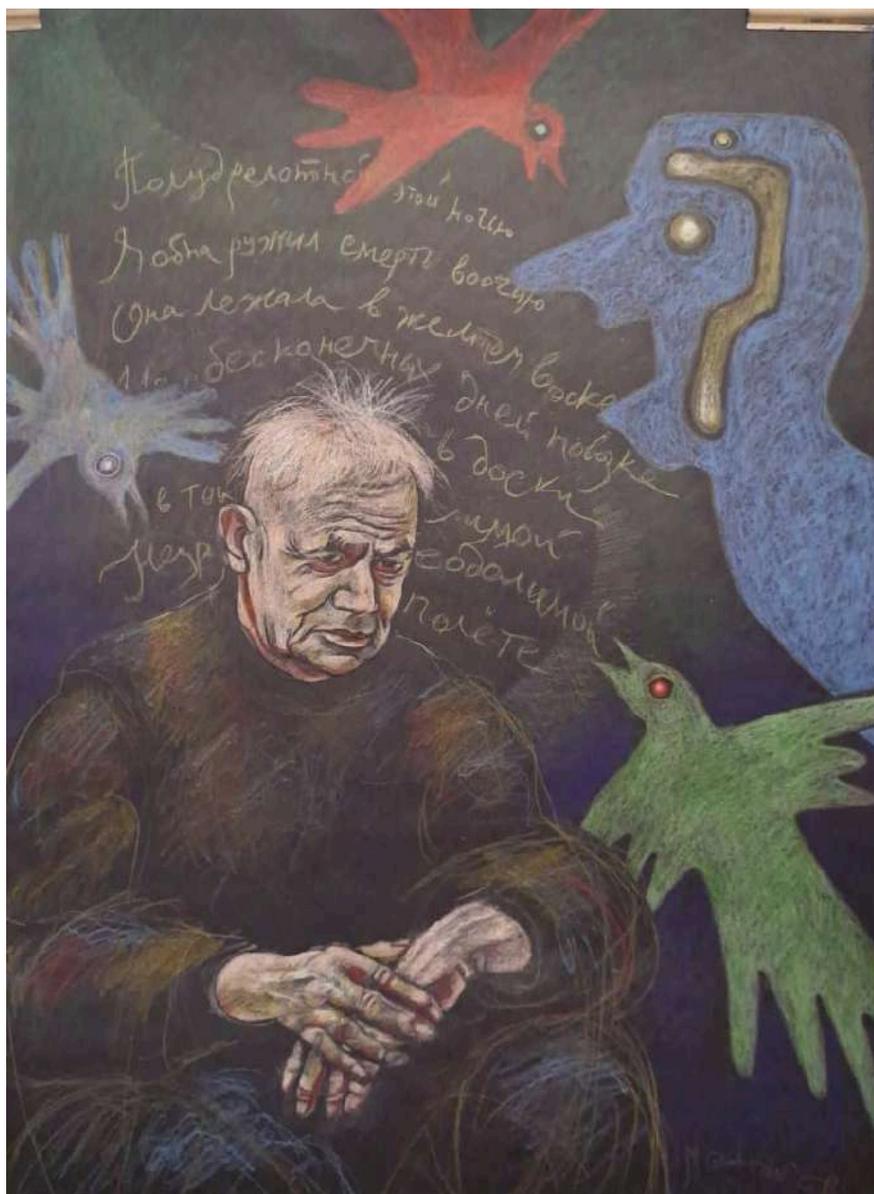
Антиквар

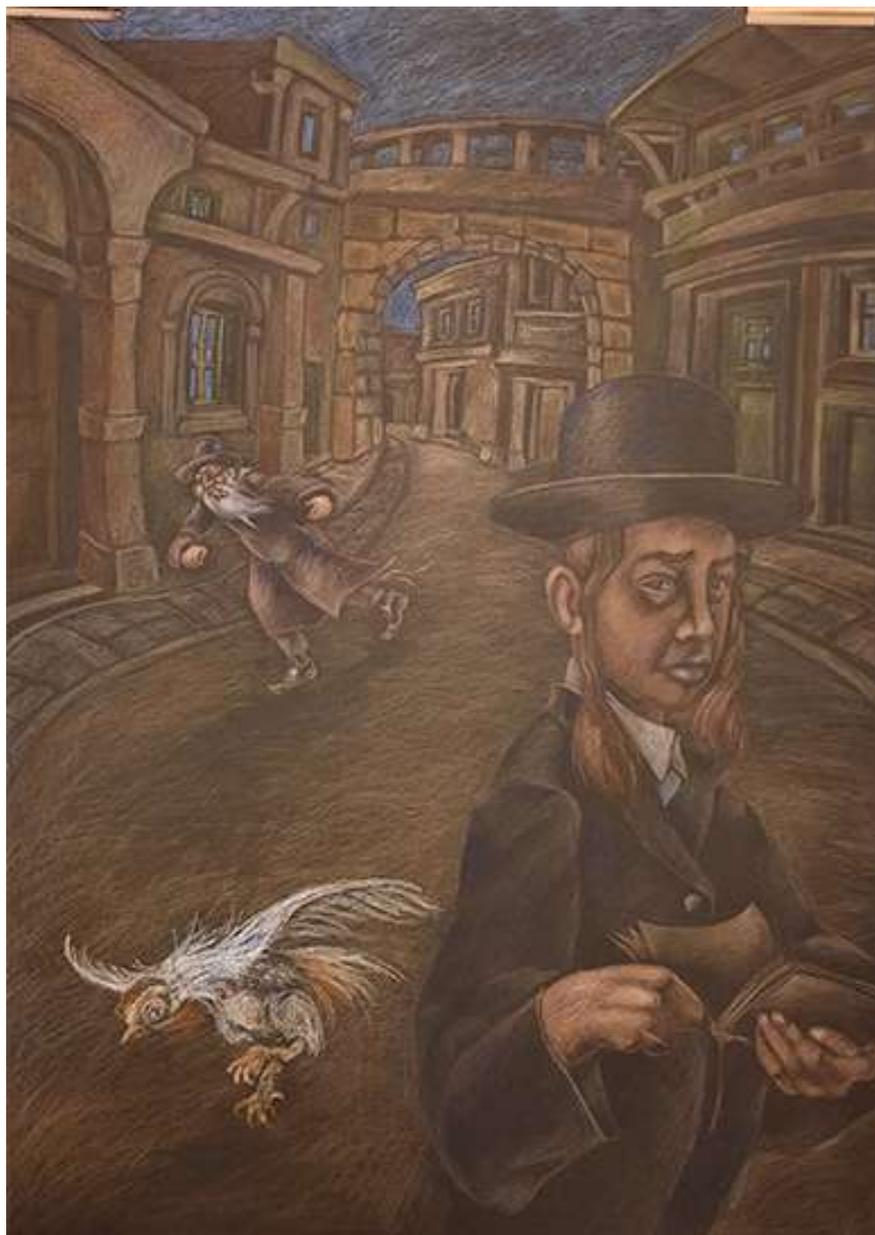
В честь Борхеса

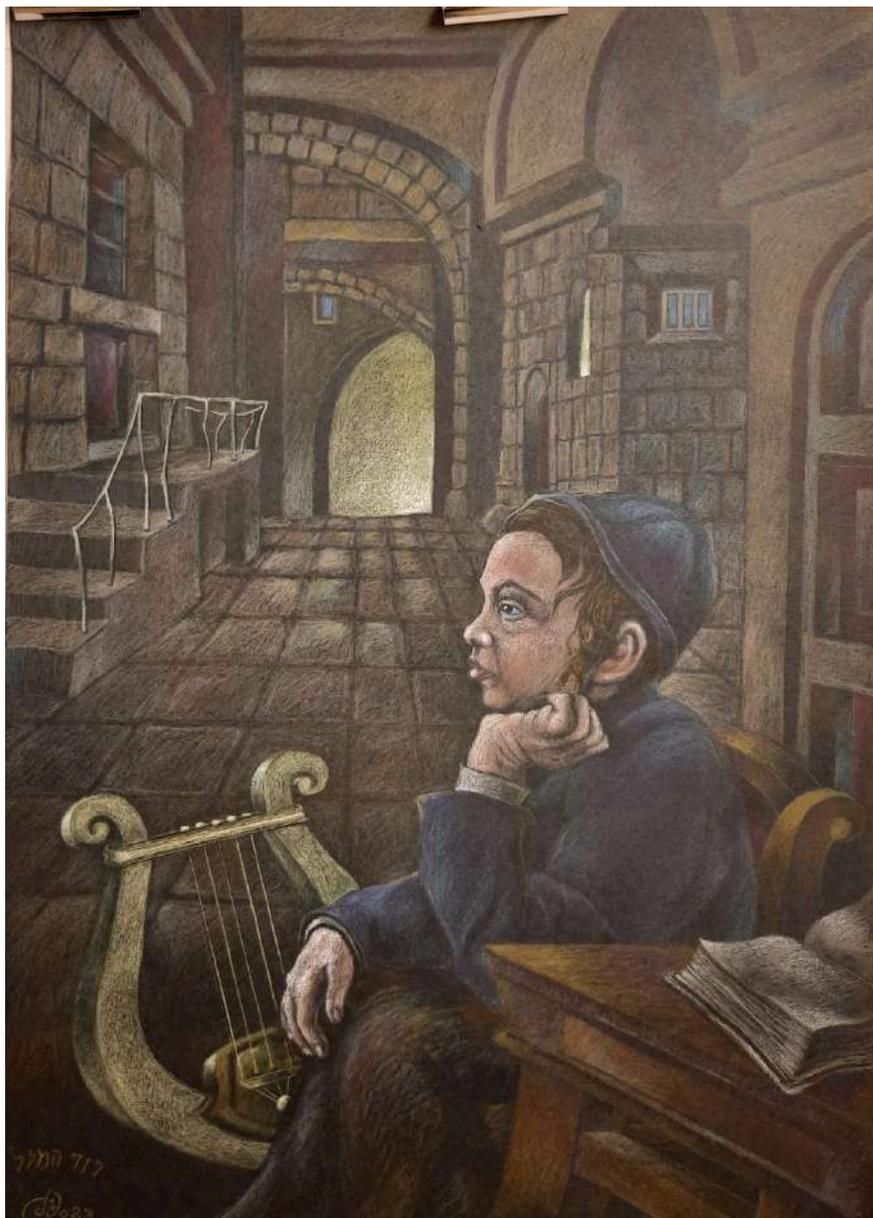
Хаим Сутин

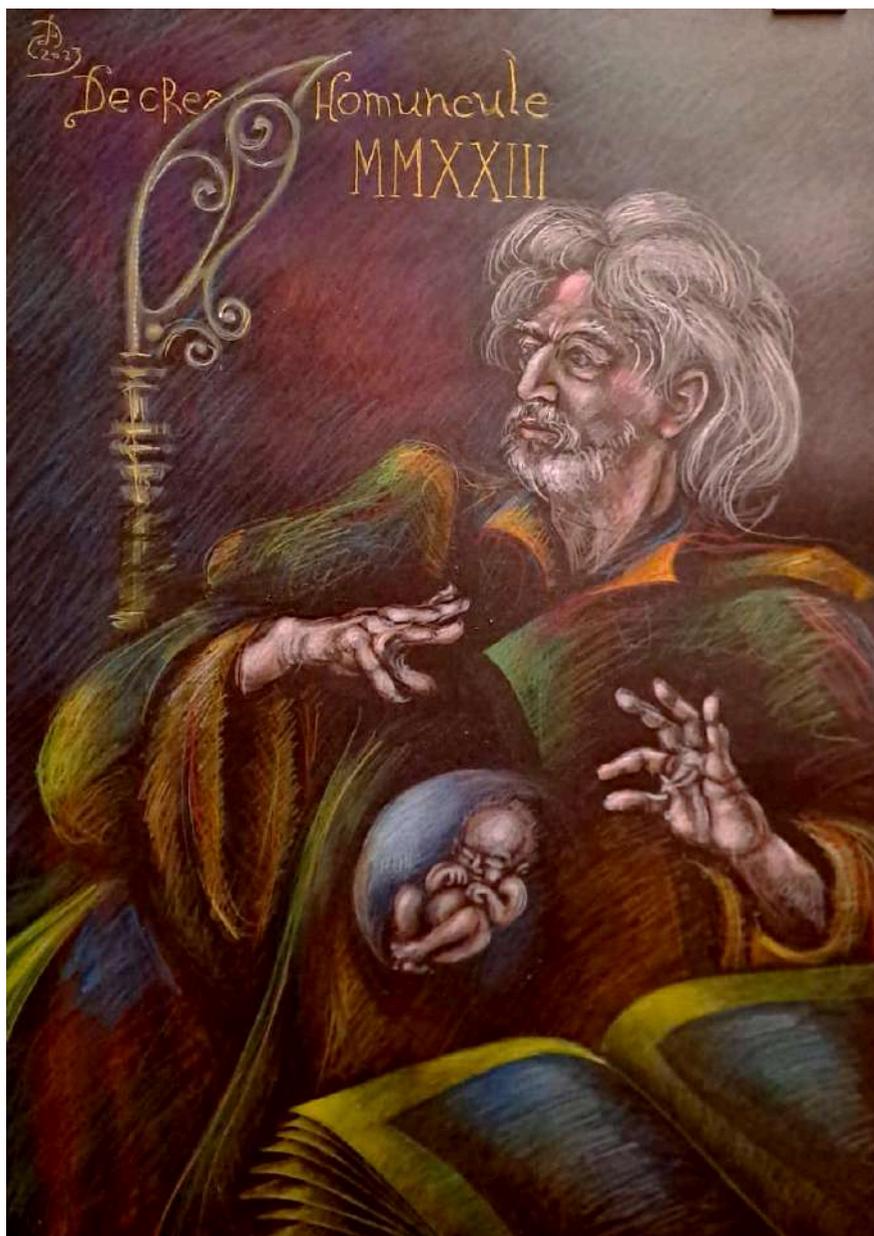
Михаил Гробман

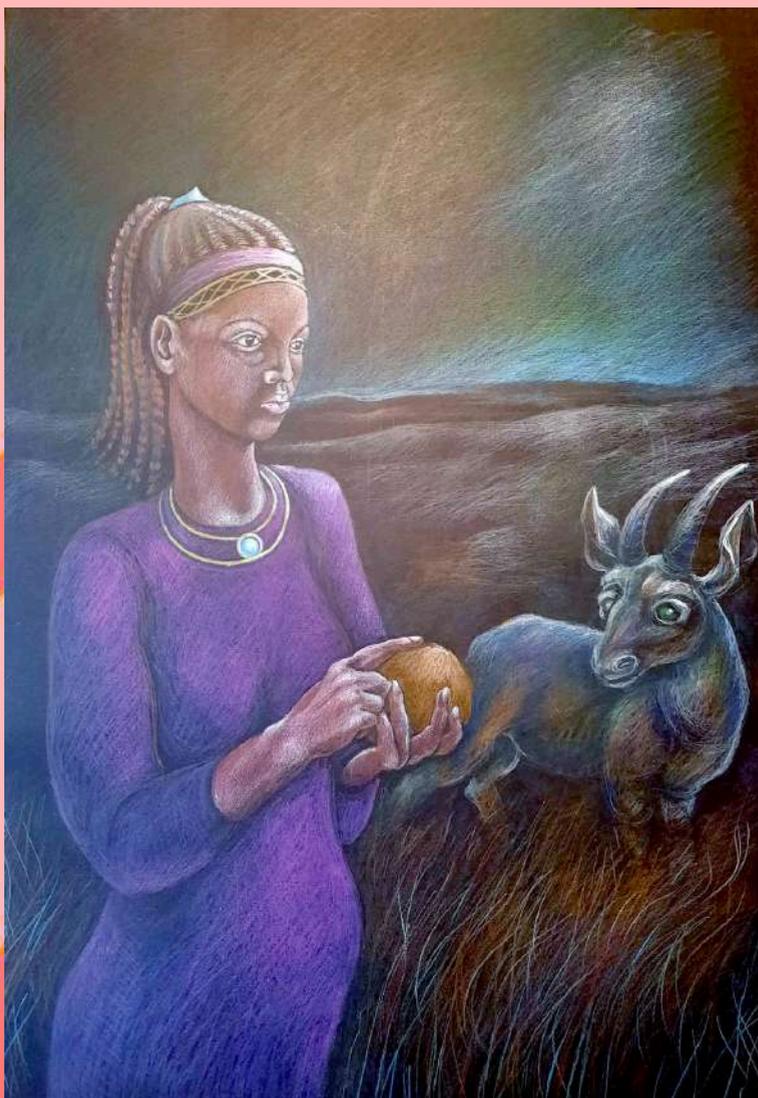
Еврейский ритуал

Царь Давид

Сотворение Гомункулуса. Автопортрет художника.
На 4 странице обложки – Фалаша

Литературно-публицистический журнал
(((СОНАР))) № 14, 2024 г.
Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль